

Тереза Мур

Империя Тигвердов

— 4 —

Память пепла

Annotation

Тая и Милфорд. От судьбы не уйдешь - если ты начальник имперской контрразведки, то даже твоя история любви будет связана со спасением мира... Он думал, что спасает девушку от себя... А она чуть не сошла с ума. Но стоило ей увидеть незнакомца, что являлся ей в снах и видениях, как ее... похитили! И что со всем этим делать? С ее магией, которая появилась так неожиданно. С любимым, на которого она чертовски зла. С похитителем, что молит спасти его семью. И с целым миром, который гибнет под нашествием песка, что так похож на пепел...

- [Тереза Тур](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)

- [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Бонус. Свадьба](#)
-

Тереза Тур

Империя Тигвердов. Память пепла

Глава 1

Паша вышел из метро, сияя радостной улыбкой отчаянно соскучившегося человека. Невский!

Признаться, он скучал по Питеру в чинном, упорядоченном Роттервике. Молодой человек обвел глазами шумный проспект, стараясь впитать себя все сразу: гомонящую многоязычную толпу туристов, парочек, идущих мимо строгого, словно недовольного современными нравами Казанского собора...

И даже начинающийся дождь, вместе со шквалом ледяного, долетевшего с Невы ветра, не испортил ему настроения. Он уже шел мимо художников, предлагающих пейзажи города, портреты и натюрморты с фруктами и цветами. Яркие краски, маленькие складные стульчики, доброжелательные, но немного грустные лица творцов всей этой красоты.

Пашка очень торопился, когда взгляд против воли зацепил небольшой прямоугольный холст. Кубок, наполненный спелыми ягодами малины. Шпага. Эфес инкрустирован рубинами в тон ягод, поблескивающих на солнце. Оба предмета были явно имперскими, но в этом как раз не было ничего удивительного. Многие люди, а особенно натуры творческие, ходят во сне по Империи. Как Тая. Ей бы, кстати, понравилось.

Денег в кармане было достаточно. Он же чуть ли не принц. Пауль Ре колебался лишь мгновение.

Мрачные мысли не давали покоя. Усилившийся дождь смыл остатки хорошего настроения, которые стремительно таяли по мере того, как приближалось время встречи. Что он ей скажет? Ничего. Будет врать. Врать другу. До этого соратника по шпаге подводить не доводилось. Никогда.

Но сейчас другого выхода просто нет. Приказ императора Тигверда. Придется сказать Тае, что ей стало плохо во время тренировки. И все. Ничего не было. Ни людей в старинных одеждах, ни мужчины, которого девушка видела во сне. Она не читала, рыдая, стихи, и ее зов не вырвал из бездны милорда Милфорда... Чушь!

Предательство по отношению к другу, и долг по отношению к Империи. Вот попал...

Юный Тигверд, со свертком под мышкой, спускался по ступенькам подземного перехода, отряхиваясь как пес. Мысли все еще рисовали перед глазами образ смуглой художницы. Хорошо, что ему незаметно удалось сунуть в шершавую ладонь в два раза больше. Уж очень рваная на пожилой

женщине была одежда. Старая цыганка-художница. Просто абсурд!

Интересно, где Таю застала непогода? Рука потянулась за мобильным, как вдруг он услышал отчаянный плач скрипки. И голос:

— Вы когда-нибудь пили вино черных ягод
Лозы напоенной лишь кровью погибших в бою?
А я пил...

Странно. Мужской голос казался знакомым. Паша помотал головой, думая, что ему мерещится. Вот уж кому в подземном питерском переходе взяться было неоткуда, так это...

Вы когда-нибудь слышали голос любимой
Сквозь ритм безумного пульса бурлящей крови?
Умерев...
Вырывались из рук ледяных пьяной Смерти
Бросающей кубок, звенящий от страха,
К застывшим ногам...

Он развернулся, ища глазами играющих в переходе музыкантов.

Скрипача он не знал. Сгорбленный пожилой дядечка с застывшим выражением нестерпимой, но привычной боли на лице, баюкал на плече старую, с потускневшим лаком скрипку. Несчастная нежно и безнадежно стонала, будто вспоминая о ком-то, кто уже никогда-никогда не вернется.

Сердце защемило. Голос певца стал громче. Песня торжественно плыла по подземному переходу:

— Черные кубки
Цветущих тюльпанов
Глядящие в небо Империи
Яркую синь!

Сомнений не осталось. Перед Паулем Рэ Тигвердом был Эдвард Грегори Шир, милорд Милфорд. Начальник имперской контрразведки. В отставке. Или в отпуске, кто его поймет. Поющий, грустный, и...живой!

Милфорд сидел прямо на бетоне, скрестив ноги. Длинные волосы упали на лицо, отгораживая от остального мира. Шляпа надвинута на лоб, пальцы, выглядывая из дырок вязаных перчаток, перебирали струны потертой гитары.

Гитара, скрипка, шляпа, шарф... Лето же! И вообще, где Милфорд достал этот прикид, да еще и компаньона себе нашел! И песня эта... Красиво...

Перед исполнителями лежал раскрытый скрипичный футляр.

Пыльный, со сломанными замками. Как только последние звуки стихли, слушатели стали подходить, щедро одаривая музыкантов. Некоторые, не таясь, вытирали глаза.

Скрипач раскланивался, благодарил. А Милфорд сидел, никого не замечая, лишь меланхолично пощипывая струны гитары.

Пашка отмер, скидывая магию, которой поддался вместе с теми, кто прятался здесь от дождя. И громко позвал:

— Милорд! Милфорд!

Старик глянул на него недовольно. А начальник контрразведки империи Тигвердов произнес вяло, без эмоций:

— Добрый день, юный Тигверд. Чем обязан?

Головы при этом уличный бард не поднял.

— Я... у меня встреча, — растерялся Пашка. А потом выпалил. — Что вы здесь делаете?

— Отдыхаю.

Теперь в голосе слышалась явная насмешка.

Паша хотел ответить Милфорду в матушкином стиле: «Странное у вас понятие об отдыхе». Но не осмелился.

— Правильно, — одобрил Милфорд, словно прочитав мысли молодого человека.

— Мы переживали.

Начальник контрразведки рассмеялся. Получилось невесело.

— Со мной все в порядке. Мы с мэтром песенки поем. Народ веселим. На выпивку и еду хватает. А теперь, извини, юный Тигверд. Надо работать.

Несколько аккордов, плач скрипки:

— Там, где закаты машут рукой,

От страсти русалочьей веет тоской...!

— Пашка! — раздался звонкий голос Таи, с легкостью перекрывший гул перехода и музыку. — Ну ты даешь! Песни слушаешь! Договорились же...

Гитара, жалобно застонав, смолкла. Милфорд перестал петь. И замер. Только руки судорожно сжали гриф. Скрипка тоже стихла, будто почувствовала.

Молодой маг реакции Милфорда не заметил. Он смотрел на Таю. Небесно-голубое платице в цветочек. Пышная юбка, белые кеды, две косы, заплетенные до середины и ничем не перехваченные. Какая она... Красивая! Он ведь ее только на тренировках и видел раньше.

— Прости, — Пашка понял, что девушку надо уводить. И как можно скорее, пока она не поня...

— Ты... — прошептала девушка, не сводя взгляда с Милфорда. — Ты! Милфорд поднял голову. Глаза из-под нависших невымытыми сосульками волос вспыхнули пронзительно-синим.

Они смотрели друг другу в глаза около минуты. Паше казалось, что еще чуть-чуть, и та сила, что рождалась между этими двумя, станет не безопасна для окружающих. Он попробовал сделать шаг вперед:

— Тай...

— Не подходи! Слышишь?! Не подходи ко мне!

И она бросилась бежать. Перед тем, как выбежать наверх, девушка крикнула:

— Никогда тебя не прощу!

Парень бросился за ней.

— Тая!

Милфорд вскочил, передал гитару скрипачу. И остановился.

— Зачем... — прошептал он сам себе.

— Иди за ней. Не глупи! — строго прохрипел старик. — Жизнь коротка. И ты можешь не успеть ахнуть... Как всё...

Словно в ответ на его слова над головой раздался крик. Резкий визг тормозов.

Маг уже летел вперед, понимая, что опоздал.

— Что твориться!

— Девочку схватили!

— Мотоциклисты! Прямо на ходу!

— Средь белого дня!

— А мальчик? Молодой человек-то живой хоть?!

Милфорд, протолкнувшись, обнаружил Пауля Тигверда, лежащим на асфальте. Кровь тонкой струйкой текла из пробитого виска.

...

Легкий ветерок тихонько подлетел к приоткрытой створке окна, покачался на занавесках, шмыгнул в комнату, поиграл синими цветочками у кровати, где спали мужчина и женщина.

Длинные серебристые волосы мужчины, широкие плечи и шрам по всю спину, пышные формы обнаженной женщины с тяжелой косой цвета меда...

— Куда делось одеяло? — пробормотала она. — Я точно помню — оно было!

— Убежало? — улыбнулся мужчина, не просыпаясь.

— «И подушка, как лягушка ускакала от меня!»

- И ей не спалось?
- Как я помню, там дело было в другом... А я замерзла!
- Так я тебя согрею...
- Ричааард! Мы же хотели выспаться!

Ветерок отлетел подальше от этих двоих, тронул на прощание алый шелк платья, брошенного на спинку кресла и улетел.

— Ника!

Женщина улыбалась, глядя мужское плечо.

— Рядом с тобой я чувствую себя ненасытным чудовищем, — пожаловался он вдруг.

— Почему ж чудовищем? — тихонько рассмеялась Вероника. — Хорош. Эротичен. Брутален...И — весь мой!

Ричард усмехнулся.

— А еще танцует. В том числе — танго. Эх... Сама себе завидую, сама себя к тебе ревную.

— Танцы! До встречи с тобой я и не предполагал, что буду делать это добровольно, да еще и получать от этого удовольствие.

— По тебе не скажешь. Двигаешься ты...

— Сама себе завидуешь? — одной рукой мужчина подпер щеку, другой провел по медовым волосам.

— Точно!

— Знаешь... Мне нравится этот мир.

— Мне тоже. Такой беззаботный. Легкий.

— Или кажется таким...

— Старается нам понравиться?

Их разговор прервали — кто-то, кто явно чувствовал себя несчастным и брошенным, требовательно скулил за дверью.

— Фло, — поднялся мужчина и быстро оделся. — Мы про него и забыли. Я его выведу. Поспи еще.

Женщина улыбнулась. Потянулась за поцелуем, и...

— Вызывают. Совещение.

Ника знала этот взгляд. Мыслями муж был уже далеко. В серьезных проблемах общеимперского масштаба, требующих немедленного разрешения и личного присутствия.

Рассеянный поцелуй в щеку все же состоялся, после чего Его высочество ненаследный принц Ричард Фредерик Рэ Тигверд исчезли в мареве портала.

— «Вот так и живем... Не ждем тишины», — пропела Вероника.

Одежду этого мира, морского и вольного, она любила больше, чем чинные и неудобные платья Империи. Днем — светлые юбки по щиколотку, легкие блузки и соломенные шляпки немыслимой красоты. Вечером — алые платья с воланами, живые цветы в волосах. И легкое, ароматное вино!

Переодевшись, Вероника пошла готовить себе и щенку завтрак.

— Фло! Кушать! — пес прибежал, неся в зубах соломенную шляпку... немыслимой когда-то красоты...

— Фло! Ай-яй-яй.... Это потому, что в поместье тебя избаловали до безобразия! — вздохнула хозяйка, накладывая в мисочку вкусную гречневую кашу с печенкой.

Принц посмотрел на нее с укоризной. Ну, вот как не стыдно наговаривать на него, бедного? И произносить такие жестокие слова.

— Не смотри на меня так... Ешь! И пойдем гулять.

Ника пила кофе. В этом мире его варили со специями. Напиток получался жгучим, терпким, бодрящим. Еще ей нравился ярко-оранжевый хлеб и белый, мягкий сыр.

Все это было очень вкусным, но... Что-то скребло внутри. Что-то не давало покоя. Что?

Муж... Она его знает! Знает каждую искорку в черных глазах. И та, что вспыхнула перед тем, как Ричард ушел, ей не понравилась...

Что-то звякнуло. Фло принес поводок.

Пока она вспоминала, как они с Ричардом танцевали на побережье, Флоризель Тигверд носился по пляжу... Его высочество бегали за чайками, взметая тучи песка длинными ушами.

Он погуляли по пляжу и свернули в город.

Узкая улочка, мощенная желтоватыми камнями, вилась меж белоснежных домов, выгибаясь, будто спина недовольной кошки.

— Дарри! Дарри! Подожди! Я с тобой!

Голос какой-то девочки — испуганный, отчаянный. Вероника резко остановилась. Флоризель дернул поводок и тоже обернулся.

Девочке на вид было лет десять. Шляпка, белокурые локоны. Не ребенок — ангел. Да и мальчик — явно брат, на пару лет постарше — был ей под стать. Вот только разговор у них... Словом — те еще ангелы... Вероника прислушалась.

— Ты чего ко мне прицепилась? Иди домой, Элл! Живо! — шипел мальчишка.

— Не хочу здесь оставаться! Хочу уплыть и найти папу!

— Глупости! Его нельзя найти!

— А вот это не твое дело! Ты сказал — нужны деньги. Я их достала! Не возьмешь меня с собой, я... Я маме все расскажу!

— Элл...Деньги откуда? Где ты их взяла?

Девчонка перестала хватать парня за руку. Отступила. Насупилась.

— Только не говори, что утащила их у мамы?!

— А что? Ты же в пираты решил податься. Тебя юнгой берут! А пиратам грабить полагается!

— Но не у мамы же!

Вероника потихоньку спустила с поводка Флоризеля. Умный пес, сделав вид, что растерялся, потерялся и вообще — сейчас погибнет в цвете лет — тут же потрусил к детям.

— Смотри! — пискнула девочка, мгновенно превратившись из злого пирата обратно в ангела.

— Ух ты! Какой! — мальчик улыбнулся. Просто и искренне.

Фло величественно кивнул. Боднул под руку мальчишку, уткнулся башкой в девчонку. И вздохнул. Тяжко. Ну, и когда гладить и жалеть начнут? Ох, и плохо же двуногие поддаются дрессировке...

— Давай его себе заберем! — воскликнула девочка, забыв, что только что собиралась бежать.

— Мама не разрешит, — вздохнул мальчик. — К тому же, мне пора.

— Дарри! Как же мы без тебя? — всхлипнула девочка.

— Элл, перестань.

— И мама... Что я ей скажу...?!

— Добрый день! — Вероника подошла, помахивая поводком. Фло радостно бросился к хозяйке, будто месяц не видел. Артист!

— Ой! — хором сказали дети.

— Вы нашли мою собаку, как вас отблагодарить?

— Нам ничего не надо, — выпрямился мальчишка.

Ой, что-то подобное в исполнении Рэма она уже неоднократно имела удовольствие лицезреть... Знаем, плавали!

— Может, мороженное?

Десять и двенадцать лет... Замечательный возраст! Или в пираты, или по мороженому... В принципе, равнозначно. Так что несколько минут спустя они уже сидели вчетвером около фонтана и болтали за жизнь.

— Но почему в морские разбойники-то? — горячилась Ника.

— Это круто!

— Что именно? Первое, что тебе прикажут сделать — взять кинжал и зарезать какую-нибудь девчонку. Таковую же, как Элл. Сможешь?

— Зачем? — обомлел Даррин.

— Для того, чтобы быть уверенным в твоей преданности. Это ритуал пиратов — пролить невинную кровь. Они должны убедиться, что ты выполнишь любой приказ. Не остановишься ни перед чем. Что в тебе нет ни сострадания, ни жалости.

— А вы откуда это знаете? — быстро спросила Элл.

— Я преподаватель истории. И все про всех знаю.

— А....

И столько разочарования в голосе...

— Даррин! — раздался рядом недовольный мужской голос. — Ты почему не явился на корабль? Он уже ушел.

Мальчишка покраснел. И опустил голову.

Вероника оглядела вербовщика. Молодой. Несколько волосков на подбородке, символизирующих мужественную щетину, да тоненькие усики над верхней губой.

— С кем это ты?

— Представьтесь, пожалуйста, — поднялась Вероника.

Парень застыл. Вороватый взгляд узких глаз быстро окинул ее с ног до головы, задержался на перстне, метнулся к браслету. И... молодой человек удрал.

— Ну, вот... — вздохнул Дарри. — Не видать мне моря.

— А почему для того, чтобы стать моряком, надо идти в пираты? Более цивилированного способа нет, что ли? — удивилась Ника.

— Есть. Но в училище берут только граждан. А мы с мамой и сестрой — пришлые.

Девочка тут же наступила брату на ногу, сделав выразительное лицо. Видимо, говорить о том, что они не здешние мама не велела. Интересно...

Глава 2

Ричард Рэ Тигверд солгал. Он просто не смог сказать Веронике, что на сына напали в Петербурге. Пробита голова. Сначала он все выяснит сам.

Огненный маг появился из портала, ни от кого не скрываясь, не ставя защиту от любопытных глаз. Не до того. Увидел сына. Остановился, не в силах оторвать взгляд, медленно осознавая, что самое страшное позади. Жив. Это главное. В лицо мальчишки словно плеснули зелени. Паша сидел, скорчившись, обхватив голову испачканными в крови руками.

— Вам нужно отправиться домой, — выговаривал ему Ирвин. — У вас сотрясение мозга. Необходим покой. И...

Пашка мотнул головой и тут же «поплыл». Взгляд стал бессмысленным, тело обмякло. Ричард сделал было шаг к сыну, но, услышав недовольные возгласы Ирвина, решил подождать. Целителю сейчас не до его отцовских чувств...

— Вот что за наказание такое! — Ирвин склонился над пациентом. Руки с длинными пальцами запорхали над упрямым мальчишкой.

Ричард и сам был неслабым магом, однако то, сколько силы было в целителях, всегда поражало его. А Ирвин...Мастер! Виртуоз! Лучший в Империи...

«Все же исцеление — это чудо...» — ненаследный принц Тигверд видел, как лицо сына приобретает цвет, как дыхание Пашки — да и его самого заодно — становится ровным. Как падает на землю... Падает?!

Ричард успел подхватить Ирвина.

— Тревога! Целителей сюда! — скомандовал он. — Живее! И Феликса Тигверда!

Вокруг вспыхивали порталы. Кто-то из толпы, что оттеснили за ограждения, оцепив весь Невский, обратил внимание на радугу. Имперцам повезло — только что прошел дождь, и местные искренне приняли происходящее за естественное природное явление. В другое время Ричард счел бы это забавным, но не сейчас. Он искал глазами младшего сына, а в памяти всплывали слова Ирвина о том, что если ему самому когда-нибудь понадобится помощь — лучше Феликса не найти.

— Отец! Пашка? Учитель?!

Феликс выглядел растерянным. Юный целитель не знал, к кому кидаться.

— Кому нужнее? — попытался подсказать отец.

Глубокий вздох, и молодой человек склонился над Ирвином.

— Что у вас здесь?

Заместительница Ирвина решительно направилась к Паше, одновременно приказывая молодой рыжеволосой девушке, которую Ричард видел в палате у Милфорда:

— Рене, помогите Феликсу.

— У тебя с собой укрепляющая настойка? — бросил Феликс, не прекращая водить руками над телом учителя.

Девушка кивнула. Раскрыла огромный саквояж.

— Разрешите доложить?

— Позже... — бросил Ричард.

Надо дожидаться, пока очнется сын. Убедиться, что с ним все в порядке, а потом... Все остальное — потом...

Внутри все смешалось. Гордость за Феликса, страх за Пауля. В этом мире, они засветились так, что объяснений с местной службой безопасности не избежать. А еще Ника. Как бы он не попытался сейчас хотя бы частично все решить, придется рассказать ей правду.

— Отец... Таю похитили... — шепчет Пашка.

— Как он? — Ричард наклонился к сыну.

— Опасности для жизни нет, — пожала плечами миледи Бартон. — Необходим покой. Переносить порталом пока поостережемся. Кровотечение было сильным.

Ричард, вспомнив, что удар был по голове, с трудом удержался от того, чтобы не потрепать русые взлохмаченные волосы. Нельзя. И мужчина погладил мальчика по плечу. Затем подумал, и развернул сына раной к себе.

Били сильно. С расчетом на потерю сознания. В идеале — потерю памяти. Но не на поражение. Если бы хотели убить, им бы ничего не помешало.

— Мне нужно помочь Тае, — Пашка упрямо шептал, стараясь избегать резких движений.

— Пока вы настолько слабы — вы никому ничем не поможете, — заметила заместительница Ирвина.

Тот тоже очнулся. Выброшенной на берег рыбой задышал глубоко и часто.

Ричард вопросительно посмотрел на Феликса.

— Жизнь вне опасности, — отрапортовал сын. — Дар целителя тоже. Скорее, общий упадок сил.

Кивнуть. И теперь уже развернуться к военному.

— Мастер Пауль встречался с девушкой. В подземном переходе. При

этом присутствовал милорд Милфорд...

Принц Тигверд с трудом удержался от удивленного возгласа. Так вот где был Шир все это время! Впрочем, странно, что он сам до сих пор не догадался. Мир Вероники — любимое развлечение друга. Милорд прекрасно знал русский, находил, что местная выпивка вполне сносна, а от всех этих набережных и особенно подземных переходов и вовсе был в восторге. Еще он любил эти, как его...Белые ночи. И сейчас, кажется, сезон.

— Девушка бросилась бежать после того, как узнала милорда. Наверху на нее напали. Пять мотоциклистов.

— Мото...клици... Это кто?!

— Они ездят на этом...

Взгляд ненаследного принца Тигверда скользнул по серому дорожному покрытию. Как они это называют? Асфальт? Приспособление для езды на двух колесах беспомощно лежало на боку. И снова представилась рыба, выброшенная на берег.

— Один из тех, кто управлял мотоциклом, исчез. Вместе с девушкой. Остальным удалось ускользнуть. Розыскники идут по их следам...

Но Ричард уже не слушал. Он смотрел на Милфорда, который, скрестив ноги, сидел около этого странного двухколесного транспорта. Очень не надежного, на его взгляд, средства передвижения.

Шир, похоже, был очень и очень далеко. Начальник имперской контрразведки в отставке напряженно вслушивался во Вселенную, пытаясь нащупать следы. Почувствовать — жива или...

Тигверд не смог подойти и спросить. Он понимал: девушку похитили, чтобы отомстить Милфорду...

Вскоре к ним подъехал огромный черный автомобиль. Дверь открылась, и император Фредерик Тигверд жестом подозвал к себе сына. Ричард заметил, что брат Милфорда уже рядом с отцом.

— Она жива... — тихо сказал Швангау, поднимая глаза на императора, — Я это чувствую.

— Ей больно?

— Вы хотите знать, не пытаются ли ее? — тяжело вздохнул придворный маг императора Тигверда.

— Я все хочу знать! Все, что возможно и невозможно. И побыстрее!

— С девушкой... непонятно. Она испугана. Разгневана. Кроме того, я думаю, что именно она перенесла себя куда-то, прихватив с собой

похитителя. Смотрите: сначала обезвредили мастера Пауля. Потом... подчинили девушку.

— Что вы имеете в виду, Швангау? Как это «подчинили»? — император нахмурился.

— Усадили на мотоцикл — она даже не сопротивлялась.

— Что вы несете?

— Думаю — это нэйро, Ваше величество, — маг учтиво поклонился.

— Нэйро? Только этого не хватало... И что это за мир?! Да не томите вы, в конце-то концов! Откуда в вас эта убийственная медлительность?!

— Прошу прощения, Ваше величество, — Швангау снова поклонился. Медленно. Затем продолжил. — Миров с подобной силой и магами десятки. Известных только мне десятки...

— Удивительно...

— Но самое удивительное не это, Ваше величество. Девушка сумела побороть заклятие. Оказала сопротивление, проявила волю.

— Даже так?

— Девочка — чкори. Правда, это лишь мое предположение, но перемещение очень похоже на те, что они строят.

— Вы точно говорите о ней? Фехтовальщица из этого мира?

— Чкори есть везде, Ваше величество.

— И как нам это поможет ее найти?

— Мы пригласили герцогиню Рэймскую. Попросили проконсультировать.

— Почему Пауль не смог дать отпор? — резко спросил Ричард, будто очнувшись. Все это время маг, погруженный в свои мысли, молчал.

— Нэйро способны не только к внушению. Внезапная сильная атака блокирует волевые проявления полностью. Думаю, мастер Ре по своей силе вполне мог бы всему этому противостоять, если бы ожидал и был готов.

— Почему вы не пошли за девушкой? — принц Тигверд вопросительно посмотрел на придворного мага. Самого сильного мага Империи.

— Невозможно. Что-то мешает.

— Могу я попробовать?

— Конечно. Попробуйте...

Ричард опустился на мостовую, расслабился, впуская в себя странный, остро пахнущий горечью мир.

Белоснежный песок, острые скалы, нависшие над пронзительно-синей водой. Его сознание летело ввысь, к самым вершинам. Там, среди спящего белого снега, крался снежный Анук-чи. Он...никогда не видел

такого! Манул...

Чкори есть везде. Мало ли, какие кланы еще существуют. От хищника веяло силой. Необузданной, неконтролируемой. Стальные, темные волны отражались в холодных глазах.

— Тая... — позвал Ричард.

Виски сдавило.

— Прочь! — прохрипел кто-то.

Бледное вытянутое лицо, нос с горбинкой, высокие залысины. Редкие, но длинные волосы сзади собраны в хвост. Что-то странное в глазах — они неподвижны! Или...нет?

Вдруг все завертелось яркой, сводящей с ума метелью перед глазами.

«Ника..., - подумал Ричард. — Как же так...»

— Пойдем за мной, — неожиданно знакомым голосом сказала золотая птица, что вынырнула из круговерти прямо перед ним. — Пойдем...

Он почувствовал, что жив и ...очнулся. Скрестив руки на груди и хмурясь, над ним склонилась герцогиня Реймская.

— Что у вас за манера, милорд Верд — сразу лезть напролом!

— Добрый день, — просипел Ричард.

— Имперцы! Не зная, куда. Не зная, кто будет противостоять. Просто потому, что сильные! Непобедимые, да?

— Спасибо вам...

— Вас же предупредили, что в деле замешаны нэйро! Вам это ни о чем не говорит? Или в военной академии об иных мирах не просвещают? Не считают нужным? Зря!

— Но...я почти дотянулся... до нее...

— Замечательно!

Тут принц Тигверд недовольно посмотрел на придворного мага. В конце концов, он же служит Тигвердам. Значит, должен защищать сына своего императора!

Но Швангау даже не смотрел в их с герцогиней сторону. Маг не отводил взгляд от брата. Милфорд, до этого не обращающий ни на кого внимания, поднялся.

— Шир! — позвал Ричард.

— Эдвард? — окликнул придворный маг младшего брата.

— Все потом. Я должен ее найти, — нахмурился Милфорд. — Не мешайте!

...

Скрипач слушал город. Чужой. Шумный. Непохожий на Роттервик.

Зорго Цум решил уйти. Жить в Империи...Больше не мог. Там горе

ходило за ним по пятам, прорастало черными тюльпанами парка, ухмылялось девичьими платьями, чистыми улочками, жгло душу солнечным светом в яркой листве. И только на кладбище, уже не таясь, вставало во весь рост и смеялось лицо свежей могилой.

Музыкант исчез в конце мая. Поздним вечером пришел к Ясе в последний раз, посадил сойки-безвременники. Ее любимые. Наверное, уже и отцвели, если прижились, конечно. Хотя о чем это он? Иначе и быть не может. Служители Сада смерти — маги Земли. Он заплатил, значит, все в порядке. Вот Вайда удивится...

Скрипка пела, а прохожие этого хрупкого мира с благодарностью кидали монеты. Зорго играл, стараясь подарить городу хоть немного тепла и...магии.

Удивительный мир, удивительный город. Хрупкий, печальный, но в то же время гордый и величественный. А люди? Такие...маленькие. Потоки стихий проходят сквозь них, не встречая ни малейшего сопротивления! Ни просьб, ни силы. Будто сухие листья — кружатся, крутятся, суеются. Ничем не защищенные, никем не обогреты.

Зорго жил музыкой. Дышал ею. Без денег, имени, связей, он играл, стирая струнами пальцы в кровь. Учился. Стал лучшим из лучших. Шуткали — настройщик при дворе!

Фредерик Тигверд никого, кроме него, Мастера Цума, к своему любимому роялю не подпускал. Какая честь. Какое признание. Император исполнителем был сносным, хотя, положив руку на сердце, весьма посредственным. Но музыку Его Величество ценил. Искренне.

В молодости Зорго казалось, что цветы и улыбки женщин Стихии создали для вдохновения, что шум волн и дыхание ветра — лишь шепот новых мелодий, а живущие рядом рождены внимать и восхищаться! Имеющие уши да услышат музыку Стихий!

И только через много лет, когда бедная юная цветочница постучалась в дом, чтобы спросить, не купит ли мастер у нее букетик безвременников, он понял, что дожил до седины и милостей императора, но ничего в этой жизни так и не понял.

То, что Яся его дочь, Цум понял почти сразу. Внешне она была похожа на Вайду, правда, чуть выше ростом. Но то, как она училась музыке, пела, как держала смычок... Да, он учил ее игре на скрипке, хотя женщины в Империи на этом инструменте не играли. Почему-то это считалось дурным тоном. А вот в этом мире не так! И правильно...

Скрипка пела, а Цум вспоминал.

Молодой талантливый музыкант мечтал, что в будущем император

пожалует ему звание Мастера. Он часто играл в парке, и, глядя на белоснежный дворец, вслушивался. Там, за звуками собственных мелодий, юноша слышал, как дышит в огромном пустом зале рояль императора Тигверда.

Но пока это были всего лишь мечты, и он зарабатывал себе на хлеб игрой да уроками музыки для девушек на выданье. Его услугами пользовались те семьи, что имели знатное происхождение, но все же именитого мастера позволить себе не могли.

Так он увидел Вайду. Влюбился. Пропал. Забыл, как дышать. Написал удивительную, нежную мелодию. Хотел добиться успеха, чтобы девушка могла выйти за него замуж, но ее опекуны решили по-другому.

Пригретая дальними родственниками сирота была для них обузой. Своих дочерей бы пристроить. Вайду выдали замуж, а он... Он добился успеха. Был обласкан самим Императором, которому по душе пришлась его мелодия. Та самая, что он сочинил для нее. Мелодию эту он играл каждый день, а ту, что подарила ее, забыл. Забыл! Потому что в свой талант был влюблен больше! Потому что музыка была его единственной возлюбленной.

Как же он ошибался! Как сильно за это наказан!

Цветы цветут от женских улыбок, если не цветут на могилах в память о них. А скрипка создана Стихиями лишь для того, чтобы улыбалась та, которую любишь. Он добился всего, о чем мечтал и потерял самое дорогое, то, о чем не смеют мечтать простые смертные — любовь. А ведь он держал ее в руках! Как держит сейчас эту скрипку.

Наверное, только добравшись сюда, вдохнув тяжелого воздуха, он очнулся...

Последний раз Цум настроил рояль Фредерика Тигверда. Последний раз сыграл Императору любимую мелодию. В этот раз получилось... вдохновенно.

А потом скрипач попросил у правителя Империи милости. Последней. Старый Зорго стоял на коленях перед Императором и плакал. Он не стыдился своих слез, ведь только что, слушая, как он играет, плакал и Император. Мастер просил отпустить его. Открыть портал в любой из существующих миров, ибо в этом он дышать уже не сможет. Никогда...

Конечно, в его музыке была магия, но порталы выстраивать музыкант не умел. Можно было бы купить амулет, денег хватало и на самый дорогой, император Тигверд более чем щедр. Но Зорго хотел уйти так, чтобы невозможно было вернуться.

Император выполнил его просьбу. Правда, сунул в карман чью-то

карточку и взял с музыканта слово, что если тот захочет, он найдет человека по имени Мирослав Петрович Лукьяненко. Чудное имя...

И вот он здесь. В сумеречном городе с большой рекой, дворцами, каналами, людьми, которым, хвала стихиям, пришлось по душе его скрипка. А уж как к лицу этому миру оказалась его музыка...!

На монеты, что кидали прохожие в потрепанный футляр, он покупал еду. После работы любовался белыми ночами печального города, и горе отступало. Пусть лишь на время, но все же.

Музыкант уже стал сливаться с толпой, забывать, кто он и откуда, когда в один из будничных вечеров принявший его город решил показать обратную сторону... Темную сторону. Гнилую, отвратительную.

Зло есть везде.

Места в подземных переходах, где играли музыканты, были негласно поделены. Тут тепло вечерами и не намочит дождь. Много людей. Выгодно.

Скрипача поначалу никто не трогал. Решили посмотреть, что из этого выйдет. Старик играл так, что у прохожих наворачивались слезы. Он имел успех, а значит, неплохо зарабатывал. Надо бы поделиться с теми, кто позволяет работать на их территории!

Зорго прижимал к себе инструмент, стараясь не обращать внимания на боль. Главное — спасти скрипку, иначе он останется без средств к существованию. И только он так подумал — все стихло. Но лишь на мгновение. Обидчиков раскидало по переходу, и никто из них больше не появлялся с тех пор.

Цум, конечно, догадался, что его спаситель — имперец. Стихийник. Аристократ. Но в душу с расспросами он к Эдварду не лез. Между ними было что-то общее. Они оба, Цум это чувствовал, скрывались в этом мире от боли. Сначала выступали по очереди — Зорго играл свои мелодии, а Эдвард пел под гитару. Инструмент все время приходилось настраивать! Делали его в этом мире — никакой магии... Стихии! Как на этом можно играть?

У имперца был приятный, с хрипотцой голос. Песни, как подозревал скрипач, тот писал сам. Потом Цум стал подыгрывать романсам. Получалось весьма и весьма недурственно. Совместное творчество имело успех у благодарной публики! Их стали приглашать в небольшие ресторанчики, дуэт даже приобрел некоторую известность в определенных кругах под именем «Зорго Цум и мистер Эдвард».

Но в переходе играли все равно. Это при том, что в деньгах имперец явно не нуждался. Они жили в квартире на Сенной. Вели тихие, душевные разговоры вечерами, работали над песнями, гуляли по

набережным. Пили. Плакали. Душой. Беззвучно. Не расспрашивая при этом друг друга о личном. Идеальный союз. Счастливое время! Но однажды все это закончилось...

— Милорд?.. — Зорго Цум пошаркал встречать Милфорда.

И замер на пороге, изумившись. Таким он имперца видеть не привык. Спина у его соратника по скитаниям волшебным образом распрямилась. Во взгляде появилось что-то.... Это снова был блистательный аристократ, на которого в империи скромный учитель музыки и взгляд бы поднять не осмелился.

— Господин Цум, я должен уйти, — голос звучал решительно.

— Я понимаю, — склонил голову музыкант.

— Надеюсь, я понял, как помочь ей.

— Кому? Той...девушке?

— Да.

— Это хорошо, милорд.

— Квартира остается в вашем распоряжении. Деньги в секретере. Там же амулет, с помощью которого вы сможете связаться с Ричардом Тигвердом. Обращайтесь. Это человек, которому я безгранично доверяю. Ре не откажет в помощи. Да, и на нашем месте вы можете играть спокойно. Вас не тронут. Но амулет носите с собой. Если что — вызывайте имперцев.

— Благодарю вас.

— Вроде бы все, — Милфорд огляделся. В глазах имперца мелькнуло удивление, словно он не мог понять, что делал в этой небольшой квартире неподалеку от Сенной площади. В чужом городе чужого мира...

— Храни вас стихии, милорд.

— Я понял, где Тая. Мне надо уснуть. Я, скорее, перенесусь туда во сне.

Зорго Цум кивнул. И пошел в свою комнату, пробормотав еле слышно: «Удачи тебе, сынок!»

Вдруг в дверь позвонили.

— Что еще? — Милфорд с большой долей раздражения распахнул дверь.

— Кто ты такой? — рывкнул на него мужчина со странно-знакомыми зелеными глазами.

— С кем имею честь?

— Почему, как только моя дочь встретилась с тобой, ее похитили? И что имперцы делали рядом с местом преступления?

— Я их вызвал.

— Ты тоже имперец?

Милфорд кивнул.

— Ненавижу! Из-за вас погибла моя жена! И мне давал слово ваш император, что девочку мою оставят в покое! Никакой магии. Никаких переходов между мирами. И что в итоге?!

— Погодите... То есть... — Милфорд мучительно соображал. — Во время одного из покушений на Ричарда и его мать погибла молодая чкори. Ее приняли за Милену...

Милену была Ори, и к ней, как к наставнице, приходили чкори из разных миров. Чкори в каждом мире имеют свой образ, свою историю. Милфорд знал, что в мире Вероники их называют цыганами. Мужчина, что ворвался в его дом, тоже был чкори. Или...цыган? Смуглолицый, коренастый. Копна седых кудрявых волос. И зеленые глаза, упорно кого-то напоминающие. Ее.

— Тае было три года. Всего три!

— Вы — отец?

— Надо же, догадался! Да! Я ее отец! И вот что я тебе скажу, имперец. Вы ее не получите! Вы убили Рузи, но мою дочь вы не получите!

— Сочувствую, — склонил голову стихийник.

Зорго Цум обеспокоенно переводил взгляд с одного на второго. Странный у этих двоих получался разговор...

— Вы ведь знаете, что другие миры существуют? — быстро спросил Милфорд, напряженно вглядываясь в глаза собеседнику.

— Знаю.

— Откуда?

— Да оттуда, что вам, уродам, дома не сидится! И...

— Вы — чкори, — имперец налил в кружки чай, нарезал хлеб, сыр. Молча протянул незваному гостю.

Мужчина вдруг как-то сразу обмяк, сел на стул, принял угощение. Неожиданно заговорил тихо, будто сам с собой:

— Моя жена любила называть нас так, бредила иными мирами. Они ее манили. И девочку нашу хотела научить. Отправилась посоветоваться с сильной... Как ее?

— Ори. Ори Милену, мать моего друга. Она тоже погибла. Вашу жену убили, приняв за нее. Женщина оказалась не в то время не в том месте, что не отменяет нашей вины, конечно. И ваша злость на ситуацию понятна. Но сейчас мы должны найти девочку. Сила проснулась в чкори, Тая ходит по другим мирам, и как бы вам не хотелось ситуацию контролировать — не получится. На все воля Стихий. Нам лучше объединится ради безопасности вашей дочери...господин?

— Мирослав Петрович Лукьяненко, начальник службы, занимающейся связями с Империей, к вашим услугам. Для близких — Миро, но с вами, простите, сближаться не хотелось бы.

— Милорд Милфорд. Эдвард Милфорд.

— А почему вы, милорд, поете в переходах и ресторанах? Дуэт «Зорго Цум и мистер Эдвард»? Это что...какая-то секретная операция? Легенда? Работаете под прикрытием? Этот еврей...?

За спиной Мирослава Петровича раздалось деликатное покашливание.

— Нет, — Милфорд отхлебнул крепкий сладкий чай, — это не операция. Я так провожу отпуск. У нас говорят — в каждом маге улыбаются Стихии.

— Понятно. Каждый сходит с ума по-своему...

— Что, простите?

— Да так. Не важно.

— Кстати, разрешите представить моего друга. Маэстро Зорго Цум, придворный Мастер музыки Империи. Тоже эээ...в отпуске.

— У вас есть евреи? — удивился полковник ФСБ.

— Простите меня за любопытство, уважаемый, — Зорго Цум слегка поклонился, не зная, как правильно вести себя в данной ситуации, — но я уже не первый раз слышу подобное определение в свой адрес. Как я понял, евреи — местные музыканты?

— Ну, можно и так сказать. Это национальность. Например я — цыган. Вы называете нас чкори. Чкори есть везде. Евреи, видимо, тоже. Но моя семья старалась отойти от традиций. Когда я привел Рузанну, родственники были не слишком довольны. Теперь, когда в мой дом во второй раз пришла беда, я понимаю, почему.

Мужчина поставил чашку на стол. Вздохнул. Затем поднял глаза и спросил сдавленным голосом:

— Почему мою дочь похитили? Что вам известно?

— Я не знаю.

— Но вы же знаете ее?

— Да. Я был с ней в одном мире. Это мир грез. Возможно, ее магия создала его. Белый песок, серые скалы. Океан. Я...так и не решился с ней заговорить.

— Когда я найду свою дочь, то потребую, чтобы все это закончилось. Никаких имперцев. И никакой магии. Нормальная жизнь!

— Получается, мы с вами похожи...

— Что?!

— И вы, и я... Мы оба решили, что знаем, как лучше для нее.

— Да как вы смеете?!

— Смею что? Ходить по мирам во сне, против своей воли? Любить вашу дочь, вопреки здравому смыслу?

...

Спустя сутки полковник ФСБ стоял под дверью проклятой квартиры на Сенной.

Поиски дочери не дали никаких результатов. Четверых мотоциклистов нашли. Задержали. Все они говорили одно и тоже: им предложили устроить флеш-моб по Невскому. Они согласились. Встретились на Дворцовой. Поехали по направлению к Московскому вокзалу. Все. Ни в каком нападении не участвовали. Ни о каком похищении не слышали. Адвокаты уже прибыли. Кстати, мотоциклисты оказались членами закрытого байкерского клуба. В него входили люди не только богатые, но и весьма влиятельные.

Полковник прижался спиной к стене, запустил руки в кудрявые седые волосы, прикрыл глаза. «Думай, Миро, думай!». Что-то во всей этой истории было не так. К байкерам втереться в доверие трудно. Очень трудно! Странно, что кому-то удалось так просто их уговорить. Но самое удивительное даже не это, а то, что все четверо хотя и помнят разговор, но все они описывают совершенно разных людей.

Один утверждал, что к ним подошел высокий, импозантный иностранец с тростью, в дорогом костюме, говорил с едва уловимым акцентом. Другой описал пожилого, коренастого мужика в «косухе». Волосы стянуты в хвост, бывший байкер, рокер, легенда — мировой мужик, грех не помочь. Третий помнил плохо, даже засомневался, мужчина это был или женщина! Этот парень был самым молодым из всех. Бывший контрактник. После контузии ушел в отставку, занялся бизнесом. И теперь жаловался на участвовавшие головные боли после разговора с незнакомцем. Последний мотоциклист видел здоровенного голубоглазого детинушку неопределенного возраста, с ярко-рыжей бородой. Говорит, что это краска. Что такого яркого цвета не бывает в природе. Кажется, тоже жаловался на головную боль. Бред какой-то! И ни один из свидетелей не вспомнил, чтобы мужчина представился, назвал свое имя. При этом все они согласились на его просьбу! Точно бред.

Оставалось только принять на веру слова милорда Милфорда, который сказал, что пойдет за Таей...

Не понять, что имперец не последний человек при Императоре, полковник не мог, как бы ему того не хотелось. Милфорд, Милфорд... Да

слышал, слышал он это имя. Слышал, и не раз! Выправка, жесты, интонации в голосе — так говорят люди, привыкшие приказывать, а этот его подчеркнуто-бомжеватый вид...Просто насмешка!

Лукьяненко чувствовал, что имперец появился в его жизни навсегда. Шестым чувством чувствовал. Интуиция его еще никогда не подводила. Остер волчий нюх цыганской крови, и от нее не уйдешь, в какие одежды не рядись, какие посты в ФСБ не занимай. Проиграл ты эту битву, полковник. Проиграл...

И надежда, получается, теперь только на него, на милорда этого.

Мирослав Петрович уткнулся лбом в дверь.

«Девочка моя, где же ты...»

Застучала в висках сумасшедшая надежда, что сейчас распахнется дверь. И Тая окажется в этой квартире. Пусть даже и с этим имперцем.

Тишина. Как в склепе. За дверью явно никого не было.

Мужчина вспомнил, что в квартире был еще какой-то побитый жизнью старик. Может, он хоть что-то знает.

Долго держал кнопку звонка. Его нервные переливы были слышны очень хорошо. Слишком хорошо. Как и то, что ничьих шагов не раздавалось.

Вызвать своих. Дождаться родного, слаженного топота по лестнице. Приказать:

— Ломайте!

Дверь снесли. В квартире — никого.

Исчез не только имперец, который так старательно и неумело прикидывался бродягой, что был совершенно на него не похож. Пропал и старик, что с ужасом наблюдал за их разговором.

Никого.

— Общайте здесь все.

— Деньги в секрете. Много.

— Это они в переходе так неплохо зарабатывали? Или у них и было? — боец запнулся о бешеный взгляд полковника. И замолчал, отводя глаза.

— Документов нет, — тут же заметил второй, отвлекая командира.

— А что вы хотите найти? — раздался насмешливый женский голос.

Полковник дернулся. Как...Как она здесь оказалась?

Перед ним стояла высокая, стройная женщина, внешность которой мгновенно обожгла сердце болью, ненавистью, злостью и тоской. Высокие скулы, смуглая кожа, выющиеся крупными кольцами волосы, глаза... Цвета коньяка.

— Чкори! — с ненавистью выдохнул он.

— Чкори. — Женщина утвердительно кивнула.

С секретера взлетела огромная птица и переместилась незнакомке на плечо. Откуда? Он что, раньше ее не заметил, птицу эту? От взмаха крыльев по комнате закружились банкноты, с тихим шелестом опадая на пол. Открылась форточка, впуская свежий воздух. Мистика. Магия. Чертовщина! Как же он все это ненавидит!

Женщина смотрела на полковника, не отрываясь и не мигая. Он отвел глаза первым. Непривычно. Это его взгляд подчиненные не выдерживали, это о нем легенды по отделу ходили. Боялись. О цыганском проклятии шушукались. А тут...Он, и первый сдался! Черти что...

Он присмотрелся к женщине внимательней. Плащ старинного покроя с огромным, закрывающим пол-лица капюшоном она скинула с плеч и бросила рядом стоящему его сотруднику. Тот, конечно, поймал. Реакция хорошая, выправка — военная, но взглядом боец полковника не преминул одарить красноречивым. Да... Тоже, наверное, особа приближенная к императору!

И тут он увидел пояс на ее платье. По позвоночнику пробежал холод. Такой же был у жены. И этот узор. Тая все рисовала его в тетради, которую вечно таскала с собой. А потом дочь сделала себе такую же татуировку на спине, чуть ниже талии. Он бы и не узнал, но за каждым шагом дочери следили его люди. И вроде понимал, что так нельзя, но ничего сделать с собой не мог. Боялся. Жену он уже потерял. А дочь...

Эта татуировка стала последней каплей в их и без того сложных отношениях. Он устроил скандал, и Тая практически перестала с ним разговаривать. Упрямая! В мать...

Полковник вздохнул и обратился к женщине:

— Кто вы? Вы из Империи?

— Нет. Я — герцогиня Реймская. Меня попросили помочь вам.

Глава 3

Паника. Страх. Холодный, липкий пот по спине. Сердце стучит в горле. Нечем дышать. Хочется заплакать, но даже плакать страшно...

Так уже было. Когда она вдруг осознала, что мама не придет. Никогда. И вот сейчас.

Черная спина мотоциклиста. Давление в висках, которое заставляет делать то, что делать не собиралась вовсе...

Она не может обернуться, но понимает, что там — где-то позади — упал, как подкошенный Пашка Журавлев.

Они не раз фехтовали, оттачивая свои сильные стороны. Это было полезно и эффективно. Говорили только о масках, шпагах, приемах. Иногда вместе пили кофе в кафе спорткомплекса. Он открывал дверь, пропускал вперед, настаивал, что сегодня он угощает. Мог купить то, что она не заказывала — стаканчик мороженого, сок. Но больше между ними не было ничего. Его считали в группе заносчивым, хотя напрасно. Просто он был на голову сильнее всех. А потом Журавлев куда-то исчез. Вернулся, фехтуя, как бог! Один тот прием, что он ей показал, чего стоил!

В памяти всплыли каменные своды, горящие факелы, бледное лицо Пашки, оттененное белоснежным воротником. Высокие сапоги, боевая шпага. Такая...старинная. Его мама, Вероника Евгеньевна, ее преподаватель истории — в длинном платье. И прическа. Так, наверное, в восемнадцатом веке ходили. Или в девятнадцатом? Бред!

А потом — он. Эдвард. Синие, холодные глаза. Лежит на белых простынях, волосы стянуты сзади. И в переходе на Невском. Бродячий музыкант? Голос...Его голос! Шляпа, шарф и перчатки без пальцев, но вязанные, все это так нелепо летом! Щетина, волосы растрепаны...Кадр!

Да что ж это такое! Что за ерунда с ней творится последнее время? Она сходит с ума? Кто-то что-то подсыпает в еду или питье? Кто? Зачем? Она ест дома. Кофе, сок, только в столовой института или кафе спорткомплекса. У нее отец — сотрудник ФСБ. Может, это как-то связано с ним? Надо понять, где она. Как здесь оказалась.

Голова закружилась. Замутило. Перед глазами снова падает Павел, и тонкая струйка крови бежит, затекая в трещинку на асфальте.

Гнев. Гнев обрушивается на нее девятым валом.

Она не позволит! Никому. И ни за что! Кто бы это ни был, какой бы силой ни обладал — она вырвется!

Замотала головой, отгоняя слезы. И вдруг, сквозь их пелену, поймала свое отражение в боковом зеркале мотоцикла.

И показалось... Или нет? Мелькнуло. Белый песок, по которому она любила писать кончиком шпаги стихи, а утром, проснувшись, записывать их в тетрадку. Море, что так манило синевой...

Не время думать об этом. Сейчас, когда шум прибоя заглушил рев мотоцикла, когда ветер, целуя, старается оторвать тебя от похитителя. Когда все внутри поет: «Свободна!»

— Свободна! — закричала девушка из последних сил и... упала на песок.

Приподнялась на локтях. Взвизгнула от того, что море обдало ледяными солеными брызгами. Странная смесь ужаса и счастья от того, что вместо спины, затянутой в черную кожу — море, небо, белые скалы. Мир ее сна. Она...спит?

Тая услышала долгий болезненный стон. По позвоночнику ледяной змеей пополз страх.

«Шпагу бы...» — подумала девушка, и представила ее себе: легкую, по руке. С простой гардой, убийственно острой. Не спортивную. Боевую.

Она тянулась, но никак не могла достать до шпаги, возникшей на глазах из ниоткуда. Думать, как же это произошло, было некогда. В голове, сквозь дурноту и боль — голос:

«Сюда-сюда-сюда... Помоги мне». Звуки то сливались в яркую, невыносимую метель, то рассыпались на острые осколки. А потом снова собирались вместе, завораживая и подчиняя.

Но Тая упорно тянулась к шпаге. Отчего-то она была уверена — если коснется гарды — то сможет остаться собой. Сможет скинуть этот ужас. И победить!

Кожа чуть выше локтя лопнула, в рану забился песок. Саднило. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, что с новой силой взорвалась в сознании, словно наказывая за неповиновение. Она сверлила дырки в черепе, требуя: «Подчинись! Подчинись! Подчинись!»

— Нет! — захрипела Тая, стиснув зубы, делая последний отчаянный рывок к шпаге.

Есть! Она схватила вполне реальный, холодный на ощупь металл, и в ту же секунду над головой вспыхнула ярким светом огромная, в полнеба птица. От взмаха крыльев, сотканных, казалось, из яркого, слепящего света, над головой закружился белый песок, море ответило мощной волной, с шумом разбившейся о скалистый берег, и фантом птицы растворился в небе, рассыпался невесомым золотым песком...Красиво!

Все стихло. Мысли стали снова ее мыслями, гнев — ее собственным гневом. Сжимая рукоять, отмечая про себя, что шпага по руке, и, несмотря на боль, она вполне способна защищаться, девушка осторожно поднялась. Огляделась. Посмотрела туда, где только что была птица. Золотой песок все еще кружился в воздухе.

Платье намокло. От соленой воды и песка юбка стала тяжелой. Оборка с одного края оборвалась. Хорошо, что она в кедах. Они, конечно, уже не белые, зато в них удобно.

«Это сумасшествие...», — думала Тая, а ноги уже бежали туда, где у скалы, широко раскинув руки, лежал на спине ее похититель.

Только сейчас девушка поняла, что птица кружила прямо над телом мотоциклиста и каким-то чудесным образом помогла ей дотянуться до шпаги. Ощущение, что призрак из золотого песка явился, чтобы ей, Тае, помочь, было настолько явным, что... А, собственно, что? Она медленно сходит с ума, вот что! Это единственное адекватное объяснение всему происходящему. Но опасности от похитившего ее незнакомца это не отменяет.

Девушка, боясь потерять решимость, торопилась. Секунда — и она приставила клинок к незащищенной шее, что выглядывала между глухим шлемом и высоким воротом куртки.

Мужчина замер.

— И что теперь? — тихо проговорил он.

— Шлем снимай, — зачем-то приказала Тая. Хотя, собственно, какая ей была разница: в шлеме похититель или нет?

— Девочка, а ты уверена, что сможешь проткнуть человека?

— Я потом поплачу!

Она злилась. На Журавлева, потому что тот явно что-то скрывал. На уличного музыканта, который посмел быть похожим на... Или он и был...

— Я понял. Понял, — дернулся под ее рукой похититель.

На него она тоже была чертовски зла! Поэтому удержалась, чтобы не вскрикнуть, осознав, что расцарапала ему шею. Алая струйка потекла под кожу куртки. Алая струйка текла в трещинку на асфальте, змейкой выползая из-под русских волос. Пашка... Это все вот этот. Сволочь! И она снова прижала острие шпаги к шее, сместив оружие от раны чуть вправо.

— Я снимаю, снимаю... — мужчина, чуть склонив голову, стащил с себя шлем.

— Арвин Валентайнович? — изумленно выдохнула Тая, но руку, тем не менее, не отвела. — Что вы?... Зачем?!

— Да, это я. Собственной персоной. А вы, юная храбрая леди, если не

ошибаюсь, Таисия Мирославовна Лукьяненко.

Девушка во все глаза смотрела на своего похитителя. Она не могла поверить, что всю эту бандитскую аферу провернул попечитель фонда поддержки фехтовальщиков, известный всем, кто хоть раз интересовался этим видом спорта, весьма состоятельный бизнесмен Арвин Валентайнович Эйш. Человек милейший и совершенно, несмотря на богатство и влияние, не пафосный.

— Что...что вам от меня нужно? — покраснела девушка, пытаюсь понять, что происходит и что ей делать.

— Нет, ну что вы... — смутился и господин Эйш. — Я задумал все это совершенно не для того, чтобы... Нет, вы девушка очень красивая и.... Простите.

— Так. Уже хорошо. Нападение с целью изнасиловать исключаем. Что вам от меня надо?

— Мне нужна ваша помощь, Таисия Мирославовна.

— А вы всегда, когда вам нужна чья-то помощь организуете похищение века в лучших традициях Голливуда?

— Я... Подумал, что... Вас похитят. А я... вас спасу. И мы договоримся.

— Вот что за бред! Вы же просто могли подойти. Попросить. А Пашку зачем... Паша...

— Это... Журавлев?

Тая кивнула.

— Очень. Очень талантливый молодой человек. С ним все будет в порядке, уверяю вас! Мальчик оказался очень силен. Смог скинуть подчинение.

— Подчинение?

— Да. Я способен воздействовать на людей. Читать мысли. Подчинить волю. Заставить делать то, что нужно мне.

— Сволочь! — Тая пыталась сдержать нервную дрожь — руки ходили ходуном.

Арвин Валентайнович только кивнул. Не споря. Потом осторожно проговорил:

— Тая, можно вас попросить убрать от моей шеи оружие? Пожалуйста.

— Нашел дуру!

— Дело в том, что если вы, допустим, представите, что я связан — то я не пошевелюсь.

— Врете.

— Вы что — не понимаете, где мы оказались?

— Это место, которое мне снилось, — Тае нестерпимо хотелось вытереть слезы, но она боялась сделать лишнее движение, ослабить внимание. И упустить этого гада.

— Это — место вашей силы. Здесь вы можете все.

— Да что вы! Вы же чуть не подчинили меня снова! И, как я понимаю, пути вам не помеха!

— Вы просто не умели использовать свою магию.

— Магии не существует.

— И это говорите мне вы... Чистокровная чкори? Вы представляете, насколько велика ваша сила? Вы можете находить дороги между мирами. А уж здесь, в Пустоте, вы всесильны.

— Что за бред!

— Попробуйте. Вы ничего не теряете.

Тая представила. От всей души. Веревку. Длинную-длинную. Крепкую. Толстую. Как она заматывается вокруг этой лицемерной гадины. Чтобы он только дышать мог. И немного говорить. И — самое главное — чтобы веревка не давала ему залезть ей в голову.

Судя по перекошенному лицу Эйша, получилось неплохо. И на перевязанную ветчину этот господин стал походить очень сильно. Ему шло.

Тая вытерла лицо. Села на песок. Устроилась поудобнее. Положила шпагу на колени, и приказала:

— Рассказывайте. Что вам от меня надо.

Арвин Эйш завозился на песке, пытаясь устроиться поудобнее. А потом обреченно произнес:

— Я не из вашего мира, Таисия. Арвин Эйш — настоящее имя, отчество у нас нет. Я — король государства Ваду. Изгнанник. Скитаюсь между мирами при помощи магии лет десять. Пять из них примерно провел здесь. Мне нужен проводник. Проводник между мирами. Ваша магическая сила, думаю, способна мне помочь. Это все. Если кратко. И...это абсолютно честно.

— Допустим. Но если вы и сами можете переходить из мира в мир. Я вам зачем?

— Это... — Эйш скорчился от боли, его руки сильно затекли, — Это сложно объяснить в двух словах... Мне надо найти жену и детей. Помогите мне, прошу вас.

Тая в ответ на подобное заявление лишь вздохнула:

— Гораздо приятнее было иметь с вами дело, когда вы были попечителем фонда поддержки фехтовальщиков. Поздравляли нас с

победами. Утешали, когда мы проигрывали...

— Выписывал гранты, чтобы вы не бедствовали.

— И это тоже.

— Мне, действительно, очень нужна ваша помощь, Тая.

— А пытаться взломать мне мозги для этого — обязательно?

— Я подумал, что так будет быстрее. Ошибся.

Вдалеке ударил раскат грома. Небо как-то слишком быстро затянуло тучами. На ботинок перевязанного толстой веревкой короля упала тяжелая капля. Еще одна.

Море заволновалось, ветер поднял песок. Стемнело, вновь ударила молния, и ливень, ливень ярко-синего дождя стеной хлынул с неба! Между Таей и Арвином поднялся смерч. Вихрь кружил песок, вбирая в себя потоки синей воды, и вдруг в самой его середине появились очертания мага. Плечи. Шляпа. Шпага. Вязаные перчатки без пальцев. Его...синие глаза.

Миг — и все стихло. Как и не было. Снова ясное, голубое небо. Белый песок, снежные вершины вдалеке, стальная гладь спокойного, будто зеркало моря. Тая вдруг поняла, что она вовсе не намочила. И платье стало чистым и сухим. Она точно сошла с ума...

Тая смотрела в глаза тому, кто пел в подземном переходе. Умирал в старинном замке. Незнакомец, который, не решаясь заговорить, читал написанные шпагой стихи. На том самом песке, на котором они стояли все трое. Мужчина из ее сна, Арвин Валентайнович Эйш и она. У моря. Бред? Конечно, бред! Вернее, сон. Надо проснуться. Просто надо проснуться! Она хотела себя ущипнуть. Сильно. Больно. Но вместо этого прошептала:

— Эдвард...

Мужчина перевел взгляд на нее. В синих глазах мелькнуло облегчение. Мгновение, и его внимание снова сосредоточилось на похитителе.

— Эдвард! — теперь уже крикнула девушка, потому что...

Господин Эйш уже поднимался с песка. Следов от веревок не было и в помине! Словно это не он морщился только что от боли так, как будто свело все мышцы. Лжец!

«Обманщик! Какой же он все-таки обманщик!» — мелькнула в голове мысль. А потом она забыла, как дышать. Какие там мысли...

Капли синей воды взмыли вверх, послушно оплели руку Эдварда и превратились в шпагу.

Арвин Эйш стоял неподвижно. Меценат поймал взгляд подступающего к нему противника, улыбнулся. Улыбка выглядела спокойной, даже

скучающей. Но злобы и желания убить во взгляде было столько, что Таю сковал страх.

Эдвард запнулся. Раз. Другой. А потом и вовсе замер, словно натолкнувшись на стену.

Тая не знала, что ей делать. Как помочь? Если она так сильна, как говорил Арвин, то... Или он врал? Как врал про то, что связан?

Она пожелала — настолько сильно, насколько могла. Пожелала, чтобы Эдвард стал свободен. Чтобы Арвин не мог так безжалостно поступать! Внушать, ломать волю, причиняя невыносимую боль!

«Свободен!» — запело что-то внутри, как тогда, когда ей удалось выбраться на этот Волшебный остров имени ее Сумасшествия.

Эдвард сделал шаг. Еще один. Левой рукой провел перед лицом, словно опуская забрало шлема.

И... Сталь зазвенела о сталь. В руках Арвина оказался клинок, который он чудом вытащил откуда-то из-за спины. Тае показалось, что оружие просто появилось из воздуха.

Они были равны. Они были прекрасны.

Короткие, яростные наскоки друг на друга и хищный звон клинков сменялись длинными настороженными паузами, когда мужчины замирали в стойках. Арвин целил острием в глаза Эдварду, а тот... Принимал позу настолько расслабленную, что Тае хотелось кричать: «Что же ты! Соberись!»

Казалось, противники мысленно подавали друг другу команды, настолько одновременны были их атаки. Тела летали над островом, песок хрипел под ногами, волны, будто азартные зрители, с ревом разбивались о скалы в ожидании первой крови...

Движения фехтующих были совершенны, и даже осознание того, что поединок — смертельный, не мог заставить оторвать взгляд и начать действовать до тех пор, пока она не поняла по рисунку поединка, что в следующее мгновение будут нанесены два удара. Последних. Противники целились друг другу в сердце.

Они не промахнутся. Они...убьют друг друга.

Будто фату для невесты, соленое кружево
Белую пену к ногам несут волны услужливо
Сталь зазвенит, Смерть слезами умоется алыми
Выплеснет кровь на песок, что у моря у самого
Выбросят волны на берег соленое кружево
Кружево тихо шипит, умирая: «Ты нужен мне!»

— Нет! — закричала девушка, — Замрите оба!

Тая позволила себе удивиться лишь тогда, когда мужчины превратились в живые статуи. Схватила шпагу, бросилась к морю, быстро, размашисто написала на мокром песке: «Ты нужен мне!», и лишь тогда, когда волна жадно слизнула нацарапанные строчки, почему-то немного успокоилась. Странное место...

— Тая! — услышала за спиной голос. Его голос...

— Тая! Что ты делаешь? Зачем?

— Не хочу, чтобы вы оба погибли! — она со всех ног бежала обратно, боясь, что колдовство закончится, мужчины «отомрут» и тогда уж точно убьют друг друга. Детская игра «замри — отомри!». Не на жизнь, а на смерть...

— Он похитил тебя и напал на Пауля, — с трудом проговорил Эдвард, когда она подошла ближе.

— А он — тебе лгал, — голос Арвина был довольный. Сытый. Мурлыкающий. Как у кошки, получившей вождеденную рыбку.

— Как лгал? Когда? Я его никогда раньше не видела. Разве что во сне.

— Это ты, девочка, думала, что это — сон. На самом деле...

— Прекрати! — взорвался Эдвард.

— Что такое? Такой сильный маг, как ты, не мог не знать, что Тая — реальна. Что девочка не может понять, что с ней происходит. Сходит с ума.

— Я не мог!

— Что не мог? Подойти и сказать: вот он я?!

— Да! Зачем я ей... такой.

— Ты ведь знал — она на грани...

Это была какая-то пытка... Больно. Как же больно... За что?

Но сил крикнуть, чтобы эти двое замолчали — просто не было. Едкие вопросы Арвина. Оправдания Эдварда. Жалкие...

— Значит, другие миры, действительно, существуют? — тихо спросила она.

— Да. — Он ответил еще тише. Одними губами.

— И малина?

— Что?

— Малина. Крупнее чем у нас. Раза в два. И...слаще.

— Это лимарра. В Империи Тигвердов.

— Ты оттуда?

— Да.

— То видение, которое было... Когда я потеряла сознание... Это...

— Да, это было там. В Империи. Я умирал. Ты меня спасла. Но я не тот человек, что тебе нужен! Ты ничего обо мне не знаешь. Я не могу вторгаться в твою жизнь.

— Да кто дал тебе право решать...

Вокруг Таи белым смерчем закружил песок ее острова.

— Кто вам всем дал право?

Лица мужчин исказились. Песок был везде, колот глаза, забивался в легкие. Стало трудно дышать, но Тая всего этого не замечала! Буря не трогала хозяйку, а остров, будто измученный зверь, пил жадными глотками гнев той, что создала этот мир.

— Решать за меня? Как вы посмели решать за меня?! Как ты посмел?! Почему? И...за что?!

Боль. Боль сдавила горло, слезы брызнули вместе с дождем, хлынувшим стеной с почерневшего неба, песок под ногами мужчин превратился в зыбучую смерть, с сытым чавканьем засасывающую добычу.

— Я люблю тебя... Прости, — сложились губы синеглазого мага. Он смотрел ей в глаза. Спокойно. Без гнева и страха. Прощаясь.

— Эдвард? — Тая пришла в себя. Неужели она все это сотворила? Неужели она станет причиной гибели...

— Спаси их! — раздался голос Арвина в ее голове.

Мужчины уже почти скрылись под слоем песка.

— Нет! — закричала, бросилась туда, где они еще мгновение назад были живы.

— Нет-нет-нет!!!

Она разрывала песок с остервенением, с отчаянием, сдирая в кровь кожу с ладоней мелкими острыми камешками, хрипя и задыхаясь.

— Пожалуйста...Нет! Пожалуйста! — плакала, пытаясь молить черные небеса.

— Я не хочу этого...Я не хочу!

Зал. Пахнет мастикой и краской, недавно сделали ремонт на деньги спонсора — Арвина Валентайновича Эйша. Сам бизнесмен пришел к ним после занятия, принес длинный, черный бархатный футляр. Ловким движением ухоженных рук в массивных перстнях нажал на невидимый замочек — крышка открылась. На голубом шелке лежат шпаги. Старинные, боевые, инкрустированные камнями. Арвин Валентайнович встает, просит их тренера, Николая Алексеевича, помочь ему продемонстрировать.

Арвин Валентайнович фехтует не так, как их учили. Николай Алексеевич ему сильно уступает. А Эдвард — нет. Они на равных. Хотя

нет...Эдвард искуснее. Легче. Тае это почему-то приятно. Хотя...ей то что?

Небо. Яркое, голубое. Терраса. Розовато-белый мрамор. Маленькая белокурая девочка в легком платьице и ямочками на щеках. Звонкий, залиvistый смех:

— Папа, папа!

Женщина. Красивая. Они с девочкой чем-то похожи. Она богато одета. Дама подходит к вазе с фруктами, дает девочке и мальчику постарше какие-то плоды. Тая никогда таких не видела, но почему-то ей кажется, что это очень вкусно. На плечо женщине ложится мужская рука.

— Арвин!

Ягоды. Как малина, но крупнее. А запах! Горсть такая большая, что еле умещается в мужской ладони. Эдвард кормит ее с рук. Проводит большим пальцем по губам. Целует. Ягоды сладкие, но его поцелуй еще слаще...

Море шумит внизу. Внизу?! Почему? Они же были...Свет! Белый, яркий, слепит глаза. Снег. Розовый. Что это? Кровь с ее ладоней. Откуда тут снег? Как...холодно.

Тая очнулась. Села. Видения исчезли. Она была в горах. Память медленно возвращалась к случившемуся, но тут ветер поднял снежные хлопья, закружил, и в самом центре снежного вихря появился голубоглазый манул... Он был чуть меньше, чем должны быть манулы по ее представлению, и как будто соткан из легких снежинок. Снежный кот посмотрел на нее долгим, синим взглядом и медленно пошел прочь, не оставляя следов.

— Стой! — забыв о холоде и боли, девушка понеслась за ним.

Он шли довольно долго, спускаясь вниз, петляя сквозь небольшие пещеры, где отчетливо был слышен шум моря. Когда они вышли на место дуэли Арвина и Эдварда, солнце уже садилось. На фоне алого заката, привалившись друг к другу спиной, тяжело дыша, сидели двое мужчин.

— Знаешь, кто это? — спросил Эдвард, кивнув на снежного проводника.

— Конечно, знаю! Это манул из местных снежинок! — она плакала, вытирая слезы, не обращая внимания на то, что руки грязные и в крови. Надо было отмыть их снегом, пока они были там, на верху...

Но это не важно! Важно, чтобы он не заметил, что она плачет. Плачет от счастья, что он жив! Пусть думает, что ей все равно. Она так и стояла, шатаясь от усталости, сжимая шпагу с такой силой, что кровь капала на песок. Волны ласково бились о берег, будто успокаивая: «Все хорошишшоооо, Все хорошишшоооо....»

— Это твой Анук-Чи.

— Прекрасно! Мы будем изучать местную фауну, или все-таки подумаем, как отсюда выбраться? Я есть хочу! — есть, действительно, хотелось. А еще кружилась голова, все плыло перед глазами и... она потеряла сознание.

— Тая!

...

— Как ты, солнышко? — тихонько спросила Вероника у сына.

— Да нормально, мам. Не переживай.

Солнце светило в окно как-то неестественно ярко и радостно.

Феликс, стоящий рядом с братом, старательно закивал, подтверждая его слова. Слишком старательно. Ричард делал вид, что его страшно заинтересовала лепнина камина с растительным орнаментом.

Когда Вероника узнала, что с сыном все в порядке, просто на него случайно немножко напали... Зелья уже подействовали. До такой степени, что никаких эмоций не осталось. Только, пожалуй, любопытство: что нового изобрели целители империи Тигвердов? Такой реакции на успокоительные она у себя припомнить не могла.

Ричард все решил за нее. Не спрашивая. И поэтому — где-то в глубине души — пряталась искорка гнева.

Муж принес апельсиновый сок, объявив, что она слишком бледная. Поэтому, пока не выпьет все до дна, он не сможет сообщить ей нечто крайне важное. Любопытство всегда было ее слабым местом. Купилась... Как ребенок! Выпью до дна — и расскажут что-то интересное! Когда она почувствовала горечь, было уже слишком поздно. Осталось всего пару глотков.

Успокаивало только то, что Пашка выглядел вполне себе здоровым. Чуть бледнее, чем обычно. Но все же.

— Как это произошло?

— Ой, мам... Да какой-то урод на Невском.

И глазоньки такие честные-честные... Феликс чуть дернулся, но промолчал. Ричард стал выглядеть еще безмятежнее. Теперь принц Тигверд с интересом изучал набор для камина — кочергу, щеточку и совочек. Очень изящно — чугун с серебряной отделкой.

Не сработало, увы. Мужчины просто-напросто перестарались. То, что от нее скрывают истинное положение вещей, было очевидным.

Однако идея подлить в апельсиновый сок успокоительных, равно как и положить Пашку в одну палату с Ирвином, была, надо признать, вполне

успешной. Ричард решил, что если вдруг лекарства не подействуют, то при тяжелом больном в любом случае каких-либо выяснений не последует. И он не ошибся.

Вероника старалась говорить тихо, с тревогой поглядывая на неподвижно лежащего Ирвина. Но и настойка подействовала. Еще как. Это ужасное чувство, когда повод для истерики более чем весомый, а сил на эмоции нет...

Ну погоди, лорд Верд! Мы еще с тобою поквитаемся. Как любит говорить мой сын, и на нашей улице перевернется самосвал с шоколадными пряниками...

Дверь в палату тихонько приоткрылась, и молодая рыженькая целительница — Рене, кажется — завела в палату заплаканную женщину. Высокая. Худенькая. Но если у Рене волосы горели медным пламенем, то цвет волос посетительницы был точь-в-точь как у Ирвина — будто вызолоченная солнцем сухая трава.

— Ирвин, — она подошла и неловко погладила его по голове.

Веронике показалось — или в глубине бирюзовых глаз целителя мелькнуло недовольство?

— Не переживай, мы маме не сказали. Тильда заманила ее к себе — помочь с близняшками. А я решила приехать...

Ирвин по-прежнему лежал неподвижно. Смотрел в одну точку. Рене хмурилась — видимо, сестру привели, чтобы как-то расшевелить целителя. Но, судя по всему, эксперимент не удался.

Вероника тихонько подошла к Рене, кивнула на дверь, и женщины вышли из палаты.

— Что с ним? — спросила она расстроенную целительницу.

— Не понятно, — вздохнула та. — Физически — он здоров. Магически — на него не покушались. Вариант с воздействием был самый достоверный. Но... И принц Тигверд, и милорд Швангау. И даже сам Его величество, император — все сказали, что ничего подобного они не видят.

— А плохо ему стало, когда он оказывал помощь Паулю?

— Миледи Вероника, ваше высочество! Вот чем угодно клянусь — угрозы жизни молодого лорда не было!

Вероника задумалась.

— То есть вариант с сестрой — как с самым близким человеком — не удался, я правильно понимаю?

Рене отрицательно покачала головой:

— Маму мы позвать не решились. Проблемы с сердцем.

— А девочку... Ту, которую он спас?

— Учитель... рассказывал вам эту историю

Веронике показалось, что в голосе целительницы промелькнула ревность. Странно...

— Было дело... — пробормотала она, стараясь не отвлекаться. Ну, не признаваться же девушке, что целитель откровенничал не просто так, а чтобы убедить ее спасти императора, впавшего в запой.

— Бедняжка так и не пришла в себя.

— Она жива?

— Да. Но ни на что не реагирует. Ничем не интересуется. И так уже много лет. Мы все испробовали. И самое страшное, что состояние учителя Ирвина сейчас очень похоже на то, с чем мы боролись все это время в отношении Алисии...

Рене вздохнула. Склонила голову.

Вероника вспомнила страшный рассказ целителя о том, как он вылечил обреченного на смерть ребенка. И словно в ответ на ее мысли, Рене продолжала:

— Учитель Ирвин говорит, что девочка ничего не помнит. Ей было всего шесть лет. Но мне кажется, это не так. Алисии снятся кошмары. Она не любит красный цвет, в ее комнате не зажигают камин. Мать сама отдала девочку в руки палачей. Умоляла избавить мир от порождения Тьмы, точно так же, как когда-то умоляла целителя спасти дочери жизнь, — голос девушки стал совсем тихим. Последние слова целительница произнесла почти шепотом, но Вероника услышала.

Холод пробежал по позвоночнику. Нет. Она отказывается понимать. Это...невозможно! Если будет об этом думать, просто сойдет с ума. Надо переключиться. Сейчас важно — помочь Ирвину. А Алисия...Она подумает об этом потом, когда и целитель, и сын поправятся.

— Слушайте, — Вероника посмотрела девушке в глаза, — Мне показалось, что присутствие сестры Ирвину в тягость.

— Разве?

— Пойдемте, проверим!

Они зашли в палату. Прислушались.

— Я думаю, тебе стоит поехать домой, — говорила сестра. — В поместье сейчас чудо как хорошо. Мы будем гулять...

«Смотри...» — Вероника мысленно прокричала это Рене, и даже схватила за руку. Неужели она не видит, как в глазах Ирвина появляются обреченность, тоска?

— Мама будет рада. И...

«А вот тут он точно вспомнил про спасенную девочку — ее, наверное,

возят на колясочке...»

— Ты просто устал...

«Вроде бы неудобно громко спрашивать у больного — хочет ли он всего этого, но...»

Выручила Рене. Девушка подошла к сестре Ирвина, приобняла ее. Пробормотала что-то успокаивающее про то, что учитель, действительно, устал. И вывела из палаты.

— Вы же не хотите в поместье? — тут же спросила Вероника у целителя.

Да! Она не ошиблась! В глазах мелькнуло облегчение.

— Но и здесь вы оставаться не хотите?

Интерес.

— Вероника, — Ричард подошел, приобнял за плечи, — Как бы тебе ни хотелось помочь... Ты же видишь, дорогая. Он не реагирует.

Ричард задумался. Может, не стоило выливать два пузырька? Хватило бы, наверное, и одного. Но когда он увидел сына с пробитой головой, когда понял, что Тая пропала...

Вероника. Она так симпатизировала этой девочке, читала ему ее стихи. А сын? Как он ей скажет? Перед глазами тут же вставала картина: с любимого лица уходит краска, из глаз — блеск, и он еле успевает поймать жену, падающую в обморок.

Нет. Так он не желает.

Дверь бесшумно открылась, и вошли целительницы: рыженькая, никак не запомнит, как ее зовут, и леди Бартон. Обе внимательно прислушивались и одобрительно кивали...

Вероника накрыла руку мужа своей, слегка сжимая в благодарность за поддержку. Пристально всматриваясь в неподвижный взгляд целителя, она продолжала задавать вопросы:

— Петербург? — теперь даже Ричард заметил легкое отвращение в глазах больного.

— Капризничаете, Ирвин... Море, может быть? Горы? Необитаемый остров?

Пауза. Вероника напряженно всматривается в глаза Ирвина и довольно кивает:

— Точно! Уверена, я угадала. У вас такие же мечты, как и у Ричарда. Не удивлена.

— Гхм... А как ты это себе представляешь? — не удержался принц Тигверд. — Он же...

И главнокомандующий кивнул в сторону лежащего больного.

— Тебе что? — разозлилась Вероника, — острова жалко?

— Вообще-то у нас много целителей. Мы вполне можем организовать дежурство около Ирвина, — поджала губы леди Бартон.

— Я могу присмотреть, — тихонько проговорила Рене.

— Ричард...Пожалуйста!

— Я не вижу в этом никаких проблем. Все, что угодно, лишь бы ты была счастлива... — и образцово-показательный муж приложился к ручке ее высочества.

И почему так хочется пригрозить сковородкой? Вроде все для нее, любимой. Наверное, она злится за апельсиновый сок с успокоительной настойкой. Наверное...

Глава 4

Голоса. Знакомые, но далекие. Что-то горячее и шершавое лизнуло руку. Снег...

Тая приоткрыла глаза. Снег. Снег падает с потолка огромной залы. Что это? Дворец? Чей?

— Твой, — раздался голос в голове.

— Кто ты?

Низкий, тихий смех:

— Я — ты, — был ответ.

Рядом сидел манул. На этот раз зверь был вполне реален, с мягкой, пушистой шерстью, толстым хвостом, широкими лапами и яркими, синими глазами.

Только сейчас девушка заметила, что снег в мраморном дворце шел только там, где стояла ее мохнатая фантазия. Снежинки кружили над круглыми ушками, отгораживая их белой стеной от остальной части зала.

Тая пошевелила рукой — шпага рядом. Дотянуться и схватить — не проблема. Хорошо. Голоса. Надо закрыть глаза — пусть думают, что я сплю.

— Не выдавай меня, — попросила зверя одними губами.

Тот кивнул, а снег пошел сильнее и гуще, так что разглядеть ее теперь было невозможно.

— Спасибо...

— Как долго... — тоска в знакомом голосе, — Почему она не приходит в себя? Я же чувствую, что с ней все в порядке!

Манул лег, положил морду на лапы, прикрыл глаза. Снег пошел сильнее. Еще сильнее!

— Может, она просто не хочет с вами разговаривать. А ее магический зверь...

— Анук-Чи...

— Хорошо, Анук-чи — вас из-за этого и не пускает.

— Я мало знаю о чкори, — Милфорд сделал вид, что не слышит собеседника. — О них вообще мало кто знает. Чкори хранят свои знания, передавая их только потомкам по крови. Среди них, правда, много полукровок, и никаких ограничений для них нет, но я никогда не слышал, чтобы чкори обучали кого-то, кто не был бы с ними хотя бы в дальнем родстве.

— А Тая...? — Арвин пять лет изучал чкори, потому что это единственные маги, что существуют во всех мирах! Маги, способные строить порталы по велению души. Их религия — Путь, и путешествуют они по Договору с Дорогой. Пыль случайных дорог — золото. Величайшая ценность. Запах трав — огромное богатство. Тотемные духи — друзья. Он нашел чкори и надеялся, что ему помогут. Его мечта, его надежда. Призрачная. Последняя. Но имперцу знать все это совершенно не обязательно. Пока...

— Тая — чкори. Это видно. У них ярко выраженный тип внешности. Особенно у женщин, — маг говорил подчеркнуто равнодушно. Откинувшись на черный бархат трона, милорд положил шляпу на лицо, делая вид, что собирается подремать.

Арвин задумался, вспоминая недавние события. Тая упала в обморок, поднялся ураган, из-за снега на расстоянии вытянутой руки ничего не было видно. Его оглушило, а потом они все трое оказались здесь. В огромном, белоснежном зале. Длинном и узком. Черный ковер. На таком хорошо фехтовать. Видимо, для девушки это не просто увлечение, спорт, а... нечто большее.

Арвин Эйш чувствовал — они в мире грез. Это место напрямую было связано с сознанием чкори.

У стены стоял самый настоящий трон. Серебро. Черный бархат. Стихийник забрался на него первый, он и глазом моргнуть не успел! Неслыханно. Он, правитель Ваду, вынужден был устроиться у ног уличного музыканта, на ступеньках, как...какой-то шут!

Милфорд не сводил глаз с девушки, что лежала у противоположной стены, бережно охраняемая верным Анук-Чи.

Что он знает о чкори и этих их...тотемных духах? Ни-че-го. Пару раз видел, как за спиной Ре в минуты отчаяния или гнева появлялся огромный огненный конь. Все. Теперь дикий кот лежит посреди дворца. Над пятнистой макушкой танцуют снежинки. Что это нам дает? Опять-таки — ни-че-го...

Стихийник задумался, и это дало нейро возможность вновь слиться с его сознанием. Он скользнул туда легко, беспрепятственно и незаметно. На мгновение. Но этого было достаточно.

— Скажите.... ээээ....

— Милфорд. Милорд Милфорд, — любезно напомнили из-под шляпы.

— Зачем все это?

— Что именно?

— Эти надрывы... Почему просто не быть вместе? Тем более, что девчонка отвечает вам взаимностью! И это несмотря на то, что вживую вас никогда не видела.

— Да что вы обо мне знаете!

— Не много. Высокопоставленный аристократ. Военный в чинах. Не так давно ваша страна выиграла войну. Я так понимаю, с вашей помощью. Нервный срыв. Много алкоголя. Очень много чувства вины. Не так легко вам далась эта победа?

— Нейро! — выдохнул с ненавистью его собеседник. — Лишь бы в мозгах копать!

— Любовь, — Арвин продолжал, делая вид, что не слышит. — Знаете, что я понял за все эти годы скитаний по разным мирам? Позвольте мне поделиться опытом, доставшимся, поверьте, нелегко. Возможность быть с любимой рядом — величайшая ценность. Во всех мирах. А вы так небрежно прошли мимо своего счастья.

— Замолчите!

— Я пытаюсь оправдать свои действия тем, что действовал ради спасения. Любви. Семьи...

— Любопытно, насколько император Тигверд примет в расчет ваши оправдания...

— А при чем тут он?

— Молодой человек, которого вы ударили по голове и чуть не убили — его внук! Пауль Тигверд...

— Пашка? — девушка так удивилась, что распахнула глаза, — Почему Тигверд? Он же Журавлев?!

Манул встал, отряхнулся. Потянулся. Зевнул. Большой, толстый, пушистый кот! Тая улыбнулась, запустила руки в густую шерсть. Но стоило мужчине встать, чтобы подойти к девушке, зверь зарычал, оскалив огромные клыки.

— Тая! — возмутился Эдвард.

Но девушка лишь торжествующе улыбнулась, продолжая тискать своего грозного охранника.

— Расскажи мне о себе. Правду, — попросила Тая. — А то я знаю только, как тебя зовут. Если, конечно, это твое настоящее имя.

— Эдвард Грегори Шир. Милорд Милфорд, — мужчина поклонился.

— Впечатляет...

— Водный маг. Начальник имперской контрразведки. В отставке.

— А где мы находимся?

— Думаю, что в Пустоте. Хотя не уверен, — маг сказал это, ни к кому

особо не обращаясь.

— В Пустоте. Но ты не уверен... Понятно, — буркнула про себя в свою очередь Тая.

— Пустота — не простое место. Ничто. Брешь между мирами. А в ней — потайная дверь.

— Дверь? — Тая оглянулась.

Зал Длинный. Узкий. Белый мрамор. Трон. Какой...огромный! Черный бархат. Серебро. Ковер. На таком удобно фехтовать. Но самое странное было не это. А то, что здесь не было никакой двери! Ни входа. Ни выхода. Ничего!

— Дверь. Дверь, за которой тебя подслушивает Вечность. Прошепчи желание — и дверь откроется. Вечность, всемогущий ребенок, испугается и убежит, потому что знает — подслушивать нехорошо, а ты окажешься там, где захочешь.

Тая посмотрела Милфорду в глаза. Захотелось сказать, что ей все равно, куда идти. Лишь бы рядом с ним...

А Эдвард Грегори Шир милорд Милфорд тем временем осторожно, но настойчиво подбирался ближе, и, надо признать, весьма успешно! И хотя снег пошел сильнее, начальнику имперской контрразведки в отставке удалось-таки осторожно дотронуться до серебристо-голубоватой шерстки манула.

— Хочу добавить от себя, — заметил Арвин, перестав надсмехаться над ними с Эдвардом, — вам, Таисия, надо учиться контролировать силу. Учиться работать с магией. Потому что иначе вы можете погибнуть сами и погубить тех, кто рядом.

— Почему я должна вам верить, Арвин Валентайнович? Вы уже обманули меня... Дважды.

— Согласен. Я прошу прощения за трюк с веревкой и инсценировку похищения. За то, что по моей вине пострадал ваш друг. Но все остальное — правда. За всю свою жизнь я не был так открыт и искренен...

— Так что же все-таки правда?

— Мое имя — Арвин Эйш — король в изгнании. Много лет вынужден скитаться по разным мирам. Это правда. Я ищу жену и детей. Безуспешно. С каждым днем чувствую, что им грозит опасность, что времени все меньше. Это...пытка...

— Вы — нэйро. Из какого мира? — быстро спросил у него Эдвард.

— А нэйро...? — Тая перехватила взгляд из-под шляпы.

— Нэйро — маг, владеющий способностью сливаться с чужим сознанием. И — да, подобный феномен существует в разных мирах. В

Империи, например, их нет. Однако закон, запрещающий использовать подобную силу, существует. Для наших «гостей». Так сказать, во избежание.

— Хорошо, что в мире Таи такого закона нет, — нэйро улыбнулся.

— Так из какого мира? — повторил свой вопрос начальник имперской контрразведки.

— Королевство Ваду.

— Королевство Летающих Песков?! Надо же... Не самое приятное место.

— Вы были у меня на родине?

— Главный целитель его величества оттуда. Его спас наш император от сожжения. А после того, как император Фредерик Тигверд столкнулся с вопиющими случаями уничтожения магов, мы развернули эвакуацию. Ваши подданные, например, превосходные целители. Уничтожать их не только преступно, но и глупо!

— Магия — зло, — отрезал король в изгнании.

— Магия — это особенность человека. Как цвет волос или длина рук. А в вашем мире она разлита столь щедро, что любой житель королевства Ваду — потенциальный маг.

— Это не может быть правдой.

— Так говорит милорд Швангау — а он не просто так является верховным магом императора Фредерика. Мой брат много лет изучал — пусть и вынуждено — другие магические техники, отличные от тех, что используем мы — стихийники.

— Слушайте, — не выдержала Тая. Как же вы живете с тем, что магия — это зло? Вы же сам — маг!

— Это проклятие всей моей жизни, — тяжело вздохнул Арвин. — Много бы я отдал...

— То есть ваши ближайшие соратники, узнав о том, что вы — маг, свергли вас? — зло усмехнулся Милфорд.

— Хуже. Я узнал о том, что члены Совета Инквизиторов — тоже маги. Все...

— И вы, скорее всего, не удержали при себе эту полезную информацию?

— Я был молод. Глуп. Импульсивен. После того, как скоропостижно скончался отец, меня короновали. Это как попасть в песчаную бурю. Вихрь захватил и несет куда-то, разрывая легкие горячим песком. Я оказался не готов к правде. Оказалось, что все, ради чего я жил, во что верил, ради чего отправлял людей на смерть... Это все — ложь. И не сдержался.

— Мда, с отправлением людей на смерть вы развернулись серьезно, — мрачно проговорил Эдвард. — Особенно с учетом того, что это ваши же собственные подданные. И вы, как правитель, обязаны были наоборот, предоставить защиту. Обеспечить безопасность. Любой ценой.

Тая сидела, обнимая манула. Кот мурчал на ухо что-то утешительное. Она слушала слова, которые произносили мужчины, но никак не могла осознать, что все это — правда. Не страшная сказка. Не триллер, который смотришь, чтобы пощекотать нервы.

Королевство Летающих Песков. Правитель. Инквизиторы. Казни. Костры...

Все это очень напоминало «Алису в стране чудес» Льюиса Кэррола. Книжку, ненавистную с детства. И не потому, что в сказке было что-то, с чем она была принципиально не согласна. Просто...Просто ее все время читала няня. А няня появилась, когда...Когда мамы не стало. Вот и вся ненависть.

— Вы же ничего не знаете, — между тем с отчаянием говорил король в изгнании, — мой пра-прадед вел войну с магами. Это они наслали на Ваду Пески...

Арвин резко встал, прошелся вдоль ковра. Задумался. Над тронем висели шпаги. Король выбрал одну из них, и жестом предложил девушке присоединиться:

— Таисия? Вы фехтуете? Составите компанию? Не откажите в удовольствии. Неизвестно, сколько нам еще здесь находиться. Думаю, хуже не будет, если мы немного разомнемся.

Эдвард резко встал, Тая тоже вскочила, схватив лежащую рядом шпагу — подарок созданного ею мира.

— Что вы так всполошились? — Арвин удивленно поднял брови, обращаясь к милорду, — Я же не на дуэль вызываю вашу даму! Немного разомнемся, и только. Или, может быть, вы сами хотели предложить это девушке? Пожалуйста, я подожду!

— Благодарю. Предпочитаю соперника равного по силе. Не принимайте на свой счет, дорогая, — аристократ поклонился девушке, приподняв шляпу.

— Зря! Вы недооцениваете нашу прекрасную спутницу! Таисия Лукьяненко, да будет вам известно, чемпионка мира среди юниоров, и, если я правильно помню, четвертое место на России среди взрослых? Уверен, что и Европа ей покорится!

— Если я туда попаду, — прошептала девушка.

Она вдруг поняла, что ее привычная жизнь закончилась. Навсегда. И

не только потому, что они могут не выбраться отсюда.

А Вероника Евгеньевна? Пашка? Ведь они...такое пережили! Их жизнь уже тоже не будет прежней. Понятно теперь, почему Журавлев решил ей ничего не говорить. Окажись в такой ситуации она сама...Нет. Она не знает, как бы она поступила. Но она точно знает, что больше никто! Никто и никогда не будет решать за нее!

— Я готова, Арвин Валентайнович!

— Таисия, я больше не хочу врать, — Арвин Эйш поклонился, показывая, что готов к поединку. — Я хочу, чтобы ваше решение о том, будете ли вы мне помогать, было осознанным, осмысленным. Я хочу показать вам фрагменты моей жизни. Мне нужно, чтобы вы на чем-то сосредоточились. Все произойдет само собой и не причинит вам никакого вреда. Обещаю.

— Нет! — Милфорд вскочил.

— Я согласна! — Тая вытянула руку в направлении имперца. — Хватит решать за меня! Спасибо что предупредили, Арвин Валентайнович. Очень вас прошу — поступайте так всегда. Может со временем я смогу вам доверять, — Тая поклонилась в ответ.

Скрестились шпаги.

Ветер нес песок со стороны Рассветных гор. Крупные редкие грязно-серые хлопья, больше похожие на пепел. С каждым мгновением все гуще и гуще. Паника. Крики. Бегство... Город, занесенный по самые шпили, ставший общей могилой для тех, кто не успел выбраться.

Гулкие тяжелые шаги в тишине, эхо поднимается к самым сводам мрачного, серого замка. Треск факелов. Фигура в темном плаще входит в тронный зал.

— Маги?! — хриплый голос богато одетого мужчины — точь-в точь Арвин, только волосы тронуты сединой. Корона, пальцы усыпаны перстнями. Вот этот, с огромным кроваво-красным камнем, она уже видела. — На нас напали маги? Да еще наши подданные?

— К сожалению, это так, ваше величество.

Коленопреклоненный гонец нарочито спокоен. Сдержан. Почтителен.

Но король этого не замечает. Он барабанит по ручке кресла, потом говорит:

— Но следов влияния извне нет?

— Ваше величество желает знать, есть ли признаки того, что нас пытаются завоевать?

— Именно так, советник Айш. Какая-то же причина у магов была,

чтобы выступить против своего короля.

— К сожалению, ваше величество, пленных, чтобы допросить, у нас нет. И переговоров с нами мятежники вести не хотят. А песок наступает.

— Готовьте войско. Я выступаю.

Фигура короля Ваду подернулась пеленой... Вместо него Тая увидела снежного манула. Улыбнувшись на манер Чеширского кота, зверь медленно растаял в воздухе. Снег, шум волн... Они... вернулись? Звон металла, что-то сильно кольнуло в плечо.

Девушка очнулась. Море, снег, манул — все исчезло. Под ногами хрустел серый песок, в который ноги проваливались по самую щиколотку. А над головой шумел вековой лес.

— Где мы? — спросила Тая.

— В Ваду, — ответил король, у которого странно подрагивали губы.

— Вопрос, как мы тут оказались, — Эдвард посмотрел на его величество в изгнании очень и очень недобро...

...

Герцогиня медленно плыла по комнате Таи. Иногда останавливалась. Закрывала глаза, поднимала руки над головой ладонями вверх.

Миро ненавидел подобные фокусы! Эти а-ля трансовые состояния, когда запрокидывают голову, трогают ладонями воздух... Цирк! Видел таких. Как это... ах да, экстрасенсы! Его раздражали попытки знакомых осторожно выяснить, есть ли среди его родственников потомственные гадалки, и не могли бы они чем-нибудь помочь. Не безвозмездно, понятное дело. Терпеть он всего этого не мог, но...

Но сейчас все было по-другому. Холод, колющий, более чем реальный холод сковал позвоночник. Миро видел золотые нити, парящие вокруг тонкого запястья этой удивительной женщины. Огромная птица взмахнула крыльями и исчезла у него на глазах. Теперь под длинным плащом Рэймской извивалась самая настоящая змея! Блестящая, с золотистым узором. Господи, а если эта тварь ядовитая? Если бы не Тая, он бы уже выгнал эту... женщину.

Женщина была красива. Необыкновенно красива! Так красива, что дух захватывало. В груди что-то щемило, внизу живота ворочалось, и кровь прилиwała к щекам. Все это выводило полковника ФСБ из себя.

Умом он понимал, что ему пытаются помочь. Что эта... герцогиня (скажите, пожалуйста!) ни в чем перед ним не виновата. Он ведет себя просто недопустимо. Но бороться с собой не было сил.

Мужчина стоял, скрестив руки на груди, всем своим видом показывая

свое весьма однозначное отношение ко всему происходящему. Сколько скептицизма в глазах. Глаза...Глаза настоящего чкори! Черные, блестящие. А аура! Сколько магии! Его род ей был неизвестен, но о том, что он древний и сильный говорила музыка в сердце этого недовольного человека. Золотая, тягучая. Сколько же силы нужно использовать каждую секунду, чтобы сдерживать эту лавину! Лавину настоящей магии. Древней. Мудрой. Зачем? Почему? Но это сила не колдуна. Это сила воина. Собственно говоря, если она все правильно понимает, чкори в этом мире воин и есть.

Рэймская вздохнула. Сосредоточилась на девочке. Мать — колдунья. С почти не раскрытым потенциалом. Жаль. Могла бы быть сильной целительницей. Отец — воин. А девочка...О, нет! Нет...Не может быть! Клан Скользящих в Пустоте...Но это...Это же...Легенда? Кто? Отец? Герцогиня повернулась к мужчине, всматриваясь в его глаза. Мужчина взгляд выдержал.

Анук-Чи змеей скользнул из-под плаща по комнате, кольцом свился у кровати. Что это? Книга? Дарина подняла толстую, исписанную изящным почерком тетрадь. Открыла.

В тишине, пустоте, снегу
Пряной горечи сладких снов
Серым облаком плыл манул
Желтым глазом пугая сов.
Паутиной ушедших дней
Серебристою тенью рос
Всю Вселенную меж ушей
Над собой, как корону нес.

— Подайте мой саквояж! — женщина махнула рукой в сторону коридора.

— Это еще зачем? Вы что, жить тут собираетесь? — полковник, еле сдерживаясь, незаметно сжал кулаки.

Она действительно пришла с каким-то потрепанным чемоданом. А еще герцогиня! Ходит по дому, то птицы летают, то змеи ползают. Развела тут антисанитарию с чертовщиной, трогает Таины вещи, читает ее записи, еще и командует!

Он никогда не входил к дочери без стука. Никогда не трогал ее вещи. Конечно, за ней следили его люди. Круглосуточно. А как же? Вдруг с ней что-нибудь случится? Следили...Не уследили!

Злость горячей волной заполнила душу. Как же он боялся этого дня!

Дня, когда в их с дочерью привычный, немного холодный, но все же упорядоченный мир огромной хищной птицей ворвется... ЭТО. Магия. Иные грани реальности. Тигверды. Чкори. Он ведь знал. Знал, что так будет. Сходил с ума с того самого момента, как иные, прикрываясь именем Императора просили содействия в розыске некого герцога Рэймского. Конечно, он связался с Дворцом. Выяснил, что это блеф. Дальше они там сами разбирались. Но уже тогда понял, что опасность близко. Этот Журавлев, будь он неладен. Никогда ему не нравилось увлечение фехтованием. Слишком опасно! Лучше бы на дискотеки ходила...

Будто прочтя его мысли, женщина застыла у фотографии, что висела над кроватью вместе с медалями.

На девушке был белый костюм, в руках — шпага с лезвием, тоньше паутины и какой-то круглый предмет. На груди — орден. Ее посвятили в воины? Такую...хрупкую? Как странно. Она всматривалась в тонкие, изящные черты, пытаясь найти хоть что-то, что могло бы помочь связаться, почувствовать. Но нет. Ничего...

— Я не собираюсь здесь жить. Нам необходимо взять с собой несколько вещей из покоев Таи. Собирайтесь! Мы уходим.

— Уходим? Куда?

— Увидите.

— Послушайте Вы! Ваше...как вас там...

— Герцогиня Рэймская. Вы можете называть меня Дарина, если угодно.

— Послушайте, Дарина... Может быть, Вы объясните, наконец, что здесь...

— У нас мало времени. Вы хотите найти дочь?

— Да.

— Собирайтесь.

...

— Где мы?

Сколько недовольства в голосе! Даже император Тигверд не позволял себе разговаривать с ней в подобном тоне. А этот... Некто полковник Лукьяненко... Уже начинал раздражать.

— Мы в Империи?

— Нет, — голос правящей герцогини был сух и спокоен.

— Зачем было вообще куда-то переноситься? Голова болит... — последние слова полковник произнес устало. Почти жалобно. Как будто сдался, потому что вдруг раз — и кончились силы. А вместе с ними и злость.

— Магия чкори здесь сильнее. Вас надо научить. Быстро. Хотя бы элементарным вещам.

— Ненавижу магию, — прошептал полковник, в надежде что его не услышат.

Герцогиня вздохнула. Когда к ней обратился Фредерик Тигверд с просьбой помочь в поисках девочки-чкори, Дарина Рэймская никак не предполагала, что ей придется нянчиться с мало вменяемым господином, который, к тому же, «ненавидел магию»... Может, его дочь просто сбежала — пусть даже и с нэйро? Но тут она вспомнила. Вспомнила силу и безжалостность, с которой похититель обрушился на Ричарда. На сильнейшего мага, имперского палача. Неужели девочка связалась с этим типом добровольно?

Они шли вниз по песчаной дороге, к лесу. Мимо холмов, покрытых мелким багровым мхом.

«Будто пролили кровь», — подумал Лукьяненко, с удовольствием вдыхая ароматный, свежий воздух. Женщина что-то пробормотала над его головой, едва коснувшись сидящих висков, и боль ушла. Чувствовал он себя намного лучше, надо признать. Над ними летела все та же птица, вот только вместо перьев — золотой песок.

Они пришли на поляну. Женщина села на траву, жестом приглашая его присоединиться. Огромная песчаная змея свернулась тут же. Вот ведь... чертовщина! Чертовщина и есть...

Что она задумала? Не на пикник же они сюда притащились...

— Расскажите мне о дочери.

Герцогиня Рэймская разложила вокруг себя вещи Таи, которые отобрала в ее комнате. Миро тяжело опустился рядом. Сердце сжалось... Где же ты, девочка?

— Это ее любимая игрушка. Кот облезлый. Она до сих пор, когда нервничает, прижимает его к себе.

— Не кот. Манул. Видите — пятнышки на макушке. Лапы толстые.

— Какая разница. Дикий. Домашний. Городской. Из каменистых степей Азии. Все равно кот.

— Для Таи это было важно. Она писала стихи. Вы знали?

— Стихи? Да все девушки в этом возрасте пишут стихи! Стихи, мальчики... Но только не она. Она... Вот это, — Миро взял в руки золотую медаль, покачал перед носом у герцогини, — для нее было гораздо важнее.

Он вздохнул. Потянулся за шпагой:

— Это ее шпага. Спать не ляжет, пока не надраит всю эту их амуницию. Форму, маску. Только на это деньги и просила. Нет чтоб на

платья какие-нибудь там, косметику... Нет. Папа, мне нужна шпага. Папа, маска порвалась. Папа, я из обуви спортивной выросла. Папа, перчатки нужны еще одни, у нас соревнование скоро... Знаете... Это, пожалуй, все наше с ней общение и было. Нет, не всегда, конечно, но... Последнее время...

— А это? — Дарина осторожно, будто хрустальную вазу, подняла со дна саквояжа пояс. Точно такой же был и на ней.

— Странно... Я считал, что его выкинул. Много лет назад.

— Зачем? Это же... Это принадлежало вашей жене? Пояс — сила колдуньи нашего племени! Если бы мама Таи была жива, она подарила бы дочери такой же. В двенадцать лет. Скажите, а волосы вы...

— Хватит! — Миро вскочил, попытался вырвать пояс из рук чкори, но та оказалась проворнее. «Неплохая реакция», — мелькнуло в голове.

— Не трогайте!

— Ненавижу! Ненавижу весь этот хлам! Я сжег! Сжег все! Травы, книги на непонятном, тарабарском языке, вещи, шкатулку с драгоценностями отдал тетке, и вот это! Это тоже надо было сжечь! Где? Где вы это нашли? Откуда взяли?!

— Анук-Чи нашел. Под кроватью. У Таи был там тайник. Под паркетом.

— Я...хотел сделать ремонт. Она все откладывала. То соревнования на носу, то еще что... Лиса!

— Тая надевала его? Вы не знаете?

— Хуже! Она татуировку с этой штукой сделала!

— Сделала что? Сядьте! И перестаньте кричать!

— Татуировку, — мужчина, обессилев, опустился на траву, обхватил голову руками, и заговорил тихо, еле слышно, — это...такой узор. Иголкой под кожу впрыскивается краска. На всю жизнь...

— Где? — спросила чкори.

Миро молча указал на поясницу. В голосе герцогини было что-то... Какая-то сила, заставляющая покоряться.

— Почему вы отказались от дороги? Чтобы заблокировать магию? — вдруг спросили его.

Надо же. Она...знает. Хотя чему я удивляюсь? Колдунья! Она все, наверное, знает.

— Дорога, — усмехнулся Миро. — Магия. Мои предки, сколько себя помню — они были защитниками. Воинами. И дорог в их жизни было предостаточно. А магия... Глупости это все. Неумение найти себя. Страх. Страх ответственности. Жаль, что я... — он сжал пояс, словно хотел

разорвать его. Уничтожить.

— Вы, наверное, очень рассердились на дочь тогда? — женщина смотрела ему прямо в глаза.

— Да. Рассердился...

— Представляю, какой был скандал, — герцогиня осторожно забрала у мужчины пояс и спрятала в складках плаща.

— Вы считаете, что в праве осуждать меня?

— Ни в коем случае.

Герцогиня вспомнила о том, что так и не рассказала своему сыну правду. Пауль — его названный брат — в госпитале. Но мальчику ничего не грозит, а она так давно не видела Геральда. Ее сын предпочитал общаться с Паулем и Феликсом. Все-таки мальчишки, общие интересы. Но если бы только это...Внутри сердце сжалось от еще одной мысли...Геральд охотнее разговаривал с Вероникой, чем с ней.

Дарина вздохнула. И спросила, стремясь изгнать из головы мучившие мысли:

— Скажите, а вы Тае волосы в косы заплетали?

Глава 5

— Значит, Ваду... Ловушка...

Тая поежилась от холодного, сосредоточенного равнодушия, в котором не было ничего человеческого. Ледяной голос Эдварда был сухим, тихим, и звучал как... сама смерть. Девушка поняла вдруг, что водный маг сейчас нападет, и удар этот будет последним.

Перед глазами помутилось, песок поднялся, пеплом закружился вокруг, и она увидела, как падает Арвин. Очнулась, поняла, что это было лишь видение, и закричала:

— Эдвард, нет!

Синие пылающие глаза. Маг смотрит ей в глаза, но он ее не видит. Страшно.

— Эдвард, послушай меня, очнись! Арвин не в себе, ему же плохо!

Понимает, что на нее Эдвард обращает внимания не больше, чем на надоедливую мошку, что он сейчас попросту odstranit ее от себя и...

Девушка коснулась губами его губ.

Это было...как прыгнуть в море с высокой скалы. Какие твердые у него губы. И...холодные.

Тая замерла. Гнев мага прошел, она это чувствовала. Арвин спасен от смертельной расправы — она это знала. Но...

Обида сжала сердце. Как же так... Ведь она мечтала об этом. Во сне. Наяву. И... все вот так. Нелепо. По-дурацки. Не нужно...Ему это не нужно! Стоит как столб. Равнодушно. Дура! Какая же она дура!

Тая рванула прочь. От этого мужчины. От унижения. В голове осталось лишь шуршание серого пепла, заглушающего грохот бьющейся в ушах крови. И хорошо. Хорошо, что пепел, хорошо, что тихо. Пусть все превратится в прах и песок! Ей ничего не нужно, ей никто не нужен! Ни друзья, ни враги, ни этот...

— Тая...

Сильные руки схватили за плечи. Сильно, но мягко, как-то по-кошачьи, притянули ее к себе. Она мотает головой, изо всех сил стараясь не открывать глаза.

— Тая...

В его голосе — нежность. Эта нежность растет, как наступающий на сушу прилив, и нет от нее спасения. Да и надо ли оно...

— Я глупец, — тихо говорит он ей на ухо. — Потому что решил, что

смогу жить без тебя. И даже не задался вопросом: зачем?

Тяжелый вздох. Он осторожно убрал волосы с ее заплаканного лица, провел пальцем по щекам, стирая мокрые, черные от летящего со всех сторон песка дорожки. И поцеловал. Это было... Как во сне. Как в самых сладких мечтах. Хотя нет...Лучше. Еще лучше.

— Давай разбираться, что происходит. И уходить порталом в более приветливое место.

Милфорд обнял девушку за плечи, и уже спокойно обратился к Арвину:

— Не считите за труд, Ваше величество, просветите меня. Как мы тут оказались?

Король ответил не сразу. Какое-то время несчастный пытался взять себя в руки. Когда ему это, наконец, удалось, нейро закричал:

— Не может быть! Этого просто не может быть! Мне же удалось их спасти!!! Удалось!

Мужчина упал на колени, обхватив руками голову, уходя все глубже и глубже в серый горячий песок. Деревья над его головой жалобно стонали от ветра, искренне жалея своего короля. И только песок равнодушно летел мимо, не зная ни боли, ни тоски.

Эдвард Милфорд щелкнул пальцами — и на Арвина обрушился целый водопад ледяной воды. Тая, взвизгнув, отскочила, а грязные от песка листья деревьев устроили магу настоящую овацию! Милфорд прислушался к окружающему миру. Земля стонала. Деревья плакали. Миллионы крошечных сердец птиц, зверей и насекомых рыдали, корчась от боли. Песок. Песок душил, выжигал все живое. Долго этот мир не вынесет...

Король в изгнании затих. Стихли деревья над его головой. Тихо. Слышно было лишь, как течет в этом странном мире песок. Когда Арвин поднял, наконец, глаза, в них был гнев.

— Так-то лучше, — кивнул Милфорд. — Истерики непродуктивны. Лучше злитесь. И направьте вашу злость на тех, кто вам противостоит.

— Тая, — Арвин не обратил на Милфорда никакого внимания. — Попробуйте, посмотрите. Жена... Жена и дети. Неужели их обнаружили и захватили. Неужели они у моих врагов?!

— А как это сделать? — растерянно спросила девушка. — Поймите, я с удовольствием. Но я не умею!

— Осторожнее со словами, — предостерегающе поднимает руку Милфорд.

— У меня нет стремления подловить Таю на ее доброте и заставить делать что-то против ее воли, — ледяным тоном сообщил король магу. —

Тая... пожалуйста.

— Как?

— Насколько я знаю, а знаю я о магии чкори, увы, не много. Так вот, насколько мне известно, они задают вопросы Дороге.

— Здесь лес. Где я дорогу возьму?!

Оба мага печально вздохнули.

Тая раздраженно зажмурилась. Маги! Как фокусы всякие вытворять, так они первые! Водой облить — пожалуйста, в мозгах поковыряться — легко! А как доходит до дела, ничего объяснить толком не могут! Дорога, дорога... Тая оглянулась. Вокруг — лес. Лес и песок. Песок, вечно попадающий в глаза. Девушка снова зажмурилась. Так крепко, как только могла. Дорога... Где же ты, дорога?

И вдруг перед глазами появилась картинка.

— Море, — тихо говорит Тая. — Белые дома. Не высокие, будто игрушечные. Фонтаны. Набережные. Сады. Красиво... И женщина. Она плачет.

— Значит, они не здесь, — шепчет король.

Милфорд кивает и тут же приказывает:

— Рассказывайте, Арвин! Все как есть.

Арвин сел, привалившись спиной к сосне.

— Я уже рассказывал о том, что услышал разговор, не предназначенный для моих ушей. Ворвался в зал. Кричал о правде, честности, вере, справедливости... На меня напали в цитадели инквизиторов. Мои охранники погибли, но дали мне возможность... прожить чуть подольше. Меня гнали по подземным уровням цитадели, как взбесившуюся крысу.

Арвин грустно усмехнулся.

— Потом пришел гнев. Заволокло сознание. В какой-то момент я почувствовал, что голова разорвется. Боль, ненависть, отчаяние — все смешалось. Эмоции вылились на тех, кто меня преследовал. Вся мощь магии, запертой в теле, вылилась наружу неконтролируемым потоком.

Конечно, я чувствовал в себе некую силу. Слышал чужие мысли. Мог успокоить расшалившихся детей. Мгновенно. Но я запретил себе даже думать об этом! Страх. Липкий, холодный. Страх всегда был со мной. Змеей вползая в сердце, он шептал мне ночами о том, что я — чудовище. Такое же чудовище, коих я лично отправлял на страшную, мучительную казнь. Такое же, если не несоизмеримо большее! И я сходил с ума от этого шепота, от щекочущих вены потоков силы... Силы, которую, несмотря ни на что, чувствовал в себе...

— Вы вырвались из цитадели? — шепотом спросила Тая.

Арвин кивнул.

— Я выжег мозг тем, кто меня преследовал.

— К сожалению, не всем, — проворчал Милфорд.

Король в изгнании вздрогнул. Тая посмотрела на мага воды с упреком.

— Магия — это страшно, — тихо проговорил король. — И когда через несколько часов толпа ворвалась во дворец меня арестовывать, я понимал, что это — справедливо. Я стал той тьмой, что грозит нашему миру. И которое должно уничтожить. Но перед этим я успел выстроить портал — и отослать родных. Жену. Сына. Дочь... И... единственное, что мне не понятно — почему меня не казнили. Почему меня просто изгнали.

— Изгнали, — нахмурился Милфорд. — Оставить в живых свергнутого короля... Такой риск. Для этого причина должна быть более чем весомая.

Арвин кивнул:

— Я сходил с ума, пытаюсь разгадать эту загадку.

— А почему вы не отправились к вашей семье? — не выдержала Тая.

— Я их искал... Вы представить себе не можете... Как. Где я только ни был. Миры, страны, города. Я подчинил себе магию, хотя ненавижу ее всей своей сущностью. Я бродил, манипулируя людьми, добывая средства на дальнейшие поиски — все напрасно! Я был богат и влиятелен. Не только в вашем мире, Тая. Вопросы морали меня особо не волновали. И все же я старался не проявлять жестокость, если в этом не было особой необходимости. Они являлись мне во снах. Но я так и не нашел никаких следов. Совсем...

— Возможно те, кто изгнал вас, это предусмотрели, — задумчиво проговорил Милфорд. — Нам, необходима помощь милорда Швангау. Пусть вас посмотрит. Думаю, он сможет понять, в чем дело. Но сначала придется уговорить Фредерика Тигверда оставить вам жизнь. Он очень болезненно относится к нападениям на своих родственников.

— Но почему мы оказались именно в Ваду? — растерянно проговорил Арвин, словно и не слыша того, что сказал Милфорд.

— Так это не вы нас сюда перебросили.

— Нет. С того момента, как меня изгнали, куда-куда, а в родной мир я возвращаться не желал.

— Я тоже не строил портал в мир летающих песков, — нахмурился Милфорд, и вопросительно посмотрел на Таю.

— Я? — изумилась девушка.

— Пустота была твоя. И из замка мы могли переместиться туда, куда ты пожелала бы.

— Но я не умею! Это не я!

— Что ты пожелала?

— Не знаю. Не помню! Чтобы все были живы и счастливы!

— Ладно. В любом случае надо отсюда убираться. Места небезопасные. Я выстрою портал в империю.

— Я готов сдаться, — склонил голову король.

— Еще успеете, — вздохнул маг.

Глаза вспыхнули синим, подземные потоки запели под ногами, вздохнула земля и...Ничего не произошло.

— Ничего не выходит, — растерянно прошептал милорд, — Стихии!

Мужчины заметили испуганный и ошеломленный взгляд девушки.

— Тая... — бросился к ней маг. Обнял ее, понял, что она дрожит.

— Эдвард? Что же нам теперь делать?

...

— Отдохни, — Эдвард кивнул на поваленное дерево.

— Позвольте мне, — Его величество Арвин Эйш снял с себя куртку и кинул на песок.

Тая раздраженно дернула плечом. Эдвард, перед тем, как они пошли искать место, где можно расположиться, уже укутал ее в свою верхнюю одежду, и теперь смотрел на предложившего ей куртку короля как на врага народа. Интересно...друг он все же или враг?

Как птичка, угнездилась на куртке Эойша, плотнее запахнув на себе... не то сынуртук, не то камзол. Не важно. Эдвард был туаким высоким и широкоплечим, что на ней эцто смотрелось как плащ-палатка! Ткань была теплой, черной, бархатистой, пахла морем и малиновым листом. Невозможное, казалось бы, сочетание...Но это так! Она готова поклясться рапирой и четвертым местом на Российском чемпионате.

И почему она не надела джинсы? Ведь не вылезала из штанов всю неделю. В платье в лесу — совсем не фонтан. Хорошо еще, что она туфли на каблуках терпеть не может. Тая посмотрела на мокрые, черные от пепла-песка кеды, порванное, запачканное кровью платье... Будто прочитав ее мысли, милорд Милфорд сказал:

— Арвин, на вас разведка. Надо понять, где мы находимся, как далеко до жилья. Желательно раздобыть какую-нибудь одежду, чтобы не выделяться. Лес занесен песком. Хорошо еще, что река рядом.

Король в изгнании кивнул и ушел.

Маг присел напротив девушки. Спутанные волосы. Испуганные глаза.

Бедняжка...Захотелось погладить ее по голове, но он почему-то сдержался. Вместо этого заговорил, стараясь, чтобы голос звучал мягко и успокаивающе:

— Не бойся, слышишь? Все хорошо. Сейчас я разведу костер, добуду что-нибудь. Есть хочешь?

— Глупый вопрос, милорд! Я голодная, как волк! Так же как Эйш и вы сами! — пока он, открыв рот, приходил в себя от того, с каким пылом огрызнулось прекрасное создание, юная леди встала, и, перехватив поудобнее шпагу, направилась в лес, крикнув через плечо:

— Я нарублю лапника и разведу костер!

Шпагой, даже острой и очень боевой, рубить небольшие деревья, похожие на земные елки, было очень неудобно. Эх, нормальный бы топор сюда...

Маг сидел у реки, мысленно отдавая приказ воде гнать рыбу ближе к берегу. В лесу раздавался... Стихии! У нее даже топора нет! Вот...упрямая! Дерзкая... Милфорд улыбнулся. Вспомнил Веронику. Интересно, в этом мире все женщины такие непокорные и деятельные? Снова прикрыл глаза. Приказал подземным течениям размыть корневую систему. Почувствовал, как несколько небольших деревьев упали в песок. Скоро Тая на них наткнется. Придется брать хитростью и магией. Иначе он не победит такого серьезного противника. Мужчина снова улыбнулся. Счастливо. Светло. Искренне.

Отрубив пару веток, Тая поняла, что у нее дико болят кисти рук. Так она долго не выдержит. Всего две ветки! А ей нужно устроить настил для ночлега, костер развести. Позвать на помощь Эдварда? Да ни за что! Она снова взмахнула шпагой, и вдруг... Вот это удача — несколько маленьких деревьев с вывороченными из земли корнями просто лежали в песке. Их же можно просто оттащить, а уж ветки она как-нибудь отрубит! Странно...Она же тут осмотрела все. Не было раньше этих деревьев...

Когда Эдвард подходил к месту их привала, огонь уже весело потрескивал, аккуратно обложенный камнями. Надо же... Чуть поодаль были уложены ветки для ночлега. Девушка сидела, привалившись спиной к дереву. Услышав его шаги, обернулась. Эдвард вздрогнул. Синяки под глазами, кровь на лодыжке. Разорви меня Пустота...

— Держи, — перед Таей появилась большая, сверкающая чешуей рыбина.

— Ух ты! — девушка вскочила так, как будто не сидела только что обессиленная, тяжело дыша, — а еще сможешь? Нам этого мало...

— Только прикажите, — и мужчина утонул в глубоком поклоне.

Сделал он это так изящно, что девушка невольно залюбовалась...

— Принеси мне рыбы, и побольше! — она царственно вздернула подбородок и жестом указала в сторону реки.

— Поцелуй за каждую! И один у меня уже есть....

Они целовались. Он носил рыбу. Она ее чистила, а он опять целовал, держа ее руки за запястья, чтобы не испачкаться. Потом смотрел, как она ловко потрошит рыбину на стволе дерева, как солнечный лучик закатного солнца, пробиваясь сквозь ветки, касается смуглой щеки, и крошечными брильянтами вспыхивают прилипшие к ней рыбы чешуйки. Эдвард так залюбовался, что не сразу понял, что девушка не просто чистит рыбу, а что-то ему увлеченно рассказывает:

— Мы с папой те еще туристы. Он другого отдыха не признает. Машиной от всех подальше. Палатка. Озеро или река. Рыбалка. Мы обмазывали рыбу глиной и пекли в углях. Вкуснотища! Вот увидишь! Надо глину найти... Тут один песок. Может, у реки? Что? — она вдруг смутилась, поймав его пристальный взгляд.

Эдвард только покачал головой:

— Пойду за глиной. Видел что-то похожее у воды.

Когда Арвин вернулся к ним, уже стемнело. Рыба была готова, а костер весело трещал хворостом, которым его подкармливали.

— Жалко шлем мотоциклетный потерялся, — поприветствовала короля в изгнании Тая.

Арвин вопросительно посмотрел на Милфорда, как на единственного здравомыслящего человека.

— В нем можно было бы воду носить, — пояснила девушка. — А может, и вскипятить.

— Вот это вряд ли, — Арвин потянулся за рыбой, которую Тая завернула в большой, плотный лист, похожий на лист лопуха.

Голодный король ел и думал, что даже если бы шлем уцелел, он бы ни за что им не пожертвовал. Даже в такой ситуации. Мотоциклы были его страстью.

— Есть! Соль! Я нашла соль! — взвизгнула Тая. — И сахар! В пакетиках...

— Готовилась выживать в лесу? — удивился Эйш.

— Нет. Захотелось гадости из фаст-фуда. Там мне дали и перец в пакетиках, и соль. И сахар.

— Макдональдс?

— Не угадали! KFC! Там кофе вкуснее.

Милфорд нахмурился. Эйш жил в мире Таи долго. Успел привыкнуть. Эти двое говорили на каком-то своем языке о том, что любили. И он... заревновал. Как мальчишка.

— Где мы? — спросил начальник имперской контрразведки в отставке, чтобы сменить тему.

— Заповедные леса неподалеку от Рассветных гор, — тяжело вздохнул Арвин.

— Населенные пункты?

— Около тридцати ньеров до небольшого городка на северо-востоке. Город покрупнее, у подножья гор. Есть пара деревень по кромке леса. Что с кордонами лесников и расположениями военных — не знаю. Столько лет прошло...

— А раньше?

— Особо в эти леса не совались.

— На мой взгляд, нам разумнее всего отсидеться где-нибудь здесь, — задумчиво протянул Милфорд. — Не вступая в контакт с местными жителями. Пока не прибудет помощь.

— Думаю, это здраво. Встреча с моими соотечественниками нам грозит крупными неприятностями, — поддержал король. — Во-первых, мы не так одеты. Во-вторых, все трое — маги. Если в Ваду об этом узнают — смерть.

— Но может, все-таки стоит пробраться в город, — предложила Тая. — Раздобыть одежду, теплые вещи. Котелок какой-нибудь. А потом уже скрываться в лесах?

— Узнать вообще, что в этом мире происходит, — кивнул Эдвард.

— Риск, — поморщился Арвин.

Мужчины возились до глубокой ночи, сооружая шалаш для ночлега. Наконец все улеглись, но Тая, как только услышала ровное, размеренное дыхание у себя за спиной, тихонько выскользнула, прихватив свой рюкзачок. Хорошо, что она никогда не выходит из дома с пустыми руками. Отец научил. Подарил маленький рюкзак со всем необходимым: зажигалка, перочинный ножик.

Раньше она как-то не задумывалась о том, что папа научил многому. Он был строгим. Тая выросла и стала злиться. За то, что за ней по пятам ходили его люди. За то, что он не разговаривал с ней о маме. Не читал ее стихи, слышать не хотел о ее снах, запрещал видеться с тетей. А сейчас... Сейчас отца не хватало. Молчаливого, сильного, и...любящего.

— Не спится? — Эдвард сел рядом, обнял за плечи.

Девушка вспомнила их поцелуи и покраснела. Хорошо, что темно... Костер трещал сухими ветками.

— Не могу... Только закрываю глаза — слышу чей-то стон.

— Из-под земли?

— Откуда ты знаешь?

— Тоже слышу. Это стонет Земля страны Летающих Песков. Этому миру нужна помощь.

— Я думала, помощь нужна Эйшу.

— И ему тоже. Ты — маг огня? Как ты разожгла костер?

— Зажигалкой. Я вообще не маг.

— Маг. И очень сильный. Я знаю, тебе тяжело. Но...постарайся это принять. И еще. Я всегда буду с тобой.

Костер потух. Звезды смущенно погасли, и Земля Страны Летающих Песков уснула. Слишком нежной была Песнь Любви юной чкори и водного мага. Как тихая, добрая колыбельная...

— Отдохни, — прошептал ей Эдвард.

Глава 6

Звезды...Яркие! Голубые! И висят так низко, кажется, протянешь руку — и можно взять одну. Самую маленькую. В карман. На счастье...

А по звездам шел манул. Будто сотканный из лунного света, зверь ступал мягкими, широкими лапами по предрассветному небу, все ближе и ближе подплывая к хозяйке.

Девушка запустила пальцы в глубокий мех. Как там тепло! Низкое, бархатное урчание, в холодных глазах — улыбка.

— Слушай, — наклонилась она к круглому уху, — а ведь это ты забросил нас в Ваду. Не Эдвард, не Арвин. И уж тем более, не я. Почему ты решил, что нам нужно оказаться здесь? Молчишь? Не знаешь? Вот и я не знаю...

Кот лизнул ее в щеку, оставив влажный, холодный след.

Тая вздрогнула. Села, морщась от боли — от неудобной позы затекла шея, по щеке текла слеза. Она что, плакала во сне? Странно...Сон был таким милым. Манул, звезды. Девушка выбралась из шалаша, ежась от холода. Эдварда рядом не было. Наверное, тоже замерз и пошел к костру.

Только-только начинало светать. Так бывает часа в четыре утра, когда очертания деревьев становятся четче, а тишина вокруг уже не давит черным бархатом, но начинает звенеть первым дыханием утра, а лес поет ... Поет?

Никто не знает, где мы
Песок сотрет следы,
И пусть горят, всю ночь горят на площади костры!
И пусть горят, без нас горят, на площади костры!

Детский жизнерадостный голос, весело и беззаботно напевал где-то неподалеку. Тае захотелось броситься к костру, найти Эдварда, но странная песенка будто заморозила. Боясь пошевелиться, девушка вслушивалась в странные слова:

Вернется Славный Арвин,
Песком в страну гоним,
В последний бой, пойдем с тобой, на смерть пойдем за ним!

Пойдем войной в последний бой, на смерть пойдем за ним!

Таю передернуло. Шпагу она оставила в шалаше, но к девушке уже бесшумно подходил Эдвард, жестом делая предупреждающий знак, чтобы она случайно не закричала и не выдала их. С другой стороны так же бесшумно вышел Арвин. Король молча передал девушке ее шпагу. Так они и стояли, с оружием наготове, вслушиваясь, как звонкий голос пел все громче и громче:

А если я погибну,
Утри слезу рукой...
И на моей могиле спой, как Айша жег огонь!
Приди ко мне, мой друг, и спой, как Айша жег огонь!

— Слышите? — очнулся бывший правитель. — Она поет о добром короле Арвине... Обо мне?

— И про Айша? Это?..

— Глава ордена иезуитов. Он изгнал меня.

Песенка лилась со всех сторон. Казалось, ее поют деревья, река, костер, и даже песок под ногами... И вот из предрассветного тумана, словно призрак из страшной сказки к ним вышла девочка лет девяти. Фарфоровое личико, белокурые локоны. Девчушка была прехорошенькой, и от этого Тае почему-то стало совсем страшно. Темно-бордовый плащ старинного покроя, в который девочка была одета, стал последней каплей. Тая решила, что ей снится очередной сон. Она спит. Еще ведь так рано! В детстве она любила рассматривать гравюры Доре, и вот результат. Прав был отец, надо было больше гулять с другими детьми на свежем воздухе. Ей всегда казалось, что в этих рисунках есть что-то зловещее, особенно в тех, что по мотивам сказок Шарля Перро. С другой стороны, какие сказки, такие и картинки...

— А если бы волк не встретил Красную шапочку, то спокойно дожил бы до старости... — вырвалось у нее.

— А кто такая красная шапочка? — быстро спросила у нее девочка.

Тая, растерялась, посмотрела на Эдварда. Маг стоял неподвижно, прикрыв глаза и пытаясь сосредоточиться на ауре ребенка.

— Откуда ты тут взялась, девочка? — спросил Арвин как можно ласковей. Получилось фальшиво. Но он хоть что-то пытается делать! Эти

двое встали, как вкопанные.

Девочка посмотрела на него с подозрением. Потом перевела взгляд на Таю.

— Красная Шапочка — это девочка, которая победила лесного хищника, — нашла наконец чкори.

— Как победила?

— Эээээ.... позвала охотников.

— Это правильно, — одобрила девочка.

— Хочешь есть? — предложил Милфорд.

— Хочу.

— У нас рыба.

— А у меня есть лепешка, — девочка явно похвасталась. — Папа принес муку! А мама испекла лепешки! Муку папа редко приносит, ее трудно достать. Я поделюсь!

— Так вы живете в лесу?

— А вы разве нет?

— Ну...и мы тоже, — король развел руками и улыбнулся.

— Здесь хоть и голодно, но нет солдат. И никого не жгут.

— Значит, вы убежали из своих домов?..

— Папа спас маму от инквизиторов. А у нее нет магии!

— Нет магии? А ты откуда это знаешь?

— Магия есть у меня. Это меня надо казнить. Но папа меня не отдаст!

— Зачем казнить тех, у кого есть магия? — Милфорд стал потихоньку подбрасывать хворост в костер.

— Чтобы откупиться от песка. Он заносит поля. Леса. Скоро занесет и все дома. И нас тоже.

Девочка достала из корзинки лепешку — небольшое круглое солнышко, и ловко поделила его на четыре равные части. Тая выложила рыбу на лист и протянула Красной Шапочке. Теперь про себя она называла девочку только так. А как иначе? Красная Шапочка и есть! С корзиночкой. В корзиночке — лепешка. Почти пирожки. А за лесом, в городе — злые волки-инквизиторы. Она начинала понимать, о каких кострах пела Красная Шапочка.

— Спасибо, — вежливо ответила девочка. Отломил кусочек рыбы, с явным удовольствием положила в рот. Прожевала. И глубокомысленно сказала:

— Все-таки инквизиторы глупцы. Чем больше они жгут, тем больше пепла становится.

— И что надо делать? — словно очнулся Эйш.

— Молить, чтобы Славный Арвин вернулся.

Наступила тишина. Какое-то время все сосредоточенно жевали. А потом Эдвард спросил:

— А тебе не страшно ходить одной по лесу?

— Нет. — Девочка так удивилась, что даже жевать перестала. — Я ведь знаю, что со мной все будет в порядке. Вы же не злые.

— Ты что, шла к нам?

— Конечно! Мне стало интересно посмотреть, кто появился рядом с нашим лагерем.

Эдвард недовольно посмотрел на Арвина.

— Но никого не было! — прошептал король, оправдываясь.

— Вы просто не заметили. Нас никто не замечает. Терра ставила защиту, а я помогала! Папа сказал — так нужно, чтобы нас не нашли слуги Айша.

— А у вас в лагере знают, что мы рядом? — спросил глава имперской контрразведки в отпуске.

— Нет, — вот тут девочка удивилась. — Только я вас увидела. Во сне.

Но тут все поняли, что их увидела не только девочка в своем сне, но и еще...кое-кто. Лес вокруг них вспыхнул десятками горящих факелов.

...

— Вы что — не понимаете? Расположение лагеря больше не тайна! Эти люди — шпионы! Крысы инквизиторов! Нам всем грозит смерть...!

Тая, Эдвард и Арвин сидели у большого костра. Их даже не связали. Люди вокруг занимались своими делами, лагерь-призрак жил своей жизнью. Но каждый понимал — стоит пришлым вскочить, закричать, проявить агрессию... И их наверняка утыкают арбалетными болтами. Чтобы даже не подходить близко. Пленникам вряд ли кто-то по-настоящему сочувствовал. Просто люди устали от смерти. Смерти близких, смерти чужих. Просто смерти...

Кроме огромного костра, обложенного камнями и двух кострищ поменьше чуть поодаль, среди деревьев, вокруг не было ничего. Люди жили под землей. Непосвященный никогда бы не заметил замаскированные в кустах входы в землянки. Из-под земли то тут, то там появлялись люди и снова исчезали...Как в огромном муравейнике.

— Лагерь магов, — прошептал Арвин. — Это же... Самый страшный кошмар для короля...

— Как хорошо, что у Ваду его пока нет. — Ядовито проговорил Милфорд. — Песок и костры — есть. Инквизиторы есть. А с королем... проблемы.

Арвин посмотрел на водного мага с ненавистью. И снова обратился в слух.

— Их надо уничтожить! — пылко настаивал молодой голос.

— Ты просто злишься, что твои разведчики вчера никого не обнаружили, — насмешливо ответил ему глубокий бас. — А трех пришлых магов менее, чем в ньере от нас, обнаружила моя девятилетняя дочь.

Здесь люди умели кричать шепотом. Практически беззвучно желали друг другу доброго утра. Дети, которых было очень много, — включая самых маленьких — тоже были почти бесшумны. Нет, кое-кто, конечно, капризничал. Но... очень тихо.

— Занятно, — пробормотал Эдвард Милфорд.

Арвин лишь невесело усмехнулся.

А Тая прислушивалась к женскому голосу. Тоже очень тихому. Но это не помешало девушке расслышать в нем страх, любовь, и...обреченность.

— Ума, ты понимаешь, что ты наделала?

— Мамочка, но все ведь хорошо!

— Ты убежала ночью в лес. Дала пришлым людям себя обнаружить...

— Мам, но они — хорошие!

— Ты нарушила дисциплину. Потому что должна была...

— Я знаю, — на секунду голос Красной Шапочки сник, но практически тут же опять воспрял. — Но... Им же надо было отнести лепешку! Рыба без нее невкусная. И Тае было холодно! А еще я кое-что знаю!

— Ума... — простонала женщина.

Тая плотнее закуталась в плащ, который ей дали по просьбе девочки.

— Очень сильная Провидица, — пробормотал Милфорд, который так же, как Тая вслушивался в этот странный разговор, — Родителям надо очень постараться, чтобы сохранить ей жизнь.

— Почему? — прошептала Тая, чувствуя, как ужас крадется ледяными иголками по спине.

— Маги этого дара притягивают к себе неприятности. Они искренни, наивны, беззащитны и сердобольны. Они знают правду. Носить ее в себе — тяжелый крест. Поэтому у людей, обладающих такими способностями — грустные глаза. Даже если они еще очень маленькие. Жаль, что порталы я по-прежнему строить не могу. Эвакуировали бы всех в империю. А там бы разбирались уже.

— Жаль, — пробормотала Тая.

Она вспомнила глаза Умы, и вдруг поняла, что Эдвард прав... Они у

нее действительно грустные. Очень.

— Эта девочка — лакомый кусочек для местных инквизиторов. Магия растет, и степень ее силы не смогу определить даже я, — Милфорд бросил ветку в огонь, стараясь, чтобы его движения были плавными.

— Может быть, тебе попробовать построить дорогу? — шепнул король на ухо чкори.

— Я уже несколько раз говорила, что не умею этого делать! — прошипела Тая.

— Конечно-конечно, — усмехнулся Арвин.

— Если вы пытаетесь разозлить ее, чтобы получить выплеск магии и убраться отсюда — не получится, — меланхолично заметил Милфорд, — Я не знаю, каким образом, но на порталы в этом мире выставлен блок. И пока с этим поделаться ничего нельзя. Нужна информация.

— К нам идут, — вздрогнула Тая.

Милфорд кивнул.

К ним подходила целая делегация. Пожилая женщина, с седыми волосами и серым, будто пепел, лицом, и огромный, похожий на медведя, мужчина. Справа от него еще несколько, помоложе.

Похоже, все они были уважаемыми людьми, принимающими важные, ответственные решения, потому что лагерь стих. Стало так тихо, что было слышно, как шипит в траве гонимый бесшумным ветром песок. Как потрескивают горящие ветки. И в этой тишине снова зазвучал детский голосок:

А если я погибну,
Утри слезу рукой,
И на моей могиле спой, как Айша жег огонь!
Приди ко мне, мой друг, и спой, как Айша жег огонь!

Тая закусила губу. Это дежавю уже начинало раздражать. А что если это просто сбой в системе ее больного сознания? Она вдруг представила, что все это ей действительно кажется. Стало так жутко, что глаза сами собой зажмурились, и только тепло руки Эдварда, сжавшей ее плечо, заставило успокоиться и снова посмотреть на то, что происходит вокруг.

А вокруг, так же, как всего пару часов назад, плыл туман. Или ветер поднял небольшую песчаную бурю? А может, это просто дым костров? Трудно сказать, что именно это было, но из леса снова вышла Красная шапочка. Маленькая, белокурая.

— Папа!

— Ума! Ступай домой!

— Папа, я должна тебе кое-что сказать. Я опять знаю...

— Не сейчас, Ума! Ступай к матери. Живо!

— Нет.

Глаза девочки вспыхнули гневом, фарфоровое личико стало мертвенно-бледным, и отец (тот, что был похож на огромного медведя), тяжело вздохнув, поднял обе руки вверх в примирительном жесте:

— Хорошо, хорошо. Иди сюда. Но потом ты пойдешь к маме!

Красная Шапочка, вновь превратившись в очаровательного, жизнерадостного ребенка, подпрыгивая, бросилась к отцу. Сильные руки подхватили ее, и Ума, оказавшись у медведя на руках, что-то быстро зашептала ему на ухо.

Когда мужчина поставил дочь обратно на землю, его лицо не выражало ничего. Ни один мускул не дрогнул. Догадаться, что же сказала ему Красная Шапочка, было невозможно.

— Ума! Пойдем.

Женщина появилась рядом с дочерью бесшумно, и...словно из-под земли. Взяла ее за руку, и они быстро исчезли за деревьями. Девочка, правда, успела обернуться и помахать Тая рукой. Тая помахала в ответ, и только потом заметила, что пожилая женщина подошла к ней совсем близко.

— Пойдем, внучка. Тебе надо поесть. Вымыться. Переодеться и вылечить ссадины.

Тая испуганно посмотрела на Милфорда, который встал, и, заслонив девушку собой, слегка поклонился старухе.

— Простите, но моя спутница никуда не пойдет...без меня.

— Эдвард, — Арвин тоже встал, — ей ничего не грозит. Ручаюсь. Тая надо отдохнуть. Да и царапина на лодыжке загноилась. Пусть идет, а мы поговорим.

— Поверь ему, маг. Он — нэйро, — женщина внимательно посмотрела на Арвина, от чего тот побледнел, и тихо повторила, — нэйро...

Тая хотела возразить. Хотела остаться с Эдвардом, но вдруг поняла, как устала. Захотелось переодеться, смыть с себя грязь, и девушка все же позволила женщинам себя увести. Шпагу, однако, взяла с собой.

— Ну что ж... Занятная компания, друзья! Как думаете, а? — пробасил медведь. — Сильный нэйро, явно не наш, маг. И девчонка из породы тех, кого пережгли очень и очень давно... Что вы забыли в наших лесах?

Имперец поднялся на ноги.

— С кем имею честь?

— Шурр, — насмешливо поклонился предводитель лагеря.

— Милорд Милфорд.

— Значит, рассказы о том, что в Ваду приходят имперцы-стихийники и спасают магов — это не совсем сказки?

— Не совсем. Император Тигверд распорядился, чтобы маги, которым грозит опасность, были эвакуированы. Но, к сожалению, я вижу, что мы отработали недостаточно хорошо.

— Недостаточно хорошо?! — молодой парень, лицо которого было скрыто в тени. — Вы лишь раздражали инквизиторов! А мы...

— Недд, — одернул главный, — Прекрати. Все, что происходит в Ваду — наши проблемы.

Парень сплюнул и отошел.

— Простите Недда. Он слишком часто выходит из Заповедного леса. Нервы сдают.

— Понимаю.

— Вы тоже скрываетесь от кого-то? Или...?

— Или. Мы помогали юной чкори раскрыть магию. И нас занесло сюда.

— Не самое удачное место.

— Не стану спорить, — улыбнулся Милфорд.

— А я настаиваю на том, что их надо казнить!

— Как хорошо, что это решаешь не ты, Недд — усмехнулся еще кто-то, — Ты что — не видишь уровень силы? Не понимаешь, что лагерь снесет, когда мы их положим?

— Если, — еще шире улыбнулся имперец. — Река неподалеку. Так что — если...

— Но нас больше.

Милфорд пожал плечами.

— Да он издевается! — подскочил разведчик.

— А почему бы и нет? — милорд склонил голову набок.

— Не боишься, что тебя отметелят?

— Нет.

— Недд! — недовольно прорычал медведь.

— Может, всем полезно будет сбросить пар? — предложил со смехом один из воинов.

— Сразу оговарюсь — не до смерти, — быстро проговорил Милфорд.

— Боишься? — презрительно скривился парень.

— Нет. Но я не хочу, чтобы твоя кровь стала между твоими

товарищами и нами.

— И как мы будем драться? На этих зубочистках? — парень кивнул на шпаги.

— Ни в коем случае, — Милфорд бросил свою шпагу Арвину. — Не хочу, чтобы у меня было преимущество.

— Ты слишком самонадеян, — недовольно пробасил ему Шурр.

— Вот и проверим, имею ли я на это право.

— Что? На кулаках? — усмехнулся парень. — Или на палках?

— Выбор оружия за тобой.

— Значит, на палках. Магию используем?

— Да. Но не убиваем.

— Да понял я, понял!

Женщины и дети исчезли в подземных укрытиях, словно их никогда и не было на этой лесной поляне. Мужчины же расположились вокруг.

Имперец неподвижно стоял, опираясь на палку. Палка, которую выдал предводитель лесной братии, была теплой на ощупь, пахла душистой смолой да терпким дымом костра. Как же не хотелось причинять боль такой...хорошей палкой.

Он внимательно наблюдал за молодым человеком, чья левая сторона лица нервно подрагивала, выдавая нетерпение.

— Ну что?! — крикнул парень, — Навалием пришлому?

Недда, ловко перекидывающего в руках длинный шест, радостно (но опять же негромко), поддержали мужчины лагеря.

Милфорд чуть дрогнул уголками губ, словно подбадривая, и Недд сделал первый выпад, широкой восьмеркой прокрутив палку у себя над головой.

Удар. Сухой перестук шестов. Спокойная, чуть насмешливая улыбка мага. Горящие ненавистью глаза соперника.

Пожалуй, имперец не ожидал такого потока яростной, ничем не замутненной ненависти. И тем более он не понимал, чем вызвал такие эмоции.

Подловив Недда на том, что тот уж слишком часто атакует прямым ударом сверху вниз, явно стараясь разбить магу голову, Милфорд ударил по ногам. Недд успел отскочить. Но, судя по выразительному шипению, недостаточно быстро.

«Мальчик, мальчик... Отчего так дергается твое лицо? Откуда шрам над самым глазом? Каким чудом ты не ослеп? И почему твоя ненависть направлена на меня?»

Ускорив темп, парень снова пошел в атаку, стараясь подловить

Милфорда. Имперец привычно вскинул шест вверх, чтобы защитить голову, и в самый последний момент успел отскочить назад, спасая пальцы. Пришла его очередь бесшумно шипеть, стиснув зубы — по касательной шест все-таки задел руку.

— Как тебе? — криво улыбнулся мальчишка.

Стихийник лишь покачал головой. Зачем говорить во время боя? Только дыхание сбивать. А мальчик интересный. Кто же он? Если маг — почему не чувствуется сила? Если нет — зачем согласился на использование магии во время поединка? Любопытно.

Милфорд чуть-чуть, так, чтобы только пощекотать ребра, наплатил конец своего шеста силой водной стихии. Отбив очередной выпад, провел контратаку. Удерживая руку, чтобы не сломать противнику кости, он ударил по ребрам, выпустив магию.

Такого начальник имперской контрразведки еще не испытывал. Собственная магия, в несколько крат усиленная, обезумевшим диким зверем впиалась в тело.

Недд почувствовал растерянность противника и усилил натиск.

...

Горячая вода бежала по измученному, израненному телу, и это было прекрасно! Пыль, песок, запекшаяся кровь — все это стекало вниз, и река уносила потоки грязной воды вместе с болью и усталостью.

Да! Она уже любит этот мир! В нем есть небольшой водопад в меру горячей воды, бьющий прямо с потолка пещеры, трава, которой так, оказывается, приятно тереть пятки, а еще ей дали какую-то зеленую кашу в глиняной миске, что пенится не хуже самого настоящего шампуня! А пахнет как! Малиной. И немного морской солью. Так пахнет... Милфорд!

— Мне надо идти! — Тая выскочила из воды и бросилась искать свое платье.

— Успокойся! Сюда иди...

Голос старой седой женщины окатил ледяной водой. Тая остановилась. Властный голос. Властный взгляд. Женщина вела себя, как королева. И столько было в ней силы, что хотелось подчиниться.

Девушка решила, что обязательно проявит дань уважения к этой сильной, мудрой женщине, но не сейчас!

Платье — у старухи в руках. Другое, не ее, но сухое и чистое. Сойдет. Шпага — лежит чуть правее. Раз, два, три!

Одной рукой вырвала из рук женщины одежду, через разворот второй схватила шпагу, воткнув ее в стену так, чтобы никто не помешал ей

одеться, но и не смог подойти. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, руки дрожали от страха и ненависти. Дура! Купилась на водные процедуры! Пока она тут голову моет, они убивают Милфорда! Не выйдет!

Взгляд упал на Красную Шапочку. Девочка испуганно таращила на нее свои кукольные глазенки, явно не понимая, что происходит.

— Мне нужно вернуться! Пожалуйста, — Тая умоляюще смотрела на девочку, понимая, что если Шапочка ей не поможет, сама она из лабиринтов этой пещеры не выберется никогда.

Они шли сюда довольно долго, а она, вместо того, чтобы хотя бы попытаться запомнить дорогу, открывала рот на местные красоты! Дура...

— Покажи ей дорогу, Ума, — старуха тихо смеялась.

Смех... Будто падали в парке осенние сухие листья. Этот смех не был зловещим, леденящим душу, коварным или злым. Он был... добродушным, теплым. Даже сочувствующим. И что уж совсем никак не вязалось с ситуацией — одобряющим. Все это девушка почувствовала и услышала, но решила, что разбираться во всем будет потом. Когда убедится, что имперец жив.

— Туда нельзя! Женщины не вмешиваются в дела мужчин, — мама Красной Шапочки попыталась загородить Тае дорогу, но девушка лишь поудобнее перехватила шпагу, давая понять, что при попытке ее остановить, пустит оружие в ход.

Красная Шапочка нахмурилась. Тая испугалась, что ребенок не станет помогать тому, кто угрожает маме, но в этот момент девочка вытащила из кармана плаща небольшое красное яблоко, и бросила его на землю.

Яблочко покатилося, и Тая, каким-то шестым чувством поняв, что нужно делать, бросилась следом. Сказка продолжается! Вот она уже бежит за наливным яблочком, что показывает ей дорогу. Или там был клубок? Может, она все-таки сошла с ума? Очень похоже...

Яблочко катилось быстро, но девушка была еще быстрее! Собрав в кулак всю свою волю и неудобное длинное платье, она неслась, сбивая в кровь босые ноги, сжимая рукоять шпаги до побелевших костяшек, а в голове пойманной в клетку птицей бьется: «Только бы жив! Только бы жив!».

— Стоять! — маг вытянул вперед руку.

Недд замер, открыв рот.

Самой большой неожиданностью для всех оказался тот факт, что пришлый маг, похоже, боится собственной магии. То, что между соперниками вдруг появился огромный дикий кот и злобно зашипел на

Недда, никого особенно не удивило. Договаривались же, что магию в поединке использовать дозволяется. Такого они, конечно, не видели, но ведь маг — чужеземец. А в других мирах какой только магии не бывает! Странно только, что имперец побелел, как снег, палку в сторону отбросил... Может, переборщил со своей магией? И что теперь? Этот зверь всех раздерет в клочья?

Мужчины стали медленно подниматься, передавая друг другу палки, вилы и топоры.

— Эдвард! — Тая, сжимая шпагу, готовая драться с кем угодно, растолкав всех, выскочила вперед.

Мужчины так удивились, что девушке никто не препятствовал. Женщины не вмешиваются в дела мужчин. Это — закон. По крайней мере, у них...

— Успокойся, — Милфорд старался, чтобы его голос звучал мягко. — Мне никто не причинит вреда. И тебе тоже. Успокойся! Дыши. Дыши и позови его.

— А ну иди сюда! Живо! — Тая смотрела на Недда, приняв боевую стойку...

— Не его! — Милфорд приложил все усилия, чтобы не улыбнуться, — Тая! Позови Анук-Чи!

Только сейчас она заметила, что между Эдвардом и парнем с палкой стоял ее манул. Кот шипел, от шерсти белыми искрами шли волны такой силы, что все, кроме нее, уже еле держались на ногах.

— Иди сюда, слышишь? Иди ко мне, — она присела на корточки, положила шпагу, и вдруг почувствовала, как же она любит своего снежного зверя!

Манул медленно обернулся и пошел к ней.

— Молодец! Спас Эдварда...Спасибо! — она уткнулась на прощание в холодный туман исчезающего призрака, а потом, не помня себя от счастья, бросилась к имперцу.

Они целовались, не обращая внимания на то, что были в другом мире, и что кругом стоят, покашливая и сжимая палки, вилы и топоры мужчины, выглядывает из-за дерева Красная Шапочка, улыбается инкогнито присутствующий в собственном государстве король, а красное яблочко катится себе дальше, туда, где в сером пепле песка тонул горизонт.

...

Арвину хотелось, чтобы этот день поскорее закончился. Его никто как будто бы и не замечал, лишь внимательный, буравящий душу взгляд черных, как ночь глаз старухи иногда останавливался на его лице.

Остальные... Нет, это невозможно! Какой-то ночной кошмар. Эти люди... Все эти люди. Именно их, ни в чем не повинных, тех, что сегодня делились с ним кровом и едой, он приговаривал когда-то к сожжению на костре. Безжалостной, мучительной смерти за то, что у них были магические способности. Нет, он никогда не был любителем зрелищ. Крики осужденного. Вой матерей. Все это отзывалось в нем болью, но он верил! Верил в то, что вершит правосудие! Как он мог? Где была его душа? Почему он не усомнился? Почему не предпринял усилий, чтобы докопаться до правды?

Арвин знал ответ. Знал, но боялся себе в этом признаться. Чувство вины разливалось по телу, плескалось чудовищной болью в голове...

Он просто не хотел ничего знать! Так было проще. Зачем идти против могущества системы? Он — король. Его жена — прекраснейшая из женщин, дети — чистые ангелочки. Даррин и Элеонора. Все хорошо. Все счастливы...

Как он мог? Он, отец, как он мог не задуматься о том, за что другие должны терять своих родных дочерей и сыновей? Почему не представлял себя на их месте? Почему?

Да потому что знал! Знал, что ему это не грозит! Он же король! Славный Арвин!

«Вернется славный Арвин, песком в страну гоним...»

Простые слова, простая мелодия. Песенка вертелась на языке с того самого мгновения, как он ее услышал. И с того самого момента она сводила его с ума! Весь день! День, который, наконец, закончился.

Ему просто надо заснуть. Он провалится в сон и забудет, наконец, эту песенку!

Здесь, под землей, было тихо. Тихо и тепло. Пахло хвоей, смолой, дымом костра от одежды, грибами и яблоками. Наверное, где-то тут хранили запасы еды. Король свернул плащ, подложил под голову, и изо всех сил зажмурился, умоляя сон сжалиться и прийти на помощь.

Во сне Арвин видел цветущий луг, залитый солнцем! Легкий ветерок качал полевые цветы. И никакого песка! Маленькая девочка бежала ему навстречу. Белое платье, золотая корона в золотых волосах. Принцесса! Его маленькая принцесса! Доченька, Элеонора! Беги сюда! Беги к папе!

Дочка бежит, и от ее звонкого смеха солнце светит еще ярче! Ее голосок, как хрустальный колокольчик, поет какую-то песенку...

Вернется Славный Арвин, песком в страну гоним,
И мы с тобой, в последний бой, на смерть пойдем за ним.

Пойдем войной, в последний бой, на смерть пойдем за ним!

— Нет! — Арвин резко сел, проснувшись от собственных криков.

Больше заснуть он не смог. Просто лежал, стараясь успокоить дыхание. Сколько времени он так лежал? Он не знал. Было тихо. Тихо и темно. Пахло грибами и яблоками...

— Привет! — раздался над ним детский голос. — Ты спишь?

— Нет, — почему-то не соврал Арвин.

Здесь, под землей был не то, чтобы город. Нет. Просто большое количество закутков, где можно было спрятаться от вездесущего песка. От этого тихого, выворачивающего душу хруста под ногами.

Девочка, та, что утром вышла из леса к их костру, стояла рядом. Глаза Арвина привыкли к темноте настолько, что он отчетливо различал ее бледное личико:

— А меня сейчас мама искать будет. Она плачет часто. И сердится на меня за что-то. Ты не знаешь, за что?

— Думаю, она просто беспокоится. Переживает.

— Что я умру?

— Что ты? С тобой все будет хорошо, ты же с папой и мамой, — Арвин вздрогнул.

Девочка говорила о смерти так легко, просто. Даже обыденно. И от этого холод крался по спине, а ладони вспотели. Здесь, под землей, было душно. Захотелось выйти на воздух...

— Раньше было лучше, — продолжала девочка, — Мы жили в замке, на севере. Там нет песка и много яблок. Красных яблок. Это очень красиво! Целый сад красных яблок! Ты когда-нибудь видел?

— Я? Целый сад? Нет, наверное.

— А яблоки ты любишь?

— Яблоки? Ну...да. Люблю. Они...сладкие.

«Шурр...Шурр Бэйл... Это получается, ее отец — барон Севера. Род старинный, но обедневший еще в царствование короля-отца. Значит, что-то не поделили с инквизиторами».

— А как вы очутились в Запретном лесу, Ума?

— Мы бежали. Папу обвинили в...укрывательстве!

Девочка важно проговорила взрослое слово. Потом добавила:

— Потом схватили маму. Папа ее спас. А замок, наверное, уже сожгли. И сад...

— А все эти люди, которые здесь, с вами — твой папа прятал их у себя

в замке?

— Не всех. Недда спасли в столице. Кого-то — уже здесь.

...

Когда Тая поняла, что не может больше противиться желанию заснуть прямо здесь и сейчас — Эдвард просто взял ее на руки. И понес.

— Не уходи, — прошептала девушка, крепко прижимая к себе шпагу.

— Куда ж я денусь-то. Без охраны, — тихо рассмеялся он.

— Девушку надо отнести вон туда, я покажу, — какая-то женщина увязалась следом, намекая на то, что гостья должна будет спать на женской половине.

Но Милфорд твердо решил, что больше он Таю одну не оставит.

— Покажите, где мы можем расположиться, — приказал имперец, — И оставьте нас.

Женщина недовольно поджала губы, но все-таки показала землянку.

— Я никуда тебя отпускаю, — прошептал Эдвард Тае на ухо. — Спи.

И она подчинилась, рыбкой нырнув в сон.

В ее сне была дорога. Длинная. Пыльная, уходящая за горизонт Дорога. Она знала, что это не просто дорога. Эта дорога вела в Никуда, начиналась Ниоткуда, она знала все Пути, все Входы и Выходы, Добро и Зло, Ложь и Правду, а еще ответы на все вопросы, и пыль этой Дороги есть тайна всех времен.

Тая бежала вприпрыжку, как в детстве, откидывая со лба непослушные волосы грязной ладошкой, обгоняя ветер и смеясь громко, в голос.

— Тая! Тая! Тая, не беги! Осторожно! Тая...где ты, дочка? Где?

Папа. Папа волнуется. Она разругалась с ним перед тем, как исчезнуть. Надо сказать, что с ней все в порядке:

— Папа!

— С тобой все в порядке?

— Да! Папа! Папа, я здесь!

— Где ты, дочка?

— Я в...

Миро очнулся. Он лежал на кровати, а вокруг дымились смеси из трав, которые рассыпала по комнате эта странная женщина, напевая и шепча какие-то заклинания...Черт знает что! Зачем он потащился за ней? И...где, в конце концов, его дочь?!

— Что вы видели? — герцогиня Реймская склонилась над ним, снова протягивая чай.

Он что-то выпил. Станный такой привкус. Они были в самой высокой

башне замка. Шкатулки, травы. Ведьмино логово!

— Я видел дочь. Звал ее. Слышал ее голос...

— Она сказала вам, где находится?

Миро разозлился. Сначала напоила каким-то галлюциногенным отваром, а теперь допрашивает! Тоже мне...Шерлок Холмс!

— Что было в этом вашем чае? Вы что же думаете, я куплюсь на этот дешевый трюк? Я?!

— Это травы, открывающие магический потенциал, — женщина говорила спокойно, но холодно, — Вы же отказываетесь работать осознанно! Несмотря на то, что знаете — это единственный шанс найти Таисию!

— Да какой там шанс! Хватит дурить мне голову и рассказывать сказки! Я возвращаюсь и отправляю поисковую группу.

— Как вам будет угодно, — Реймская встала, подошла к зеркалу, и... исчезла.

— Эй! Куда вы? И как мне теперь отсюда выйти? Эй! Черт знает что! Вы меня слышите?

Полковник ФСБ растерялся. Пожалуй, первый раз в своей жизни. Мужчина стоял в маленькой полутемной комнатке. Дымились травы. Горели свечи. Огромная змея из золотистого песка свернулась у ног. И...что теперь делать?

Наконец полыхнуло радугой марево портала. Женщина вышла первой. За ней явился Император. Последним вышел еще один человек. Он уже видел его. Герцогиня улыбнулась. Нет, она еще ухмыляется!

— Приветствую вас, Миро, — император Фредерик кивнул, — разрешите представить — милорд Швангау.

Миро склонил голову в приветственном жесте, но не произнес при этом ни слова.

— Позвольте мне вам кое-что объяснить, — сразу перешел к делу его величество Тигверд, — ваша дочь и милорд Милфорд, начальник контрразведки Империи, пропали. Мы считаем, их выбросило в мир, закрытый магически по каким-то, пока не известным нам причинам. Для того, чтобы разобраться в ситуации, нам необходима ваша помощь. Это и в ваших интересах, на мой взгляд. Работать будем в тесном сотрудничестве с милордом Швангау, придворным магом, моим сыном, Ричардом Тигвердом, и герцогиней Реймской. Вы согласны?

— Я? — полковник смутился, виновато переводя взгляд то на герцогиню, то на придворного мага...

— Если да, предлагаю не откладывать. Каждое мгновение может

СТОИТЬ ЖИЗНИ...

Глава 7

Эдварда рядом не было. Тая встала, зевнула. Нашла шпагу. Пошла к выходу. Потянуло утренней прохладой, пахло кострами и чем-то еще. Вкусно пахло. Но кроме этого было что-то еще. Сердце девушки билось, как пойманная, израненная птица. Страх. Тревога. Все вокруг было буквально пропитано мучительным, тревожным ожиданием...

Девушка наступила на подол. Ветхая ткань затрещала.

— Ай...нет! Что ж за место такое! — пробормотала она, недовольно одергивая длинное платье.

— Привет! — улыбнулась Ума.

Тая вздрогнула, но лишь на мгновение. Она уже начинала привыкать к тому, что Красная Шапочка, вечный призрак страшной сказки, появляется, как правило, неожиданно. Туманное утро. Мрачно. Зябко. Тоска и тревога вокруг — самое время!

Но как только она взглянула на девочку, то тут же устыдилась своих мыслей. Эта улыбка...Будто солнышко взошло!

— Доброе утро, — чкори попыталась улыбнуться в ответ, но получилось мрачновато.

— Тоже чувствуешь? — Красная Шапочка смотрела на нее, не отрывая внимательных, взрослых голубых глаз...

Как будто ...в самое сердце смотрит! И видит. Все видит. Насквозь. Тая поежилась.

— Что-то случилось? — она обняла девочку за плечи.

Ребенок мгновенно подался вперед, обхватив ее чуть ниже талии так крепко, что стало больно. Наверное, мама обнимает девочку редко. Но это можно понять. Здесь люди живут в вечном страхе. Не до этого...

— Мужчины ушли магов приговоренных спасать. И теперь все волнуются. — Красная Шапочка подняла личико, не выпуская Таю.

— А ты? — Тая пригладила непослушные золотые локоны, и стала заплетать их в косички. Почти машинально. Девочка не обратила на это никакого внимания. Она смотрела куда-то внутрь себя, а ее лицо на мгновение стало бледным, печальным и... старым.

— Не знаю, — вздохнула, наконец, Ума. — Что-то будет. А что — не знаю.

— Покажешь мне лагерь? А то я вчера ничего толком не видела.

— Ага, — заулыбалась девочка, снова став очаровательным

ребенком. — А зачем ты ту большую кошку на Недда спустила?

— Так он на Эдварда напал!

— Недд — хороший. Только...

И Ума грустно вздохнула.

Они шли через лагерь к реке. Все были заняты делом. Женщины готовили еду, полоскали в реке какие-то вещи. Дети почему-то тоже были хмурые, озабоченные.

Маленькие девочки, не старше Красной Шапочки, деловито подвязывали ленты своих плащей под подбородком и вытряхивали мусор из корзинок. Мальчик лет четырнадцати вытирал листьями лезвие топора, измазанного чем-то голубоватым и склизким.

— Это от грицц, — Ума поморщилась, указывая на испачканный топорик.

— В смысле?

Пока они умывались, Тая узнала такое количество информации, что захотелось побыть одной. Подумать. Девочка побежала к маме, взяв с нее обещание, что она скоро придет, и завтракать они будут вместе.

Чкори села на поваленное дерево, опустила ноги в прохладную воду... В длинном платье было очень неудобно. Зато мужской костюм у лесных жителей ей понравился. Штаны, высокие сапоги, куртка перехваченная поясом, плащ до середины колена. И удобно и тепло. Надо попытаться уговорить Эдварда достать ей такой. Размер какого-нибудь двенадцати или четырнадцатилетнего мальчишки ей подойдет. Они тут довольно рослые.

Что-то шевельнулось справа от нее. Наверное, ветер. Она никак не привыкнет к этому вечному шипению песка за спиной.

Тая вспомнила про грицц, и ей стало не по себе. Гриццы — что-то вроде местных ящериц, только с зубами. Эти небольшие создания любят грибы, которые собирают дети, осторожно раскапывая верхний слой песка. При столкновении гриццы выплевывают яд в лицо, от чего на коже выскакивают пятна. Они чешутся и очень долго не проходят. Иногда остаются шрамы. А если грицца укусит за ногу или в руку, тут уж приходится делать надрез ножом чуть выше и отсасывать яд. Иначе можно умереть или лишиться конечности.

Теперь понятно, почему дети бегают с перебинтованными ногами и руками. Женщины постарше собирают кровянку — это местная ягода, насколько она поняла, похожая на клюкву. Клюква-кровянка растет на болотах. Идти до болот далеко, и намного опаснее. На болоте водятся граццы. Родственники грицц, но крупнее.

Надо идти. Ума, наверное, ждет. Она же обещала.

— Тая! Таааяаяя! — от воды послышался слабый стон...

Девушка вздрогнула. Обернулась. Никого. Показалось, наверное...

Они с Красной Шапочкой получили завтрак — разваренные зерна, чуть сдобренные молоком и капелькой меда, красные кислые ягоды (наверное, кровянка), и какой-то горьковатый на вкус отвар.

— Лес же засыпан песком, — удивилась Тая. — Как же вы тут достаете еду?

— У нас много коз, — важно сообщила девочка. — Мы отвечаем за то, чтобы у них была еда. Под пеплом растут трава и мох. Мы находим места, где земля не так занесена песком и собираем их.

— Кстати о траве, — подошла к ним мама Умы, — тебе пора.

— Ой!

Красная шапочка заторопилась.

— А можно я пойду с ними? — Тае совсем не хотелось оставаться с женщинами, которые нет-нет, да посматривали на нее неодобрительно.

— Хорошо, — улыбнулась мама Умы. Устало, но по-доброму.

И девушка поспешила вслед за остальными.

Они шли, все глубже удаляясь в лес. Детей было немного. Десять девочек, приблизительно такого же возраста, как Ума, и четверо мальчишек постарше. Мальчики шли с серьезными, сосредоточенными лицами, озираясь по сторонам и крепко сжимая рукояти топоров, которыми были вооружены.

— Ума, а почему девочек больше? — Тае показалось, что спросила она очень тихо, но судя по тому, как на нее глянули парни, слова разнеслись очень далеко.

— Мужчины занимаются охраной. Иногда — охотой. Таскают, если что-то тяжелое. А собирают женщины, — пояснила девочка.

— Ребята в секретах по краю леса стоят, — мальчик, на вид самый младший из всех, подошел поближе.

— Гийом! Ты оборвал защитный полог! Хватит болтать! — сзади подскочил мальчишка, у которого практически полностью было оторвано ухо. Страшный шрам тянулся до самой шеи.

Что-то зашуршало у Таи под ногами, мальчик бросил топор, что вошел в песок прямо у ног. Из-под песка брызнула голубая слизь, испачкав подол ее платья. Тая вздрогнула, но все-таки произнесла:

— Спасибо...

— Хватит болтать, Гийом, — повторил ее спаситель, — держись ближе к нам и держи полог!

На Таю мальчишка даже не взглянул.

— Не сердись на Урла, — шепнула Красная Шапочка, взяв ее за руку, — Он хороший. Его родителей сожгли, и теперь он мой названный брат!

— Пришли! — крикнула девочка постарше, которая вела их отряд.

Они вышли к высокому берегу лесного ручья, где песка практически не было.

— Собираем! — прозвучала новая команда. Девочка подошла ближе и пояснила специально, для Таи. — Если попадутся цветы, то их, вместе с корнями — отдельно. Перенесем на новое место. Так живого станет больше, а песка — хоть чуть-чуть — меньше.

Тая старательно откапывала блеклую траву и чуть розоватый мох, внимательно наблюдая за тем, как это делали другие. Очень скоро спина заняла, а пальцы стало жечь.

— Иди к ручью, вымой лицо и руки. Это от песка, — шепнула ей ее соседка.

У девочки были удивительно красивые темно-карие глаза, а волосы отливали медью на солнце. Тая невольно залюбовалась, но когда взгляд упал на руки ребенка, сердце похолодело. Запястья были в глубоких шрамах, на левой руке на среднем пальце оторвана фаланга.

Злость заполнила все ее существо. Да что ж это такое! Это же... дети!

Она пошла к ручью. Опустила руки в холодную воду. И вдруг в воде увидела лицо...

— Аaaaaa!

— Что? — из кустов к ней тут же выскочил какой-то мальчик, сжимая топор, — Где? Что тебя напугало? Грицц обычно нет у воды.

— А...а кто живет в ручье?

— Нет там никого, — мальчишка сплюнул и снова исчез в кустах.

— Тревога! — вдруг послышался крик. — Всадники на краю леса! Быстро в убежище!

...

Отряд по лесу продвигался быстро: сто шагов бегом, сто шагов шагом. Милфорд специально считал. Отметил, насколько привычно это было для мужчин Заповедного леса.

Через пару часов, когда лес стал редеть, Шурр поднял руку. Все остановились на мгновение, и тут же рассыпались серыми песчинками, словно в лесу никогда и не было отряда в полсотни человек.

На поляне остались предводитель, особенно хмурый в это утро, Милфорд и Арвин.

— Вы пойдете со мной, — приказал человек-медведь. — Посмотрим,

чего вы стоите.

— Наша задача? — спросил Милфорд.

— Закрыться. Замаскируйте свои способности так, чтобы никто не отличил вас от местных не-магов. Что бы ни случилось, держите защитный щит.

— А как вы в город проникните? — с трудом выдохнул Арвин. Видно было, что ему эта пробежка далась тяжело.

— Да что в него проникать? — удивился Шурр. — Мы же лесники. На службе у славного королевства Ваду. Следим за порядком.

— То есть вы не сражаетесь ни с инквизиторами, ни с правительственными войсками? — удивился Арвин.

Шурр невесело улыбнулся и покачал головой:

— Первый бой будет для нас и последним, — вздохнул предводитель.

Начальник контрразведки империи Тигвердов кивнул, соглашаясь:

— Подтянут войска, оцепят местность, допросят с пристрастием местных горожан и крестьян. Потом прочешут лес.

— И все, — побелевшими губами проговорил король в изгнании.

— Поэтому, — предводитель внимательно посмотрел в глаза Арвину. — Никаких геройств. Никаких атак или обличительных речей. Ваша задача — не выдать себя и нас всех.

— Проверяете, не посланы ли мы к вам? — улыбнулся Милфорд. — Очень рискованно.

— Возможно, — пожал широченными плечами Шурр. — Но, во-первых, вы пришли в лес не с дурными намерениями. Ума видела это. А во-вторых, во время поединка вас читали.

— Неплохо придумано. Маг открыт во время боя... Если честно, я на удочку «выпустить пар» купился. Искренне.

Предводитель только кивнул. И добавил:

— Я почти уверен, что вы — не посланы инквизиторами. Но мне важно понять: умеете ли вы держать себя в руках, — склонил голову Шурр.

— Постараемся. В любом случае, все время, что мы проведем в городе, будем под прицелом наших новых лесных друзей — любезно откликнулся имперский аристократ.

Арвин злобно посмотрел на обоих.

Предводитель скинул маску аристократа так же быстро, как и надел ее. Снова превратился в человека-медведя. И скомандовал:

— Время. Маскируйтесь.

Милфорду уже приходилось работать в Ваду, и он добавил к маскировочному щиту защиту от арбалетных болтов и прочей летающей

дряни. Не то, чтобы маг ждал предательства от Шурра или местных. Нет. Так, на всякий случай.

Его по-прежнему тревожил тот факт, что портал они выстроить не могут. Убрать бы Таю из этого мира, вызвать подмогу...

Мысли о девушке могли ослабить концентрацию, и Милфорд заставил себя на время выкинуть их из головы.

Арвин глубоко вздохнул, прикрыл глаза.

— В городе все спокойно, — вынырнул из тумана какой-то паренек лет шестнадцати. — Ворота открыли.

— Недд, — негромко позвал предводитель. — Посмотри.

Из тумана появился командир разведчиков.

— Водный — хорошо, — ухмыльнулся он, посмотрев на Милфорда. — Нэйро — неплохо. Только волнуется слишком.

— Я буду стараться, — глухо проговорил Арвин, изо всех сил стараясь не выйти из себя. Не сейчас. Не время....

— Да уж, пожалуйста, — с издевательскими нотками в голосе откликнулся Недд. — Никому из нас не хочется умирать только потому, что ты, мил человек, психанул.

— Угомонись, — приказал Шурр.

Парень мазнул по пришлым неприязненным взглядом и исчез.

— Капюшоны накиньте — и вперед, — распорядился Шурр.

Унылая дорога с хрустящим под ногами песком вывела их к обветшалой городской стене, явно когда-то знавшей лучшие годы. Предводитель ловко лавировал между унылыми крестьянами с поломанными тележками, в которых лежали пожухлые овощи. Не было ни одной, даже самой захудалой лошаденки. Не слышно гомона, который обычно сопровождает большую толпу, где каждый, хочет пролезть первый, ворчит на лесников, расталкивает, всех, скандалит. Здесь ничего такого не было. Беззвучное смирение похожих на призраков людей.

— Кормить совсем нечем, — пробормотал Арвин, и сразу заработал ощутимый тычок от Шурра. Король в изгнании чуть не полетел кубарем перед отрядом, охраняющем ведущие в город ворота.

— Здорово, командир, — встретили его довольным ржанием солдаты. — Молодого учишь?

— А то, — кивнул медведь. — Набегут на мою голову, все жизни лучшей хотят. А ты потом их учи, дураков. Доброго дня, мужики.

— Слушай, а ты слышал — что-то сегодня внеочередное затевается, — спросил у него молоденький худосочный солдатик с огромной, явно не для него сделанной алебардой.

— Да откуда, — нахмурился Шурр. — Вызвали. Вот я и прибыл.

— Вот говорю: точно пришлых поймали, — важно изрек командир отряда. — Теперь всю ярмарку можно прикрывать.

— А этих куда? — Шурр кивнул на крестьян.

— Велено гнать.

— Разбегутся — что жрать будем?

И на этом они вошли в город.

Уныние. Грязь. Обветшалые кровли домов. Пустые взгляды горожан. Три столба, обложенных хворостом посреди площади.

Шурр, явно подчиняясь заведенному порядку, молча пробирался к пятачку рядом с помостом. Остановился. Поклонился в сторону балкона Башни Смертников.

Арвин бросил туда взгляд из-под капюшона. И обомлел. Рядом с обрюзгшим мужчиной в богатом одеянии с тяжелой цепью на шее стоял... Его личный кошмар всех этих лет. Первый заместитель Великого инквизитора, Шонн Рамм.

Тихий. Бесшумный. Смертельно опасный. Его душа не знала жалости. Он — единственный, кто мог смотреть сожжение от начала до конца.

Ни разу на этом ничем не приметном, невыразительном лице не дрогнул ни один мускул. Он никогда не выходил из себя. Его боялся Айш. Его боялись все! И он. Он тоже его боялся! И — да, он боится его сейчас...

«Он-то что забыл в этом заштатном городке?» — задался вопросом король в изгнании. Явно, что ничего хорошего этот визит не должен был принести. Ни этому городку, ни уж тем более тем, кто скрывался в лесах неподалеку.

Арвин тихонько толкнул Шурра.

— Что? — одними губами спросил тот.

— Представитель Великого инквизитора, — так же беззвучно ответил бывший король.

— Твою ж... Уходим...

Но тут раздался истошный вопль:

— Ведут!

Шурр, Арвин и Милфорд остались стоять на площади, зажатые со всех сторон толпой перед самым лобным местом.

Глава 8

Веронике казалось, что неделю назад, с момента нападения на Пашу, в их доме поселилась тревога. Принцесса Тигверд бесшумно ходила из комнаты в комнату, открывала и закрывала дверцы шкафов, прислушивалась к треску камина, вздрагивала от каждого шороха. Она ее искала, эту тревогу. Но никак не могла найти.

Ричарда практически не было дома. Пашка молчал, а иногда смотрел так, что все внутри переворачивалось. Феликс откровенно всех избегал, а Рэм так и не появился. Видимо, герцогиня Рэймская решила поддержать сына дома, при себе.

— Один ты со мной, — улыбнулась Вероника Флоризелю, который с очень важным видом уселся рядом, как обычно, наступив лапой на длинное ухо.

— Вот почти взрослый, солидный пес. А ведешь себя, как маленький, — вздохнула Вероника.

«Кто взрослый? Я?» — удивления в глазах Флоризеля было столько, что Вероника рассмеялась.

Вдруг Фло к чему-то очень и очень внимательно прислушался. Посмотрев на хозяйку приглашающим взглядом, пес стал красться по коридору. Аккуратно. Бесшумно. Не «цокая» когтями по паркету. Оказывается, он и так умеет, только скрывает...

— Значит, матери ты толком ничего не сказал?

Надо же, Рэм у Пашки... Тоже — оказывается.

— Она переживать будет — зачем ей это, — тихий и расстроенный голос сына.

Пашка... Уже совсем взрослый. Его забота, безусловно, была ей приятна, но вместе с тем в душе шевельнулось что-то еще.

Как часто она сама не говорила своей маме об истинном положении дел, чтобы ее «не волновать»? А вот теперь она сама на ее месте...

Жизнь идет своим чередом. Дети растут. Мы становимся им не нужны. Наши эмоции, советы... Из необходимости плавно превращаются в помеху. Обузу. Проблему. И нести тяжело, и бросить совестно...

От таких мыслей Веронике стало совсем грустно. Даже... плакать захотелось. В носу защипало. Принцесса Тигверд постаралась зажать нос и не дышать, чтобы... не чихнуть. От возмущения, наверное. И чего она себя так накрутила? Ведь на ровном месте же...

— Да. Ты прав... И моя что-то скрывает. Они с этим... полковником, — в голосе Рэма слышался гнев, — запираются. Пытаются что-то сделать... Но, насколько я могу судить, ничего у них не получается.

— Так если он из нашего мира...

— Слушай, ты и Феликс — вы оба из вашего мира. Но в вас же проснулась магия! И достаточно быстро! И потом... Полковник — чкори. И Таисия тоже. Это чувствую даже я. Хотя мне в искусстве магов Дороги еще много что не понятно.

Вероника вздохнула. И почему для того, чтобы узнать хоть сколько-нибудь правдивую информацию — надо подслушивать?! И почему, в конце концов.....а.....а...апчихи!

— Мама?.. — раздался у нее за спиной голос Феликса.

— Мама?! — послышалось из-за двери.

— Мама! — гордо возвестила Вероника, распахивая дверь и делая вид, что все так и надо. А что еще оставалось? Следом важно плыл принц Флоризель.

— Потрудитесь объяснить, что...

И тут она увидела небольшой прямоугольный холст, прислоненный к стене.

Кубок, полный спелой, ароматной лимарры. Несколько ягод упали на голубую скатерть, в складках которой пряталась шпага. Эфес украшен алым камнем. Холодный блеск стали контрастировал с теплым, благородным оттенком меди... Натюрморт был прекрасен! Невозможно оторвать взгляд...

— Мам? Ты в порядке? — Пашка внимательно смотрел на нее.

Вот опять... Эти снисходительно-покровительственные нотки в голосе, сочувствующий взгляд... Ладно, разберемся.

— Откуда это?

— Что?

— Картина.

— А, это... Купил на Невском.

— На Невском?!

— Ну да...

— Но это же...

— Да знаю я. Лимарра. И шпага явно имперская. Да ничего удивительного, мам! Художники — люди творческие. Ходят по Империи во сне, это... — их взгляды встретились, и сын прикусил язык. Но было уже поздно. Слишком поздно!

— Во сне... Как Тая? Ты купил это для нее? Ты шел на встречу с

Таей, — догадалась Вероника.

Паша опустил голову.

— Это было не просто нападение, — продолжала размышлять вслух главный редактор «Имперской правды». — Ее похитили. Так?

— Мам, прости.

— Милфорд?

— Он уже с ней, — быстро проговорил Рэм. — Но не ясно, где они и что с ними случилось.

— Мама, тебе нужно выпить успокоительное, — Феликс взял ее за руку и стал слушать пульс.

Ну вот... Началось! Конечно, она понимала, что после всех историй, когда на нее покушались, захватывали в плен, когда она чуть не стала призраком, покинув собственное тело, родные и близкие беспокоились. Ричард и мальчики всячески пытались заслонить от действительности. Феликс, Ирвин и Император поили успокоительной настойкой по необходимости и без оной. Слуги, а иногда даже Флоризель, старались оградить принцессу Тигверд от всего, что могло ее взволновать или расстроить. С одной стороны, трогательная забота. А с другой... Все только и делают, что шепчутся по углам, да врут ей в глаза, не краснея!

— Не врем! — возмутился Пашка, словно прочитав ее мысли. — Мы умалчиваем!

— Я все-таки хочу, чтобы тебя леди Бартон посмотрела, — покачал головой Феликс. — Или Рене Агриппа. Пульс частит.

— Пусть посмотрят, — согласилась Вероника.

Сына-целителя она изучила хорошо — лучше сдаваться сразу, без боя.

— Я распоряжусь, чтобы карету подали. А то ты со своим издательством только типографской краской дышишь.

— Не преувеличивай, — возмутилась Вероника. — Я гуляю с Фло каждый день. В отличии от очень занятых более важными делами троих сыновей! — и мать величественно сверкнула на отпрысков гневными очами. Хорошо получилось. Правильно!

Феликс уже был у двери, когда Вероника его окликнула:

— Постой. Ты сказал: Рене посмотрит. Я думала, что она — с Ирвином?!

— Так он отослал всех. Уже несколько дней как.

— И вы позволили?!

— Мам, это же учитель Ирвин, — закатил глаза сын. — Как можно не выполнить его приказы?

— Действительно! — проворчала Вероника. — Вот как можно не

выполнить приказы больного человека...

...

— Миледи Бартон! Если добавить в нашу настойку иномирский препарат, то эффект усилится! Усилится в несколько раз!

— Рене, я понимаю, что вам интересно экспериментировать с иными технологиями, но эти лекарства — они просто вредны!

— Добрый день!

Целительницы вздрогнули от бодрого голоса, неожиданно раздавшегося у них за спиной.

Нахмурились. Поняли, кто их потревожил, открыв портал прямо в здание госпиталя, что было, в общем-то, не принято.

— Принцесса Тигверд! — поклонились они.

— Простите за беспокойство, но мне надо узнать о самочувствии целителя Ирвина.

— Я осматриваю его раз в день, — нахмурилась миледи Бартон. — Могу сказать, что он определенно идет на поправку.

— Замечательно, — жизнерадостно улыбнулась им Вероника Тигверд. — Госпожа Рене, я собираюсь провести целителя Ирвина. Вы же не откажетесь составить мне компанию?

— Я? — Рыжеволосая целительница взглянула на начальницу, ожидая поддержки. Поняла, что этого не будет, вздохнула.

— Хорошо. Пойдемте, — и они шагнули в вечное лето волшебного острова.

— Разве вы все это время не скучали по Ирвину? — спросила у Рене Вероника.

— Конечно, скучала, — целительница спрятала в карман артефакт перехода, — Учитель очень дорог мне.

— Я понимаю — все эти имперские...правила, — вздохнула Вероника. — О том, кому что должно делать. Но за счастье все-таки надо бороться!

— Простите... Я...не понимаю...

Они оказались в доме. Вероника отметила безупречный порядок. Их дом стал...похож на того, кто в нем сейчас проживал. На Ирвина. Тихий. И...чистый.

Женщины долго искали больного по острову, пока не обнаружили главного имперского целителя на берегу моря. Мужчина сидел у самой воды. Издали казалось, что он как будто с кем-то разговаривает. Вероника подумала, что ему, должно быть, одиноко тут одному.

— Что-то случилось? — встревожился Ирвин, как только их увидел.

У Вероники отлегло от сердца. Целитель, пусть и похудевший, выглядел...собой. Лишь несколько седых прядей появилось в волосах.

— Добрый день! Мы переживали, — улыбнулась принцесса Тигверд. Ирвин как-то грустно кивнул.

— Принцесса Тигверд попросила меня ее сопровождать, — добавила Рене, как бы оправдываясь.

— Пожалуй, я вас покину. Пауль еще не пришел окончательно в себя. Вы меня извините. Рада видеть, что вам уже лучше!

Вероника активировала свой амулет переноса, вспыхнуло радужное марево портала, и принцесса Тигверд, одарив оставшихся на берегу загадочной улыбкой, исчезла.

— Учитель... Я не понимаю! Принцесса Тигверд, она...

— Видимо, у нее действительно появились неотложные дела, Рене. Как дела в госпитале? Рене? Рене Агриппа! Рене....

Рене замерла. Девушка смотрела перед собой, туда, где одна лазурная волна лениво догоняла другую. На секунду Ирвину показалось, что девушка просто любуется пейзажем, но очень скоро он понял, в чем дело.

— Ия?.. — воскликнул Ирвин.

Но русалка, на секунду показавшись из воды, радужным сиянием морских брызг уже исчезла вслед за Вероникой.

...

Вероника была в восторге. У нее все получилось! Это было так замечательно — объединить влюбленные, робкие сердца...

Вернувшись домой, принцесса Тигверд почувствовала, что устала. Какой-то нервный получился день. Пашка, Тая, Милфорд, Ирвин, Рене... Надо все хорошенько обдумать! Привести мысли в порядок.

И она решила принять ванну. Как-то непреодолимо захотелось в воду! Наверное, это потому, что она увидела море.

Но не успела она подняться, как появился торжественный Джон Адерли:

— Миледи. К вам посетительница.

— Кто? — Вероника никого не ждала.

— Принцесса Ия — произнес Адерли загадочным шепотом и выразительно пожал плечами. Фло чихнул, в подтверждение его слов.

— Ия?

— Прикажете принять?

— Да-да, конечно.

Вероника растерялась С одной стороны, визит сестры морского владыки сразу после того, как она вернулась с острова что-то да значил. А с другой... Побайвалась она русалку, надо признать...

— Миледи... Миледи Вероника, принцесса Тигверд.

Русалка, стремительно вошедшая в гостиную, была прекрасна. Чуть зеленоватая кожа мерцала каким-то внутренним сиянием, а глаза...Как море! Во время шторма. Очень...сильного шторма. Вероника старалась туда не смотреть, таким гневным и решительным был взгляд Ии. Вместо этого она стала рассматривать платье гостьи.

Стройную высокую фигуру красавицы облегла ткань, одновременно напоминающая водоросли, чешую, морскую пену, и...и как же это было красиво! Жемчужины, ракушки, кораллы, все это извивалось кружевной вязью причудливых узоров по платью со шлейфом и длинным, белоснежным волосам. Воистину Владычица Морская, прекрасная Русалка из сказки. Залюбовавшись, Вероника не сразу осознала, что же ей говорят.

— Я бы действительно вас просила не вмешиваться в мои личные дела. И не заниматься сводничеством.

Вероника взвизгнула, не успев ответить. Вода была везде. Струи змеями опутали ноги, поднялся пар, стало трудно дышать.

— Ия! Но...Я...Я....Не понимаю...

Русалка вышла из себя и зашипела. На мгновение Веронике показалось, что в волосах у нее снова замелькали кентерберрийские змейки.

— Ты! Ты отобрала у меня одного муж-ж-ж чину. И сч-ч-читаеш-ш-шь, что можеш-ш-шь отобрать и другого?

— Ия?

— Ирвин — мой! Я не отдам его никому, слышишь! Ни тебе, не этой... рыжеволосой!

— Прости, — Вероника была просто раздавлена. — Прости, я не хотела ничего дурного. Я подумала, что... Я просто хотела, чтобы все были счастливы.

— Мы и были!

— А... Рене? С ней все в порядке? — холод пробежал по позвоночнику..

— Ничего я девчонке не сделала. Ирвин бы расстроился. Она же его... ученица? Или не только?

— Нет...нет!

Русалка исчезла, оставив после себя лишь фонтан соленых брызг, что еще долго шипели в потухшем камине.

Вероника попыталась сделать несколько шагов по мокрому полу, и схватившись за подлокотник, чтобы не упасть, без сил опустилась в кресло.

Она не знала, куда себя деть. Пожалуй, такой дурой преподавательница истории никогда в жизни себя не ощущала. Вот какая нелегкая потянула ее в сватовство?! Ей что — с издательством проблем мало? Или с защитой материнства и детства на уровне империи? Нет же! В свахи решила записаться! Дура...

В дверь гостиной тихонько заскреблись. В щелку просунулась толстая лапа. Потом нос. Фло с трудом втиснулся, наконец, целиком. Остановился. Понюхал воду. Фыркнул. И мужественно зашлепал к хозяйке прямо по мокрому полу — лизать заплаканное лицо и трясущиеся руки, заглядывать в глаза...

— Фло...один ты меня понимаешь...

— Неправда! Я тоже тебя люблю...И надеюсь, что понимаю. Я все-таки твой муж! Ника...Что с тобой, любимая? Я услышал. Страх. Потом боль...

— Ты...ты все время был тут! Я почувствовала...Ричард. Ты все слышал? Ричард...Ричард, я....Дура! Какая же я...дурра....

Слезы лились против воли, когда сильные руки взяли ее на руки, вынесли из гостиной, понесли в спальню.

— Ника...любимая. Ну успокойся, ну что ты....

Флоризель гордо шел сзади. Это он нашел расстроенную хозяйку! И теперь...

Но на этот раз принц остался за дверью хозяйской спальни, демонстративно хлопнувшейся прямо перед носом. Пес обиженно фыркнул, и поспешил на кухню, жаловаться Адерли на чудовищную несправедливость.

Они с Ричардом уже пили чай с лимонными плюшками. Все-таки муж — это хорошо!

— Теперь расскажешь, что случилось? — Ричард осторожно поправил принцессе выбившуюся прядь.

И она рассказала. Было стыдно. Но она выговорилась, обвиняя себя и стараясь не смотреть в черные с алыми всполохами глаза. И...стало легче.

— Маленькая моя... Ты просто очень хочешь всем помочь. Но иногда...Иногда люди. Особенно взрослые люди, Ника. Иногда они способны сами о себе позаботиться. Им просто не нужно мешать.

— Да...Я всем мешаю...

— Перестань! Хватит корить себя! Надо же...Ирвин и Ия. Кто бы мог

подумать?

— Бедная Рене...Ричард, мы должны...

— Тссс, — принц Тигверд прижал палец к губам жены, — не надо! Не надо, Ника... Тебе есть чем заняться кроме этого...

— Но... Ри...Риичаард.... Ты прав, любимый. Тысячу раз прав!

...

Ирвин следил за состоянием зачарованной русалкой девушки. Пульс в норме. Дыхание ровное. Угрозы жизни и здоровью нет. Он знал, что как только спадут чары, девушка очнется, и ничего не будет помнить. Хотя это хорошо...

Наконец послышался долгожданный всплеск.

— Ия! Где ты была? Любимая... Что случилось?

— Я... — прекрасная русалка выглядела растерянной.

— Рене надо расколдовать. Она не при чем.

— Она в тебя влюблена?

— Не думаю. И потом... Мы с ней слишком одинаковые. Все ради пациента и ничего для себя.

— А я?

— С тобой мы...Слишком разные. Настолько разные, что я просто не мог не влюбиться. Окончательно и бесповоротно. Навсегда. Что мне сделать? У кого просить Вашей руки, прекрасная морская принцесса?

— Ну... Ты должен победить моих семерых братьев в поединке на трезубцах, добыть самую большую жемчужину, и уж тогда просить моей руки у Владыки Ира.

— Я готов.

— Ирвин! Я пошутила! Но...нет, ты бы действительно все это сделал?

— Конечно!

— Ты так меня любишь?

— Нет. Я так хорошо тебя успел узнать. Ты когда врешь, у тебя глаза становятся бирюзовыми. От удовольствия, видимо, — и мужчина засмеялся, привлекая девушку к себе.

Ему нестерпимо захотелось утонуть в белоснежных волосах, забыть обо всем, но...Рене надо вернуть в госпиталь. И как можно скорее.

— Ирвин! Ах ты... Вот тебе твоя ученица, а я обиделась! — и русалка исчезла в веере сверкающих брызг.

Волны шептались, лаская песчаный берег. Пахло солью. Ласковый ветерок трепал волосы.

— Как здесь...хорошо! — Рене Агриппа открыла глаза, вздохнув

полной грудью.

— Да. Здесь чудесно, — улыбнулся Ирвин, — Как дела в госпитале?

— Все хорошо, учитель.

— Я скоро вернусь, Рене. Еще немного отдохну и вернусь. Передайте, пожалуйста, что навещать меня с целью осмотра, необходимости больше нет. Только если нужна будет моя помощь или консультация. Мне бы хотелось...немного продлить свой неожиданный отпуск. Помогите мне в этом, пожалуйста.

— О да! Конечно! Я передам леди Бартон, что...

— Вот и хорошо. Спасибо вам.

— Учитель Ирвин... Я пойду?

— Конечно, Рене! Идите. Спасибо за заботу, — глаза целителя весело блеснули, и Ирвин широко улыбнулся, провожая затухающее марево портала.

— Ия....! Ия, прости меня! Пожалуйста, вернись! — Ирвин сбросил с себя одежду и бросился в розоватые, улыбающиеся вечернему солнцу волны.

— Ни за что! — вынырнула Русалка, блеснув изумрудной чешуей.

Они плавали, догоняя друг друга. Брызгались. Целовались.

А над ними алел смущенный закат. Такого он в здешних краях еще не видел...

Глава 9

Скрип... Скрип... Скрип...

В мертвенной тишине города раздавались звуки несмазанных колес позорной повозки. Ослик, впряженный в нее, не издавал ни звука — то ли проникся торжественностью момента, то ли просто у голодного, измученного животного не осталось сил.

Скрип...Скрип...Скрип...

Ветер гнал песок к центральной площади. Даже вздохов не было слышно. В полном безмолвии приговоренных к сожжению везли на казнь.

Песок скользил по неподвижным лицам окаменевших людей. Собравшиеся рыдали беззвучно. Никто бы и не увидел, если бы не песок, предательски прилипающий к влажным дорожкам.

Скрип...Скрип...Скрип...

Осужденные были привалены к низким бортикам телеги. Руки связаны, на головах — мешки с прорезями для глаз.

— Колпаки смерти, — послышался чей-то шепот.

Один из этих несчастных все время ерзал, будто пытался что-то найти. Арвин прищурился. Что-то действительно лежало рядом с мужчиной в кучке гнилой соломы. Что это разглядеть не удалось — осужденный потерял равновесие и упал, накрыв продолговатый предмет своим телом. Конвойный что-то крикнул, ткнув смертника в спину. «Колпак» бесшумно съехал, грубая ткань запуталась в колесе. Повозка остановилась...

Скрип...Скри...п...

Милфорд понял, что будет бой. Прикинул шансы.

Получалось... не очень. Все зависело от того, как поведут себя их новые друзья — лесные жители. И чью сторону примет славный король.

Милфорд не был до конца уверен в Арвине. Водный маг чувствовал ложь, но возможности нейро в Империи изучены слабо. Тем более такого уровня. Не стоит забывать, что Арвин — королевских кровей. И сейчас он на своей территории.

Имперец глубоко вдохнул горячий воздух. Стихии! Песок...

Сюда бы диверсионную группу, с которой он обычно работал....

«Ага. И старшего брата. Прикрывать отход...»

Вот ведь странность какая. Он не называл Раймона братом уже...лет десять. Так что ж сегодня...?

Ослик остановился. Стражники стали стаскивать приговоренных: двух

мужчин и женщину.

Тишина всколыхнулась тревожным шипением. Это песок скрипит под ногами от того, что толпа повернулась в сторону палачей. Никто по-прежнему не произнес ни единого звука.

Арвин вспоминал. Он наблюдал казни сотни раз. Сам отправлял людей на смерть. Помнил рев толпы, крики:

— Сжечь! Сжечь ведьму!

Раздувающиеся от запаха горячей плоти ноздри, кровью налитые глаза, восторженные крики, когда огонь, наконец, охватывал жертву целиком. А сейчас? Тишина. Немой укор толпы. Он страшнее неистовства. Опасней...

Тошнота подступила к горлу, глаза заволокло пеленой, но он заставил себя забыть об этом. Его искренняя вера в то, что магия — зло, от которого он избавляет свою страну, сейчас казалась страшной детской сказкой. Как он мог во все это верить? Ведь это были...люди! Люди, которых уже не вернуть. Чьи-то отцы, матери, сестры, жены, сыновья...

Он должен попытаться все исправить! Он, король Ваду, в долгу перед своим народом. Перед теми, кто стоял сейчас в мертвенной тишине, не замечая, как песок скользит по лицу.

— Пообещайте, что скроете у себя Таю. Не бросите ее, — практически беззвучно прошептал Милфорд на ухо Шурру.

Мужчина нахмурился.

— Вы не...

— Этих приговоренных я или отобью, или погибну.

— Нельзя. Я понимаю, что жалко, но... Их — трое. А в лесу — несколько сотен.

— Сделайте все, как обычно, — предложил Арвин, чуть ниже опустив лицо.

— Не справимся, — шепот человека-медведя был больше похож на жужжание шмеля, — Ты сам сказал, что тут Шонн Рамм. Если слухи о нем — правда, то...

— Правда, — зазмеилась из-под капюшона улыбка короля, — Но он вам не помешает.

— Нас заподозрят...

— Не думаю.

— Шурр, в свите мэра города есть ваши люди? — Милфорд понимал, что довериться Арвину сейчас — единственный выход.

— Есть.

— Но это — не мэр?

Шурр кинул быстрый взгляд на господина в богатом одеянии. Усмехнулся. И отрицательно покачал головой.

— Дайте знак вашему человеку — пусть попытается спасти Рамма. Так он однозначно окажется вне подозрений, — быстро проговорил Арвин. — Будете готовы — положите мне руку на плечо.

— ...За черное колдовство эти люди приговариваются к смерти! — голос мера разнесся над толпой и утонул в упрямой тишине.

Лишь шорох серого песка. Казалось, его стало больше. Еще немного — и он занесет весь город.

Представитель столичной инквизиции, стоя рядом с мэром на балконе, преувеличенно скучающим взором обзирал собравшийся народ.

Солдаты сноровисто подтаскивали осужденных к обложенным хворостом столбам.

Арвин видел, как вокруг них плотным кольцом собираются люди в серых плащах. Выглядело это так, как будто на площади просто очень много народу, и солдаты ведут смертников сквозь толпу. На плечо нейро опустилась тяжелая ладонь.

Толпа вздохнула и... замерла...

Мэр выхватил из-под плаща короткий меч, и быстрым, отточенным движением вонзил в Рамма. Тут же на него бросился мужчина, оба упали. Началась возня, крики.

Связанных выдернули из рук стражей, которые бесчувственно падали на песок, будто внезапно заснули. Никто не доставал оружия. Крови тоже не было. Пепельный вихрь на мгновение скрыл площадь, а когда туман, наконец, рассеялся, костры уже полыхали...

— Уходим, — шепнул Шурр.

«Грамотно, — подумал Милфорд, огибая людей и торопясь поскорее покинуть площадь. — Нас инквизиторам предъявлять не следует».

Дверь одного из домов распахнулась, и оттуда выглянуло встревоженное лицо Недда.

— Ходу-ходу-ходу! — скороговоркой выпалил разведчик. И исчез в глубине дома.

Закрывающаяся дверь отрезала нарастающий шум площади, треск разгорающихся сучьев, чей-то истошный визг.

По крутым ступеням в подвал Мидфорд и Арвин скатились кубарем, споткнувшись в темноте обо что-то.

— Скрипка! — жалобный стон в тишине...

Имперец, шипя от боли, поднялся, нашарил в тишине знакомый потрепанный футляр.

— Ждите здесь, — приказал Недд. — Нам надо вернуться. Не используйте магию. Вас засекут.

Местные ушли, а они какое-то время брели, спотыкаясь, по узкому коридору подвала, пока не уткнулись в тупик. Все пятеро сели на землю, привалившись к стене и тяжело дыша.

— Скрипка... Моя скрипка!

— Маэстро...И как вы тут очутились? — проворчал Милфорд, недовольно поглядывая на скрипача.

— Милорд? — раздался голос Зорго Цумма, — это и правда... вы? — искренней радости в голосе несчастного старика было столько, что в носу у начальника имперской разведки защипало.

— Это я, — буркнул маг, злясь на собственную сентиментальность, — Но когда я раздумывал о том, что Империи хорошо бы прислать подкрепление, я никак не думал, что это будете вы!

— Простите. Я не хотел вас подводить. Просто пошел искать...

— И...?

— Я шел. Играл. И снова шел. Боюсь, мой друг, меня привела сюда музыка, как бы удивительно это не звучало....

— Командир! Милорд Милфорд!? — высокий мужчина стащил с себя колпак.

— А вот и помощь подоспела! Барнс, вы тут откуда?!

— С месяц назад связь с Империей прервалась. Я оказался отрезан.

— Это повод затаиться, а не устраиваться на костре!

— Виноват, милорд, — мужчина опустил голову.

— Это из-за меня... — тихий, хриплый женский голос.

— Ирис! Ирис! Милорд...!

Руки мага затанцевали над женщиной, которой постепенно становилось лучше. Дыхание выровнялось.

Еще недавно, случись такой вот казус во время военной операции, и начальник имперской контрразведки был бы вне себя от гнева! Обвинил бы в отсутствии профессионализма. Наказал. Может, даже разжаловал. А сейчас? Что он мог сказать, когда его собственное сердце разрывалась от тревоги за Таю?

Они сидели в полной темноте.

Король, который думал о том, что первый раз в своей до этого момента никчемной жизни он сделал что-то по-настоящему правильное. Двое счастливых влюбленных с одним осторожным дыханием на двоих, медленно осознающим, что оно ...есть. Водный маг, сходящий с ума от тревоги за любимую, и тихая, нежная мелодия старого скрипача.

— С ума сошли?! Тихо!

...

Треск лучины, глухой перестук, еле слышное бормотание из-под седых лохм. Пламя дрожит, выхватывая из тьмы напряженные лица.

Тая старается реже дышать. Они под землей. Мальчики сидят тихо, сжимая побелевшими пальцами топоры, палки и вилы. Никто из них не обращает внимания на то, что делает старуха.

Тая смотрит, не отрываясь, как морщинистые пальцы ловко орудуют огромными спицами. Одна из них — белая, как кость, другая будто ветка с дерева — вот и сучок на ней. Ума сидит рядом, повторяя одними губами напевное бормотание. И слова какие...странные...

С левого плеча сожженной Ведьмы кость,
Ветка дерева, проросшего из праха
Гладкой щепку сделает песок,
Кости — полыми,
День светлый — мраком...

Старуха приговаривает. Наговаривает. Спицы стучат, только нет ни ниток, ни полотна...

Пусть не видят глаза Врага,
Ни тебя, ни его, ни меня,
За петлею плету петлю,
Изведу, ослеплю, погублю...

Женщины вокруг старухи сидят не просто так — каждая из них тонкими пальцами держит, перебирая, невидимую нить, следит, чтобы не запуталась. А ей что делать? Она изо всех сил сжала шпагу, а толку то? Драться не с кем — нет тут никого...

Только шаги над головой. Уверенные. Победоносные.

Кость за дерево,
Жизнь — за Смерть!
Не увидеть, забыть, стереть!

Сердце чкори бешено колотится в груди. Громко. Громче спиц, громче заговора старухи, громче нависшей в подземелье тишины. А вдруг услышат? Те, что наверху. Те, что пришли в Заповедный лес найти магов. Найти, чтобы уничтожить.

И отделяет их от этого кошмара седая старуха да ее спицы. Тая только сейчас замечает, что одна из них белая, костяная, вторая — деревянная. Девушка всматривается в полумраке до рези в глазах и начинает видеть, как в мелькании спиц тоненькие-тоненькие ниточки тумана превращаются в полотно.

Прозрачное облако стелется у ног колдуньи, дышит вместе со спицами: тук-тук, тук-тук-тук...

У каждой женщины — белесый клубок в руках. Нити тянутся к старухе, сворачиваются в петли, птицами садятся на спицы и летят, летят, летят таинственным узором, вплетая в себя страшные слова.

За петлею плету петлю,
Изведу, ослеплю, погублю...
Кость за дерево,
Жизнь — за Смерть!
Не увидеть, забыть, стереть!

Петелька к петельке. Рядок к рядку.

Сквозь серое полотно Тая начинает различать то, что происходит наверху.

Нервные, злые собаки. Кони — холеные, сразу видно, что недостатка ни в воде, ни в еде не испытывают. Люди в черных плащах, закрытые тканью лица — только глаза видны. А что делать — ветер поднял песок.

— Как успехи? — мужчина в черном лениво постукивает прутиком по сапогу. Тая понимает, что он не боится. Ни песка, ни ветра, ни Заповедного леса, что изо всех сил пытается изгнать чужаков.

— Ищем, мой господин, — отзываются солдаты, что не смеют и глаз поднять на него.

— Делайте это лучше.

— Отец Рамм, — кланяется командиру молодой парень и смотрит... С благоговением, что ли...

— Да, Марк.

— Скажите, а вы... нет, я не сомневаюсь... Но...
— Марк, не мямли! Ты же будущий инквизитор!
— Отчего вы решили, что в городе есть маги?
— Ты думаешь, что я ошибся?
— Нет, но...
— Подумай, Марк.
— Вы сравниваете этот городок с другими?
— Совершенно верно. Что происходит по всей стране?
— Маги берутся словно из ниоткуда. Инквизиция просто завалена делами. Следователи толком не успевают проводить дознания. Песок этот...

Голос парня был чистым, звонким.

— Вот, — назидательно ответил тот, кого он назвал Раммом. — А здесь. В этом убогом городишке? Тишь да покой. И такие отчеты... Я просто завидовать начал.

— Подозрительно, — согласился молодой.

— А ведь Рассветные горы, откуда пошла эта зараза — близко. И песок несет именно оттуда. Как и в прошлый раз.

— Светлейший! — со стороны, где оставили лошадей, бежал, спотыкаясь и громыхая амуницией, толстяк.

Солдаты провожали его презрительными взглядами.

Толстяк добежал до главного. Рухнул перед ним на колени.

— Светлейший! — завопил он еще громче.

— Что же вы так кричите, милейший?..

— Там... В городе... Шонна Рамма убили!

— Занятно, — чуть улыбнулся мужчина, с силой ударив веточкой по сапогу.

Члены отряда разом вздрогнули. Марк нахмурился.

— И кто же покусился на представителя столичной инквизиции?

— Был налет на город? — спросил Марк.

— Нет, что вы... Это наш мэр... В смысле, бывший... Инквизитор говорит, что... Магического воздействия не было!

— Еще интереснее. Видишь, Марк, как хорошо, что мы приехали в эту глубинку.

Молодой поклонился.

— Поехали, посмотрим. Дир! — окликнул Шонн Рамм одного из своих.

— Да, мой господин.

— Город обложить так, чтобы грицц не проскочил.

— Слушаюсь!

— В лесу оставьте засаду. Особое внимание на... лесников этих.

Снова поклоны.

Шонну Рамму подвели лошадь. Он легко вскочил в седло. Бросил на землю сломанный прутик. Задумчиво обвел взглядом поляну, долго смотрел на собак. И бросил:

— Ищите. Ищите хорошенько! Если бы я скрывался — я скрывался бы именно здесь!

Тая очнулась. Мокрая спина. Руки трясутся.

«Надо предупредить Эдварда! Надо предупредить всех! Что же делать...»

Больше всего хотелось вскочить, схватить шпагу, прорваться в город. Драться. Кусаться. Хоть что-то делать! Только бы не сидеть, словно бы их уже поймали и приговорили к смерти.

— Успокойся, — беззвучно проговорила ей на ухо мама Умы. — Возьми себя в руки. Иначе...

Она покачала головой:

— Я видела. Я слышала... Надо предупредить наших!

— Невозможно. Мы не можем выдавать себя, — грустно ответила женщина, не прекращая теревить пальцами прозрачную нить. — Только ждать. Попытайся заснуть.

Тая кивнула. Закрыла глаза. Позвала...

Крик предсмертный,
Прах и лист живой...

— Девочка! Уйми зверя своего... Мешаешь...

Чкори вздрогнула. Под напевное бормотание старухи она почти уснула, помнила только, как... Манул играл с клубками тумана!

Ее Анук-Чи спутал нити. Женщины, не говоря ни слова, молча пытались привести все в надлежащий порядок... Мальчики сжали топоры.

— Иди сюда! — девушка зашипела, схватила кота за загривок, притянула к себе.

Пальцы покалывало, синие глаза смотрели на хозяйку долго. Внимательно. Зверь медленно кивнул и исчез, бросив последний взгляд на манящие клубки тумана. Ничего, он еще вернется! А сейчас надо бежать. Бежать к водному магу, показать ему все то, что видела чкори сквозь связанную старухой шаль...

Глава 10

— При всем моем уважении, Ваше Величество, это — плохая идея.
— Вздор, Шбы...Жба...эээ....Раймон.
— Милорд Швангау, Ваше Величество.
— Все равно! Глупости! — упрямо поджал губы Фредерик Тигверд.
— Я настаиваю, — Швангау терпеливо вздохнул, — я настаиваю, что это опасно. Слишком рискованно.

— Вы уверены...Стихии! Ээээ....Раймон, что они в Ваду? Ведь так? Ошибки быть не может?

— Нет, Ваше Величество. Миров, в которых существуют нэйро, немного. Мы искали во всех. Никаких следов Эдварда и Таи. Остается только мир Ваду, в который нам так и не удалось проникнуть.

— Вот это-то и странно. Там мои люди! И нас бы известили, если бы появились Милфорд и Тая.

Швангау поклонился:

— Наблюдатели, оставленные в Ваду, перестали выходить на связь. Мне нужно время. Перед тем, как вламываться, используя грубую силу, необходимо выяснить, кто или что нам противостоит.

— Узнаем. Но надо поторапливаться. Место не слишком гостеприимное. Особенно к магам. Вы не можете не осознавать, что промедление может стоить тем, кто попал в эту чудовищную в ловушку жизни! Я был там. Этот мир...Там...там варвары! Инквизиция, казни. Приговор — сожжение на костре. Заживо. Вы понимаете? Мой личный придворный целитель, Ирвин... Ирвин! Кто-нибудь догадался связаться с ним?

— Я здесь, Ваше Величество.

— Ирвин! Рад видеть вас ...в добром здравии, я полагаю?

— Благодарю, Ваше Величество. Мне уже лучше.

— Что вы обо всем этом думаете, Ирвин?

— Я согласен с милордом Швангау, Ваше Величество и...с Вами.

Брови императора удивленно приподнялись. Он с одной стороны злился на дерзость своего целителя, с другой — слегка завидовал тому, с какой легкостью уроженец Ваду произнес это Шва...Швя....Стихии... Да что ж творится в Империи! Распустились совсем, честное слово...

— Раз вы, Ирвин, согласны и со мной, пусть и во вторую очередь, то...

— Простите, Ваше Величество, — Ирвин опустил голову, искренне

сожалея, что допустил подобную бестактность.

— Скажите, — милорд Швангау внимательно посмотрел на целителя его величества, — а что произошло с вами? Там, в Петербурге?

— Магия нэйро, — Ирвин слегка пожал плечами, дав понять, что сам может лишь предполагать, — боюсь, я попал под сильное воздействие.

— Интересно, почему остальных не задело? — заметил император.

— Думаю потому, что я из Ваду. Следовательно, более восприимчив.

— Возможно, — задумчиво проговорил Швангау.

— Сейчас не о том, — Фредерик раздраженно отмахнулся. — Каждый из рода Тигвердов способен построить портал куда угодно. Мы объединим усилия. Вы, Раймон. Ричард. Брэндон. Герцогиня Рэймская. Самые близкие для Таи и Эдварда люди — Пауль, господин Лукьяненко, Вероника. Господа! Я считаю, что ситуация вышла из-под контроля и требует решительных действий! Соберите всех!

...

Главный маг королевства смотрел на Ричарда. Ненаследный принц лишь пожал плечами. Второй сын императора, Брэндон, стоял в стороне, скрестив руки на груди и сохраняя нейтралитет.

— В Ваду происходит что-то странное, — попытался призвать к здравому смыслу всех присутствующих главный маг империи. — И надо сначала разобраться, почему...

Старший из рода Тигвердов был прав. Медлить опасно. Но... Интуиция подсказывала Раймону Швангау, что осторожность не помешает.

— Мы вообще будем что-то делать или нет? — раздался недовольный голос.

— Конечно, будем, господин Лукьяненко, — любезно отозвался император, бросив выразительный взгляд на придворного мага.

Вероника сидела в кресле, наблюдая за происходящим. Сердце билось часто-часто. Может, Феликс прав? Надо обратиться к миледи Бартон. Попить что-нибудь...

Пашка стоял, задумчиво поглаживая клюв бронзового грифона на массивном подсвечнике, украшавшем каминную полку. Сын был бледен. Бедный мальчик... Он не просто переживает за девушку. Он чувствует свою вину перед ней. Как же ему, должно быть, тяжело.

Графиня Рэймская и отец Таи то и дело поглядывали друг на друга с яркой, плохо скрываемой неприязнью. Нашли время, честное слово! И вообще... Они-то что не поделили? А между прочим... Э, нет, матушка, стоп! Забыла, чем закончилась твоя последняя попытка соединить одинокие сердца? То-то же! Сиди теперь.

Взгляд против воли остановился на Ирвине. Целитель выглядел встревоженным. Немного усталым. Грустным. Видимо воспоминания о родном мире до сих пор причиняют ему боль. Но вместе с тем он был счастлив. Вероника улыбнулась. Надо же...Ирвин и Ия...Ия....

Какая-то мысль не давала принцессе Тигверд покоя, но пока она хмурилась, улыбалась и пыталась унять взбесившееся сердце, маги уже встали в полукруг...

Милорд Швангау на мгновение закрыл глаза. Маг словно превратился в мраморную статую. Вдруг статуя открыла светящиеся неестественной синевой глаза и медленно кивнула.

Холод побежал по позвоночнику. Вероника вздрогнула: сколько мощи в маге воды!

Бывшая преподавательница истории старательно вспоминала Таю. Девушка всегда сидела на задней парте. Подальше от всех. Иногда что-то писала в тетради, но чаще — просто слушала, подперев щеку рукой.

Вспоминала тетрадку со стихами, пронизанными отчаянным желанием понять себя. Задать вопросы и получить на них, наконец, правдивые ответы...

Вероника думала о Милфорде. О том, как они поругались в ларьке из-за бутылки коньяку, который она выменяла на фамильные драгоценности рода Тигвердов.

Позор какой...

Ей показалось, или она действительно увидела Милфорда? Серые стены... Подвал?

Картинка исчезла в вихре песка, больше похожего на пепел, а когда он рассеялся, на земляном полу, в тусклом свете лучины показались черты смуглой девушки... Таисия!

Вероника так испугалась, что вцепилась в руку стоящего рядом Пашки, боясь, что вот сейчас она закричит и видение исчезнет. Тихо... Тихо... Она не должна. Это может быть важно...

Какая-то старая женщина сидит, сгорбившись. Хриплое, мерное бормотание. Станные, страшные слова:

С левого плеча сожженной Ведьмы кость,
Ветка дерева, проросшего из праха,
Гладким ветку сделает песок,
Кости — полыми,
День светлый — мраком...

Старуха подняла белесые глаза: «Не мешай...», — прошелестел голос. — Тая! — закричала Вероника, очнувшись, и ...чуть не задохнулась от летящего песка.

Зал императорского дворца заносило песком. Серым. Жутким.

Она поймала на себе обеспокоенный взгляд мужа, максимально громко подумала: «Со мной все в порядке!».

По тому, что Ричард облегченно выдохнул, поняла, что он услышал. Крепче сжала руку сына. Тот фыркал, чесался, но был вполне живым.

Швангау и герцогиню Рэймскую серый вихрь, больше похожий на пепел, не тронул. Словно понимал, что с этими двумя лучше не связываться. Сыновья императора держали защиту над Ирвином и полковником Лукьяненко.

Кружась, песок превращался в зудящую орду мошкар. Они бешеным смерчем носились везде, сметая картины и подсвечники, превращая портьеры в лохмотья. Люстра качалась с жалобным скрипом, огонь в камине погас...

Брэндон не выдержал. Раздраженно отмахнулся — рой вспыхнул и тут же разделился. Казалось, песка стало еще больше!

— Что? — возмутился младший Тигверд, поймав на себе недовольный взгляд отца. — Делать-то с ними что-то надо!

— Вероника, Пауль! — скомандовал Ричард. — Марш отсюда!

— Дарина, — присоединился к нему император. — И вы уходите!

— Отойдите! — герцогиня Реймская вышла на середину зала, вскинула руки.

Огромная птица взметнулась к потолку, песок закружился вихрем, стены дрогнули, окна с тихим звоном рассыпались на тысячи мелких осколков, и вдруг....

Ветер ворвался в проемы огромных стрельчатых окон. Взырошил золотистые волосы Пауля Тигверда и полетел дальше, играя легкими, пушистыми снежинками...

Что?! Снег?

Снег. Снег валил с потолка, засыпая разбросанные по паркету куски алого бархата — все, что осталось от портьер. Снег лежал на темных волосах герцогини и на плечах юного Брэндона.

Снежинки старались не попадаться на глаза огненному магу — из черных зрачков Ричарда то и дело вылетали горячие искры, а им вовсе не хотелось умирать! Тут так красиво...Столько людей! Вот идет их повелитель — огромный барс. Это он позвал их сюда! Поэтому они не

уйдут. Они не подвластны ни песчаной магине, ни огненному магу! Они уйдут вместе с Анук-Чи Скользящего Между Мирами. Лишь он может им приказать!

Принцесса Тигверд не верила своим глазам. Ей казалось, она видит сон. Огромный зверь медленно шел на нее. Мягкие лапы. Какой... красивый! Иди ко мне...

Но барс прошел мимо. Мимо нее, мимо императора, на которого огромный призрак не обратил никакого внимания, мимо Рэймской, лишь слегка коснувшись подола ее платья. Зверь шел к господину Лукьяненко. Но тот, казалось, вовсе не был этому рад:

— Что тут....черт возьми, происходит! — буркнул он, не отрывая взгляд от ярко-голубых кошачьих глаз.

— Ты должен вспомнить! Должен почувствовать! Мирю! Это — ты... Твоя душа, твой Анук-Чи. Я всему научу тебя, но ты должен вспомнить! Ты — чкори рода Скользящих Между Мирами! — голос Дарины звенел в тишине.

— Это....этого....Не может быть! — выдохнул Ричард.

— Милена, — одними губами прохрипел император. — Ты...Ты верила. До последнего верила! Это... правда!

Веронике показалось, что она ослепла — так темно стало вокруг. Темно и тихо. А когда тьма рассеялась, не было ни снега, ни песка. Только разгромленная парадная зала императорского дворца. Барс исчез. Жалко... Такой...красивый! Исчез и полковник Лукьяненко.

— Они там, где возвращаются к себе. Все так, как и должно быть. У меня...получилось... — выдохнула герцогиня и упала без чувств.

Ирвин бросился к чкори, Ричард обнял Веронику за плечи, все стали суесться, император отдал распоряжение подать всем чаю в его кабинет и привести в порядок парадную залу.

На лицах слуг не дрогнул ни один мускул.

После чая все успокоились. Вероника слегка сжала руку Ричарда, словно говоря: «Все со мной в порядке, успокойся!» Император разбил четыре чашки. Случайно. Многовато для Его Величества. Даже после таких волнующих событий....

— Всем отдыхать. Уже поздно. Ричард, Вероника, Пауль — останетесь сегодня во дворце. Милорд.....Шлеп...

— Швангау, Ваше Величество, — склонил голову маг.

— Явитесь ко мне завтра утром! — раздраженно бросил император и ушел.

Дворец спал. Так тихо, будто вихри песка и снегопады в парадной зале

— обычное дело. Темные коридоры. Портреты. Мягкие ковры. Туфли ступали по ним абсолютно бесшумно, из-за чего Веронике казалось, что она не идет, а подкрадывается. В какой-то степени так оно и было. Почему-то она знала, что Фредерик придет сюда. К роялю...

Император действительно стоял у любимого инструмента, и не слышал ее шагов. Сейчас он откроет крышку, пальцы коснутся клавиш, и польются нежные, чувственные зву....

— Черт! Черт! Черт!!!

— Стихии! Ваше Величество!

Император, действительно, открыл крышку рояля, откуда на него посыпался ненавистный песок, превратившись в отвратительный жужжащий рой насекомых. Пасс рукой — и все исчезло...

— Принцесса Тигверд? Следите за мной?

— Что вы, Ваше Величество. Я искала вас, чтобы сообщить нечто важное.

— Успеете. Так почему все-таки притаились?

— Хотела... послушать музыку, — честно ответила принцесса.

Неожиданно император улыбнулся. Устало, но искренне.

— Спасибо! Я польщен! А вы — прощены. Вам не показалось забавным, что я в столь ...эээ...неожиданной ситуации только что выразил свои эмоции на языке вашего мира, а вы сами — по-имперски?

— Показалось, — Вероника улыбнулась в ответ.

Действительно, забавно. Но она должна рассказать о том, что видела.

— Я нахожу, что Ваш язык в непредвиденных ситуациях гораздо более экспрессивен, и...как бы это выразиться...

— Лучше снимает стресс.

— Именно!

— Ваше ве...

— Есть еще одно! — Фредерика уже было не остановить, — Что-то про якорь...

— Ваше Величество! — испуганно взмахнула руками Вероника, — Ваше Величество... В моем мире это недопустимо в присутствии дамы...

— О! Простите меня! Я запомню, — император поцеловал руку принцессы.

Принцесса же стояла в глубокой задумчивости, но причиной была вовсе не бестактность императора. Якорь...море... Вероника посмотрела на императора и улыбнулась. Она знала, что нужно делать!

Вероника шла в их с Ричардом покои. Мимо темных портретов в массивных золоченых рамах, мраморных каминов, канделябров в виде

бронзовых грифонов.

Удивительно, каким привычным, родным и домашним стал дворец за последнее время. Бедный. Сколько же ему пришлось пережить? Эти стены помнили и первый крик новорожденного, и последний стон умирающего. Они видели битвы магов, слышали звуки рояля, шептались с призраками, были вынуждены укрывать предателей и убийц, и не имели возможности утешить беззвучно рыдающих от боли и безысходности. А сегодня парадную залу засыпало песком мира Ваду, выбило окна...

— Прости. И...спасибо, — прошептала в тишине принцесса Тигверд, поглаживая позолоченную ручку двери.

— И где же вы были, Ваше Высочество?

Ника вздрогнула. Коварные планы пробраться незамеченной, нырнуть в постель, чтобы коснуться ледяными пятками... В общем, планы рухнули. Ее застали на месте преступления. Подкараулили. Выследили. Рассекретили. И зачем она вышла замуж за военного?

Муж сидел в кресле и улыбался. Глазами. Черными глазами с алыми всполохами. Как он это делает? Грозное, сердитое лицо. Брови сдвинуты. Губы сжаты. Руки вцепились в подлокотники до побелевших костяшек, спина напряжена, а глаза...Глаза смеются!

— Ходила твоего отца проведать, — отчиталась она и решительно уселась к магу на колени. — Знаешь... Что-то он... Как будто сам не себя не похож.

Ричард покачал головой, притянул жену к себе. Поцеловал в макушку. Ника обняла грозного супруга в ответ, и они разом умиротворенно вздохнули.

Камин вспыхнул, потрескивая, будто соглашаясь: «Да...Дела. Ну? И что там с нашим императором?»

— Похоже, на отца напали мысли о том, что он ничего хорошего предложить любимой женщине не может, — вдруг ответил Ричард.

— Ты...так думаешь? Это...из-за Наташи?

— Думаю да. Он привязался к ней. К ребенку. Они подолгу разговаривают. И потом...Заметила, какие спокойные, умиротворенные ходят слуги? У императора почти все время хорошее настроение!

— Ну...раз все так замечательно, тогда в чем же дело?

— Ника, — принц внимательно посмотрел на главного редактора «Имперской правды». — Тебе ли не знать?

— Скандал? — женщина тяжело вздохнула.

Ричард кивнул, бережно пересадил жену в кресло, которое придвинул ближе к огню. Встал, налил вишневой наливки, протянул ей и сам уселся

напротив.

— После мятежа герцогини Борнмут, после того, как пост Верховного мага отдали Швангау — нарушая все традиции. Роман Брэндона с художницей. Мы с тобой...

— Поженились?

Муж снова усадил свое сокровище на колени, словно до конца не мог поверить в то, что у них все получилось.

— То есть Фредерик и Наташа... — вернулась к разговору Ника.

— Сейчас даже признание ее любовницей может вызвать мятеж аристократов.

— Надо просто объяснить ей все. Она разумная женщина. И...

— Понимаешь, — Ричард налил себе гномьего самогона.

Выпил залпом. Она тоже выпила свою порцию вишневой наливки. Сладко. Крепко. Сегодня они точно заслужили. Такой тяжелый день...

— Он боится за нее?

— Много лет назад он был вынужден поступить так, как должно. В интересах Империи.

Что тут скажешь?.. Ника обняла Ричарда, тишина обняла их обоих, радуясь, что они вместе.

Ни глупые людские правила и традиции, ни обоюдная ревность не смогли разлучить принца и принцессу. Их собственная сказка оказалась со счастливым концом. Во многом благодаря Фредерику Тигверду, который просто не допустил еще одной грустной сказки в вверенной ему Империи. Так неужели он сам не заслуживает счастья? Хотя бы...чуть-чуть?

— Эй! Все будет хорошо...Слышишь? — улыбнулась, потерлась щекой об отросшую щетину и завлекающе сказала. — Мурк?

— Мурк, — строго согласился Ричард Тигверд.

— Слушай, ты мне завтра составишь компанию, а? — и Вероника уставилась в черные глаза, которые перестали мерцать пламенем и приобрели мечтательное выражение.

— Почему завтра? Я тебе сейчас ее составлю...

— погоди! Я завтра хочу попасть на остров.

— И?

— Я Ии боюсь, — честно призналась Ника.

Ричард рассмеялся.

— Неужели?

Жена кивнула:

— И... неловко мне перед ней. До сих пор.

— Так может, не стоит?

— Есть такое слово: надо!
— Но тогда, моя принцесса, уговорите меня.
— О... — глаза Вероники блеснули. — И как же, мой принц?
— Давайте мы с вами что-нибудь придумаем...
И принц Тигверд решительно понес жену в кровать.

...

Ричард Тигверд наблюдал, как резвились русалки у берега.
Синее небо, бирюза прозрачных волн, розоватые жемчужины в белоснежных волосах обнаженных морских девушек — красота!

— Гхм!

Принцу не надо было оборачиваться, чтобы понять, что Вероника очень и очень недовольна.

— Не могу сказать, что этот остров необитаемый.

Грусть в голосе мужа примирило Нику с жизнью. Но не с полуголыми девицами в прозрачной воде!

— Надо подыскать что-то другое, — проговорил он задумчиво. — Может, соседний остров?

— Так приплывут же! — раздраженно бросила Ника. И стала спускаться к морю.

— А если в мире, где танцуют танго по вечерам? — спросил Ричард у принцессы, которая так и не обернулась... Стихии!

— Надо подумать, — уже задумчиво проговорила Ника.

Они вышли к берегу.

— Добрый день! — поприветствовал Ричард русалок.

Ответом им был дружный жизнерадостный визг да бриллиантовые брызги, за которыми скрылись морские девы.

— Ия! — позвал Ричард. — Нам нужно поговорить.

Несколько секунд море молчало, а потом поднялось прозрачной стеной, за которой стояла, миролюбиво улыбаясь, сестра Владыки.

— Ирвина нет, — русалка сложила руки на груди.

— Мы не к нему, — Вероника уселась на песок, борясь с искушением залезть в воду. — Мы к вам.

— Ко мне? — стена исчезла, море стало гладким и тихим, будто озеро, и Ия вышла на берег.

— К вам, — проворчала Вероника, жалея, что русалка в этот раз не явилась с официальным визитом. А значит, была не одета...

— Вы пришли, чтобы выставить нас со своего острова?

— И в мыслях не было, — обиженно посмотрел на русалку Ричард.

— Я хотела обратиться за помощью, — сказала Вероника.

— И чем же я могу вам помочь?

— Наши друзья пропали. Мы думаем, что они в беде: мир, котором они оказались, не очень гостеприимный. К магам особенно... — Ричард взял горсть теплого песка. Теплое золото заструилось между пальцами...

«Какой красивый, — подумала Вероника. — Совсем не такой, как тот... Серый. Холодный. Как...пепел».

— Мир Ваду? — русалка побледнела.

Вероника кивнула.

— Этот мир болеет. Люди, что живут в нем, своей жестокостью убивают его.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Ричард.

— Почувствовала, когда коснулась Ирвина. На нем была печать. Боли. Страха. Смерти. Эта печать высасывала его силы. Не давала ему возможности быть счастливым. Он держался из последних сил. Ради чувства долга, стремления помочь другим.

— погоди, — остановил русалку Тигверд. — Швангау решил, что это негативное воздействие магии сильного нэйро.

— Магия мира, откуда Ирвин родом лишь послужила толчком. А болен он был давно. Странно, что вы — его друзья — не замечали этого раньше.

И Вероника, и Ричард опустили головы. Им было стыдно. Очень.

— К тому же, — русалка была явно довольна произведенным эффектом, — Ирвин привел ко мне Алисию...

Принц и принцесса Тигверды удивленно переглянулись. Имя им ни о чем не говорило. Русалка посмотрела на супругов насмешливо:

— Девочка, которую Ирвин спас от болезни. А уже потом их всех спас Фредерик.

— Я вспомнила, — прошептала Вероника, — Сестра Ирвина упоминала, что девочка так и не оправилась.

— Смотрите, — улыбнулась русалка.

До этого холодное, надменное лицо сестры Владыки преобразилось совершенно! Оно стало...Материнским?

Море снова поднялось, и за стеной струящейся воды они увидели девочку. Худенькую. Бледненькую. Но...с глазами, полными такого искреннего счастья, что у Вероники заблестели глаза. Или брызги попали?

— Как хорошо! — выдохнула она. — Это просто чудо, Ия!

Русалка смутилась.

— Это вода. Она смывает все печали — если попросить и прийти с чистым сердцем.

— Девочка навсегда останется русалкой? — спросил Ричард.

— Не знаю. Захочет ли она выйти когда-нибудь на поверхность — или нет... Это будет ее выбор.

— Главное, она счастлива, — прошептала Вероника.

— Вы говорили о том, что у вас есть просьба ко мне, — напомнила Ия.

— Есть. Мы не можем попасть в Ваду.

— Вода есть в каждом из обитаемых миров. Как и русалки, — задумчиво проговорила Ия.

Помахав рукой Алисии, русалка успокоила море.

— Да? — удивился Ричард. — И у нас?

Ия кивнула.

— Никогда не видел.

— Это говорит лишь о том, что водные жители — осторожные. И умные.

Они втроем рассмеялись.

— Что касается Ваду. — Стала серьезной Ия. — Я попрошу сестер. Но ничего не могу обещать. Место страшное. Каждый выживает, как может. И я не уверена, что они откликнутся на мою просьбу.

— Ричард! Ника! Рад вас видеть! Что у вас там стряслось? Просто так ведь не придете навестить старика, верно?

Море забурлило, волны поднялись к небесам, и из пены морской явился владыка Ир.

Глава 11

— Вы... Вы... Вы... Свет... свят... светлейший!!!

Шонн Рамм с отвращением смотрел на прикованного к стене человека. Зловонный господин, нечего сказать. Во всех смыслах...

— Светлейший...!!!

Грузное тело мэра бросилось вперед, в напрасной попытке облобызать сапоги инквизитора, но цепь с ошейником надежно защищали тех, что боролись против порождений магии. Как от нападений, так и от подобных... чувственных порывов.

— Вы-вы-вы... — скулил мэр. — Вы жи-жи-живы!

Рамм с трудом поборол желание ударить эту подобострастную, отвратительную, колыхающуюся тушу. Оплот порядка. Мэр. Дворянин, в конце концов. Да тот бродячий музыкант, с которым инквизитор беседовал вчера, вел себя достойнее! Старик, несмотря на то, что приговор был совершенно справедлив, был достоин большего уважения, чем это...

Влажные стены подземелья, лязг цепей, вой мэра. У Светлейшего раскалывалась голова. Он вспомнил мелодию. Чистые, нежные звуки. Стало легче. Немного.

Какой контраст... Вчера в этой же камере они беседовали о музыке. Колдун — как он себя назвал? Зорго Цумм? Искал своего друга. Попросил мелодию вывести его к нему. Инквизитор усмехнулся: скрипка привела бродягу напрямик под копыта их коней.

Музыка... Музыка! Это свет. Это любовь. Магия же — тьма. Зло. И он тоже — зло. Потому что он — маг. Но он — орудие Порядка. Чистоты. Справедливости. Когда они уничтожат всех, правильным было бы уничтожить и себя. Но нет. Этого не будет. Останутся маги. Элита. И будет контролировать остальных. Мир не совершенен. Музыка совершенна. Она прекрасна...

Жаль, что старик оказался колдуном. Его искусство дарило покой. Проклятый серый песок — и тот замирал от звуков, не шипел и не двигался, как будто...слушал.

Жаль... Удивительно, но на допросе пожилой музыкант утверждал, что магией не владеет. Марк еще удивился. Оба нэйро понимали, что Цумм не лжет. Так и осталось загадкой: то ли старик и сам знать не знал, то ли верить не хотел?

А сегодня вместо старика — мэр, которого и человеком называть не

хотелось. Так, тело...

— Светлейший....! Ооооо! Вы.....Вы не погибли!

— Мою тень убили, — тихо проговорил инквизитор, и с удовольствием увидел, как мэр пополз обратно в угол.

— Вы маг? — шепотом спросил он у Шонна Рамма, не отрывая от лица инквизитора выпученных, полных ужаса глаз.

Тот рассмеялся:

— Тень — это должность. Двойник, обеспечивающий высокопоставленному лицу свободу для маневра.

В ответ на его тираду мэр заскулил. Тоненько и противно.

— Спятил он от страха, что ли? — спросил у самого себя инквизитор.

Голова раскалывалась. Казалось, внутри черепной коробки тоже был ненавистный песок. Серый. Раскаленный. Как...пепел. Пепел костра, запомнивший крик заживо сожженных лишь для того, чтобы сейчас причинять ему боль, разрываясь в самом центре бедного, измученного сознания.

Вдруг нестерпимо захотелось услышать звуки скрипки. Плач струн, зовущий за собой, проникающий в самое сердце...

Поверить! Поверить и пойти за музыкой, потерявшей хозяина. Ни о чем не думая брести вперед, за осиротевшей магией, уводя ее из города в поисках себя самого.

Интересно, если бы доверился мелодии, куда бы привела она его? В иной мир? К кострам инквизиторов? Было бы...справедливо. А может, к счастью? Нет. Он не заслуживает счастья...

Хорошо, что они избавились от старика. Если уж его, всякого повидавшего, так проняло... Что уж говорить о сердцах простых людей, которых они обязаны защитить!

Заскрежетала подвальная дверь, возвращая Светлейшего в реальность.

— Учитель, — окликнул его оруженосец.

— Да, Марк.

— Я поговорил с братом Ульмом.

— Надеюсь, у тебя есть новости от местного инквизитора. Потому что мой подопечный...

Шонн Рамм кивнул туда, где в углу рыдал мэр, и продолжил:

— В голову к нему залезть, конечно, придется, но толку будет немного. Я в этом просто уверен. Все, что творилось в этом мерзком городишке, творилось в обход этого дурня.

— Отец Ульм утверждает, что в городке все было тихо, пока не явились мы.

— Даже так?!

— Он выдвинул предположение, что маг, который осуществил воздействие на беднягу мэра, прибыл либо с нами, либо вслед за нами. Потому что у них такого попросту случиться не могло.

— Какова наглость!

— И он не лжет.

— А остальные граждане?

— Шокированы. Готовы оказать содействие следствию.

— Прямо жаждут! — насмешливо протянул представитель столичной инквизиции.

Марк вопросительно взглянул на учителя.

— Продолжай, — Рамм сделал нетерпеливый жест рукой, дав понять, что сейчас не время для пространных философских бесед.

— Казнь состоялась. Никто не пытался помешать. Обыски ничего не дали.

— А лесники? — спросил Шонн Рамм.

Он и сам не понимал, с чего так заинтересовался лесными жителями. Почему сразу, оставив вместо себя тень, отправился в Запретный лес. Будто что-то манило его, нашептывало: «Туда! Туда! Туда!..»

— Лесники пришли к ратуше. Наши докладывают, что беспокойства не проявляют. Количество совпадает. Сотрудничают. Магов среди них не обнаружено.

— Маги знают, что такое! — выругался инквизитор.

Осекся о печальный взгляд Марка.

Оруженосец иной раз представлялся ему настолько не от мира сего, что он не знал, как себя вести. Не может быть инквизитор настолько правильным. И... не должен. Зло не должно быть честным. Искренним. Даже если оно на службе Высшего Суда. А этот мальчишка — был. Он хотел помочь их несчастному миру, погрязшему в черном колдовстве.

Ему, Шонну Раму, одному из самых влиятельных инквизиторов страны порой бывало неловко в присутствии собственного оруженосца. Но это нисколько не мешало парню исполнять свой долг: не колеблясь. Без жалости.

Несколько десятков ступенек из подвала наверх. Инквизиторы внимательно смотрели под ноги — все ступени — разной высоты. Нарочно, чтобы в случае побега заключенные запнулись, потеряли скорость и никуда не ушли.

— Что делать с городским инквизитором? — спросил Марк.

— Если его история подтвердится, и этот городок, действительно,

аномалия покоя в нашей безумной стране, то... пусть работает дальше. В противном случае...

— Я понял. А пока? Выдерживаем на цепи?

— Стандартная процедура, — кивнул Шонн Рамм.

Ни мэр, ни городской инквизитор не знали, что происходит в городе. Следовательно, были ему попросту не интересны.

— Лучше распорядитесь, — инквизитор вдруг остановился и повернулся к оруженосцу, — пусть ко мне пригласят для беседы молодого человека, который пытался спасти тень.

Марк поклонился.

— Мир Ваду! — при появлении Шонна Рамма охранники вытянулись по стойке смирно, крича традиционные слова-приветствия.

Они, скорее всего, не задумывались об их истинном смысле. Просто рвали голосовые связки. Истошно. С ужасом и страхом, желая угодить, услужить, и по возможности, если повезет, остаться не замеченными. Это льстит. Любому инквизитору. Пожалуй, кроме Марка...

Когда-то крик: «Мир Ваду!» ласкал слух и Шонну. Он чувствовал себя избранным. Сверхчеловеком. Выше всех! Выше обычных жителей, которых инквизиторы поклялись защищать. Выше магов, которых необходимо было уничтожить... Выше собственной жизни, которую они слагали на алтарь служения.

Вся эта романтика закончилась одним днем. Когда он и его напарник, обсуждая, рабочие, в общем-то, моменты, не заметили, что их подслушивает молодой король. Арвин.

Арвин... Вот уж к кому он всегда относился с презрением и пренебрежением, так это к наследному принцу. Слаб. Ведом. Начисто лишен критического мышления, верит всему, что ему говорят. В отношении своих собственных подданных — едва ли не больший инквизитор, чем сами инквизиторы. Маг, пусть даже и с заблокированной силой. А что делать — в роду королей Ваду другие и не рождались! И, конечно же, все они были уверены в том, что это не так. Их силу блокировали инквизиторы. Те, что знали страшную тайну. Про короля и себя самих.

Шонн вспомнил старого короля Валлентайна: опасный противник, коварный интриган, мудрый — насколько позволяли обстоятельства — правитель. Он очень ловко лавировал. И в какой-то момент верховный стал опасаться, что для ордена инквизиторов придут тяжелые времена. И немедленно маг-фанатик совершил очень удачное покушение.

Скорбели все. Получилось трогательно.

Жаль. Искренне. Но у ордена появились подозрения о том, что король

может догадаться. Лишь подозрения! А тут этот глупец услышал. Всего несколько сказанных шепотом фраз, и слова предательски поползли по каменным стенам, песком проникая в сознание нэйро. Сильнейшего нэйро Ваду. Мага, потенциал которого питает целый мир по праву рождения!

И молодой Арвин раскрылся совсем с другой стороны.

Бунт. Гнев. Сорванная блокировка магии — словно ее никогда и не было. Девятнадцать убитых инквизиторов — и это в цитадели, где сами стены встали за тех, кто поклялся избавить Ваду от магии! Побег. А ведь это тоже считалось невозможным. Портал, выстроенный для семьи. Арвин смог отослать жену и детей. И — что поразило Шонна Рамма — остался ждать приговора.

Инквизитор вздохнул: он нечасто признавался самому себе, что ненавидел молодого короля за то, что ошибся в нем. Семью Арвина найти так и не удалось, хотя искали по мирам очень настойчиво: им нужен был наследник. Род королей Ваду не должен прерваться!

Ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш....

Змеей в голове прошелестело: «Опасссносссть...»

Вот тебе и образцовый городок!

Второе нападение за день. И где? В городской башне инквизиторов. Похоже, мир сошел с ума.

Жалко Тень. Ямин был очень, очень полезен. Дело свое знал. Но что уж теперь...

Шонн Рамм опустился на колени перед распахнутой дверью кабинета. Коснулся руками холодных каменных плит. Замер.

Вода... Она была повсюду: рассыпалась каплями по полу, впиталась в стены, ловчей сетью притаилась на потолке.

— Учитель?

От голоса Марка за спиной Шонн Рамм вздрогнул. Поднялся.

— Кажется, я понял, кто баламутит этот несчастный городок.

Марк, молодой человек, которого привели, и караульные посмотрели на представителя столичной инквизиции с недоумением.

— Все потом, — Шонн Рамм жестом приказал убрать подозреваемого куда подальше и развернулся к Марку, — Посмотри внимательно. Что ты видишь?

Ученик долго вглядывался через порог.

— Ничего, — сказал он наконец.

— Городского инквизитора сюда, — приказал Шонн Рамм. Недовольно поморщился. — Надо бы мэра, наверное. Но как представлю, сколько будет воя... Да и тащить такую махину в башню людям будет тяжело.

Старый инквизитор, равнодушный ко всему, с потухшим взором, производил тягостное впечатление.

— Прошу вас, — кивнул Шонн Рамм, приглашая хозяина зайти в свой бывший кабинет.

Брат Ульм очнулся, словно ото сна. Вопросительно посмотрел на Рамма. По канону, он просто не мог пройти куда бы то ни было вперед Светлейшего. Сделай он такую оплошность, и его казнят! Так...за что же...

— Я сказал: «Прошу»! Живо! — Рамм сжал зубы от гнева, пропуская несчастного вперед.

Гул, резко перешедший в шипение, короткий вскрик. И старый инквизитор бездыханным валится на пол.

— Что... это? — Марк медленно поднял на Шонна глаза.

— Это, мой ученик, магия стихий. Редкостная скверна из другого мира. К нам пожаловали маги из Империи!

...

— Ты уверен?

Милорд Милфорд смотрел на Арвина. Имперец никак не мог понять своего истинного отношения к этому человеку, однако прекрасно понимал, что сейчас они на войне. В одной связке. А значит все сантименты, симпатии и антипатии — в сторону. Но где-то в глубине души водный маг все же чувствовал некое...Родство душ? Возможно...

— Уверен. И готов. Идите. Уйдите все — я должен остаться один.

Маленькая комнатка. Жесткая кровать. Арвин посмотрел на присутствующих, медленно опустил капюшон плаща так, чтобы тот закрыл все лицо.

— Недд! Останься с ним. Мало ли что, — Шурр бросил на Арвина беспокойный взгляд. — Идем, — обратился он к Милфорду.

...

Шонн Рамм со вздохом облегчения опустился на кровать. Тяжелый день. Камин горел, но все равно — холодно. Песок. Песок шелестел по городу, и этот тихий шорох не давал инквизитору покоя. Надо бы раздуть огонь посильнее, но сил нет встать.

Наверное, он уснул. Перед глазами весело плясало пламя камина. Вдруг огонь погас. Песок! Засыпал камин, поднялся серым облаком, в пепле которого появилась фигура в сером плаще. Мужчина медленно поднял голову, и инквизитор вскрикнул:

— Арвин!

— К вашим услугам, Светлейший. Простите. Без приглашения...

— Что...Что тебе нужно?

— Хотел спросить. Как вы живете с тем, что вы — маг?

Шонн Рамм подскочил на кровати, закрыл лицо руками, потер лоб. Надо же... Присниться же такое! Инквизитор огляделся, и...установился на короля Арвина, безмятежно сидящего в кресле у догорающего камина.

Короткий замах — и в изгнанного короля полетела пара метательных ножей. Оружие прошло сквозь, не нанеся никакого вреда. Один нож отскочил от каминной полки и со звоном упал на пол. Второй — попал прямо в углы.

— Какой нерадушный прием вы оказываете своему повелителю, — насмешливо протянул Арвин.

— Слушайте, — Шонн Рамм попытался взять себя в руки, — убирайтесь-ка отсюда. У меня и так, не без вашего участия, как я полагаю, был тяжелый день. Где вы взяли этого сумасшедшего водного мага? Теперь я понимаю, почему мы его так и не поймали. Магия нэйро в вас необыкновенно сильна.

— Вы и представить себе не можете, как меня это радует.

— Имперцы притащили вас в Ваду? Странно. Это... Это невозможно! Вас поддерживает кто-то еще. Кто?

Арвин рассмеялся.

— Занятно, — инквизитор заставил себя улыбнуться.

Несколько секунд Рамм пристально рассматривал Арвина. От бывшего отпрыска Эйша с заблокированной магией не осталось и следа. Магия вступила в силу. Она текла сильным, мощным потоком, дрожа от сладкого предвкушения мести...

— Вы очень изменились с тех пор, как я видел вас в последний раз.

Король в изгнании посмотрел на инквизитора:

— Можно подумать, вы стали свежее выглядеть за эти десять лет.

— Не без того... Годы. Заботы. Так...что же угодно Вашему Величеству?

— Мне угодно, чтобы вы ответили на один вопрос. Вопрос, который мучит меня все это время.

— И почему я должен это делать?

— Любопытство. Причем до такой степени, что вы даже не зовете на помощь. Кстати, вам не интересно узнать, кто навел морок?

— Если я отвечу на вопросы — вы мне об этом расскажете?

Инквизитор и король улыбнулись, слегка склонив голову в знак того, что оба принимают правила игры.

— Отчего меня не казнили? — вдруг спросил Арвин.

И, неожиданно для самого себя, инквизитор сказал правду:

— Кровь короля вызывает к мщению. Это колоссальный выброс энергии. Магическое потрясение такого уровня очень сложно контролировать. Ни я, ни Верховный, ни исполнители этого бы не пережили.

— Странно. А мой отец?

— То была хорошо подготовленная интрига. Ведь короля убили маги — и он это знал. Следовательно, на кого пало возмездие королевской крови? Правильно, на заговорщиков.

— В моем случае такой многоходовки было не предпринять?

— Времени не было. Раз. И потом... Вы в отличии от старого Эйша слишком хорошо представляли себе, кто ваш враг.

— А песок?

— Сразу, как вы исчезли, он стал засыпать Ваду. Мы пытаемся понять, какое заклятье используют проклятые маги... Как им это удастся. Но — пока безрезультатно. Единственно, что точно известно: песок идет со стороны Рассветных Гор. Это порождает всплеск появления магов.

— Устали? — издевательски бросил король.

— Это наш долг.

— А если песка все больше и больше потому, что сам мир устал от жестокости?

Шонн Рамм рассмеялся.

— Вы же сами понимаете, что это — глупость.

— Отчего же?

— Власть всегда жестока. И если вы этого не понимаете, хорошо, что вы так и не стали королем.

Арвин вздохнул:

— Моя вина в том, что я отказался. Струсил. Посчитал себя недостойным. Обиделся на то, что Ваду меня отвергло.

— Что же изменилось теперь?

— Вы не поверите, но сама земля призвала меня. Она не хочет гибнуть.

— Вы были просто слабым. А стали сумасшедшим.

— Возможно...

В неярком свете камина инквизитору показалось, что король на мгновение превратился в зверя. Безжалостного, опасного хищника, обезумевшего от сладкого запаха человеческой крови...

Руки короля сжали подлокотники кресла, превратившегося в гору

песка. Смерч поднялся к потолку, засыпал огонь в камине, и Рамм стал задыхаться. Песок...Песок! Песок!

— Нееет! — хрипел инквизитор, пока Марк безуспешно пытался влить в учителя хотя бы глоток воды.

— Учитель! Пожалуйста...

Рамм оттолкнул Марка, стакан отлетел к камину, вода зашипела на раскаленных углях.

Инквизитор тяжело дышал, когда очертания комнаты, наконец, стали принимать обычный вид. Кресло. Пламя камина. Песка нигде не было. Не было и короля...

Предсмертный крик сожженной Ведьмы, его провели! Провели, как мальчишку...Его! Инквизитора! Самого сильного нейро Ваду после Айша. Это могло означать только одно. В Ваду — нейро рода Эйшев...

— Учитель...

— Да, Марк.

— Башня инквизиторов в огне. Все, кто был там — погибли. Люди ждут Вас...

Глава 12

Глухое эхо торопливых шагов, скрип покосившейся от времени двери.

— Живее! Время!

Увидев имперского мага, Недд выдохнул: свои. Затем снова посмотрел на Арвина...

Игры с представителем столичной инквизиции не прошли для нейро даром. Его била дрожь. Непослушными, будто деревянными пальцами король тщетно пытался плотнее завернуться в плащ. Весь в испарине, глаза прикрыты, рот скривился в безумной усмешке, кровь на растрескавшихся губах.

— Время, Недд! У нас все расписано по минутам! — Милфорд запнулся, оценив состояние Арвина.

— Эдвард, — улыбка короля в изгнании стала шире, в лихорадочном блеске расширенного зрачка читались гордость и злоба. — Я почти его достал! Рамма! Мне чуть-чуть не хватило, чтобы... уничтожить... Чуть-чуть... Рамма! Уничтожить его! Я...я...я...

Голова нэйро беспомощно упала на грудь.

Милфорд с трудом проглотил ругательства из мира Таи. Они наиболее точно подходили к данной ситуации. Так же пришлось побороть желание ударить «союзника». Весь их хитроумный план летел в Кентерберийские болота, потому что это... «величество» ...не смогло удержать себя в руках!

— Милорд Милфорд, — в комнату заглянул второй имперец, спасенный накануне. — Пора! Надо уходить!

Недд беспомощно смотрел то на имперца, то на Арвина. Милфорд вздохнул: мальчишка же еще совсем. Немногим старше сыновей Вероники. Ему бы учиться в Академии, а не в лесу в настоящей войне участвовать...

— Так, — скомандовал начальник имперской контрразведки. — Бери своих людей — и на площадь. Мелькать у всех на глазах. Как договаривались — обеспечивать себе алиби. Магическое пламя тушить! С прилежанием!

Парень поднялся, кивнул. Но все-таки перевел взгляд на Арвина.

— Им займется Барнс, — Милфорд положил руку Недду на плечо.

— Но...

— Барнс! Тащи его в подвал. Бери Цумма, Ирис, остальных — уходите под землю. План, куда идти, у кого?

— У Арвина. Он их должен был сопровождать!

— Бегом!

— Но как же вы один, милорд?! Без подстраховки!

На огненного мага бешеной синевой сверкнули глаза, да так, что он, уже не споря, подчинился. Вскинул на плечо нэйро, мысленно пообещав избить того до полусмерти...

— Только в себя приди, ваддовская зараза! — отлетело от полутемных стен.

Милфорд вздохнул. Пора.

Вперед, наверх, к чердаку, выбраться через слуховое окно, аккуратно — черепица-предательница хрустит под ногами — добраться до конька крыши. Пригнуться, чтобы не заметили. Нельзя выдавать дом, в котором скрываются! Вниз по скату крыши. Перебраться на другую. Хорошо, что в этом городке дома расположены вплотную друг к другу.

Еще один дом позади. Еще. Поближе к балкону. Отсюда смотрели на казнь мэр и лже-Шонн Рамм.

Особняк мэра был выше остальных домов, но Милфорд, собрав все силы, преодолел и этот путь. Не использовать магию. Как на учениях. Все-таки бои без использования магии — хорошая практика. Ни в коем случае нельзя ей пренебрегать в Академии! Юные маги должны... Стихии! О чем он только думает?! Об улучшении педагогического процесса? Самое время, ничего не скажешь... А с другой стороны — лучше об этом, чем о том, что он, может быть, не выберется живым...

Все. Готово. Посидеть с минуту, привалившись спиной к скату крыши. Восстановить дыхание. И... подняться во весь рост, обозревая дело рук своих.

План, действительно был хорош. Пока Арвин отвлекал Шонна Рамма, Шурр устроил побег арестованным, которых держали в башне инквизитора. Милфорд и Барнс подожгли башню. Показательно, чтобы разозлить представителей столицы и заставить побегать за имперцами глухой ночью.

Пока Арвин сопровождает спасенных по подземным убежищам, имперцы водят за нос погоню. И все замечательно! Таким был их гениальный план. Безупречным...

Магический огонь, сотворенный Барнсом, полыхал на славу! Горели не только деревянные перекрытия, горели сами камни! Огонь словно ждал, пока стихийник преодолеет наконец крутой подъем, выпрямится во весь рост, и ... Загудел яростно, всепобеждающе. Башня инквизиторов рухнула. Милфорду послышался человеческий стон — сколько боли и страха, сколько предсмертных криков хранила она.

Люди внизу, что носились с ведрами и баграми, бросились врассыпную. Огонь, повинувшись приказу, начал медленно утихать. «Не так быстро, Барнс... Не так быстро...».

Несколько минут ничего не было видно — лишь черный, густой дым. А потом, в свете факелов, которыми размахивали в темноте испуганные стражники, Милфорд заметил инквизитора.

Шонн Рамм стоял, не шелохнувшись. Песок, смешавшись с копотью и дымом, серым пеплом заносил сапоги инквизитора. Мужчина ушел в землю почти по щиколотку. Казалось, земля пытается поглотить Светлейшего, чтобы потом, болея, изрыгнуть наружу ядовитым растением. Солнце поможет сжечь его, и тогда мир, наконец, вздохнет.

— Посмотри вверх! — мысленно приказал Рамму имперец. — Ну же!

Шонн Рамм поднял голову, к удивлению водного мага, который магией нейро не обладал.

— Вот так! — рассмеялся имперец и сбросил маскировку. Пальцы защекотало от родной магии воды, он вдруг понял, насколько придавливала к земле необходимость скрывать ее.

Рука потянулась за арбалетом. Посмотрим, на что способна местная техника...

Переждав сильный порыв ветра, от которого пригнулись все на площади, маг плавно спустил рычаг: «Не убить! Ранить, но не убить!»

Убивать Шона Рамма было пока нельзя. Смерть одного из самых влиятельных инквизиторов привлечет излишнее внимание властей к небольшому городку около Рассветных Гор. Жаль что Арвин, охваченный ненавистью, забыл об этом.

Болт чиркнул рядом с плечом представителя столичной инквизиции.

Милфорд был готов к атаке и даже ждал ее, но магию нэйро все же недооценил.

Боль приказала замереть, и маг, к удивлению своему, покорился. Нечем было дышать, не за чем было думать. Куда он хотел бежать? Зачем? Все уже закончилось. Только ветер. Ветер и песок. Песок...

Вдруг ветер взвыл с новой силой, песок бросился в лицо, заставляя прикрыть глаза.

Ничего не помогало! Он знал, что глаза нельзя тереть, но руки сами потянулись к лицу. Жгло.

— Не дайте ему уйти! — раздался приказ снизу. — Брать живым!

Это послужило сигналом и самому Милфорду — он бросился бежать.

Скорее! Скорее!

К городской стене, где не должно было быть стражи, зато были крюки

с веревкой, чтобы перебраться через стену.

Чувствовал спиной нарастающий шум погони. Так загоняют зверя... Интересно, зверь тоже чувствует... спиной?

Враг был опытен. Ни суеты, ни криков, лишь размеренный топот сапог. Нетерпеливые всполохи факелов. Инквизиторы знали, куда бежит имперец. Выглядело это так, словно они вместе с ним составляли план отхода. Часть преследователей гнала его по крышам, часть — по узким улочкам внизу.

На стене, где, по подсчетам их маленького отважного отряда никого не должно было быть, имперца встречали воины. Четверо. Взвизгнули арбалетные болты. Стражи, похоже, решили не обращать внимания на приказ брать живым.

Защита лесных магов не подвела. Раздались крики боли — болты вернулись к тем, кто их выпустил, а следом в нападающих полетела пара метательных ножей. И еще одна!

Магией Милфорд не пользовался — опыт поединка с Неддом научил забыть о ней.

Ножей больше не осталось. Пора уходить! Лязгнули крюки о камень, зашипела, распрямляясь, веревка. Милфорд перелез через стену, и, стал спускаться, отталкиваясь ногами от камней. Он почти успел, когда понял, что на стене появились преследователи. В голову лениво вполз мягкий, вкрадчивый голос: «Ты устал... Стой...»

— Не дожدهшься... — Милфорд разжал руки — не так уж было и высоко.

Сгруппироваться. Упасть. Перекатиться. Вскочить, и...бегом!

Жаль, нет коня... Маг вспомнил имперских лошадей. Сильных, откормленных, обученных, верных.

Те клячи, которых можно было достать у местных... Это было даже не смешно. К тому же, все животинки были наперечет — подводить под смертную казнь никого не хотелось.

У инквизиторов же напротив, лошади были — бешеный топот коней слышался все ближе и ближе. А ведь им пришлось ждать, пока открывали ворота.

Маг слышал, как позади него захлебывались ненавистью собаки. И совсем близко, казалось, уже почти добежал — серебрилась река в неясном свете луны. Вот она! Вот... Вот...

Только бы успеть! Бросить тело в спасительную, родную стихию. Она укроет. Она не отдаст.

Собаки бросились наперерез. Песок кружился, клубами поднимаясь от

собачьих лап, заставляя животных хрипеть от злости и зуда. Милфорд хлестнул водяными плетьюми.

Лай. Визг. Хрипы. Крики. Ржание. Имперец рванул вперед. К реке — последней надежде на спасение.

Внезапно стало очень тихо. Он...оглох? Милфорд чувствовал, что задыхается — если выберется, обязательно уговорит Швангау сделать защиту от мерзкой магии нейро...

Поднырнуть под ноги коню. Стихии...почему так тихо?

Правильно, умное существо! Встаешь на дыбы! Из ноздрей лошади валил пар, животное заржало, обнажив зубы, но маг не услышал ни звука. Кувырок. Схватить за повод, другой рукой дернуть за плащ всадника.

Лошадь рухнула под градом болтов еще до того, как сделала несколько шагов. Удар о землю. Теперь было не только тихо, но и темно...

Пришел он в себя, когда кто-то с ненавистью дал ему ногой под ребра и завопил:

— Собаки, ваше святейшество! Эта тварь погубила моих собак! — надо же, звуки вернулись...

Он слышит. Это хорошо. Попался в лапы инквизиторов — это плохо. Очень плохо...

— Спокойно, Альм. Он заплатит... За все заплатит.

Милфорд попытался подняться. Понял, что на него накинута ловчая сеть. Чувствовал, как уходит сила...

— Для борцов с магией у вас слишком много магических приспособлений, — маг поднял глаза на инквизитора и грустно улыбнулся, ощущая себя немощным стариком.

— Вот когда мы будем тебя допрашивать, ты сполна насладишься всеми.

— Шонн Рамм?

— Он самый.

— Милорд Милфорд. — Почему-то показалось уместным представиться.

— Не понимаю, на что вы рассчитывали. И главное — ради чего на все это шли? Но скоро мы все узнаем. Альм! Аль....А....ааааа.....

— Аааааааааа!

— Аааааааааа!

— Аааааааааа!

Плотный белый туман смешался с песком, но даже сквозь них Милфорд видел, как отчаянно бились в конвульсиях уходящие в вязкий ил собаки. Люди, которым от ужаса спазм сдавил горло, озирались

стеклянными от ужаса глазами — их тела медленно уходили под землю. Песок вокруг превратился в болотную топь.

Милфорд почувствовал холод. Чьи-то ледяные пальцы сжали запястье. Маг услышал, как кто-то поет, увлекая к реке.

Вода...Приняла, укрыла, успокоила. Он плывет. Куда? Туда, где он будет счастлив. Он забудет. Забудет кто он. Забудет откуда. Он будет плыть. Туда, куда плывут русалки. Туда, куда зовет река...

Глава 13

Листья тихо шептались с песком, что медленно прибывал, засыпая цветы и траву. Он окрасил прозрачную воду в ручьях, забился в щели коры деревьев, отчего стволы стали похожи на змеиную кожу. Лес был не рад песку, но выбора не было. Люди были не рады песку, но выбора не было. Со временем все живое в Ваду сроднилось с тихим шорохом, серым цветом и запахом пепла.

— Вы! Вы притащили нас сюда! А теперь.... Как вы могли оставить Эдварда в беде?! Мы же пытались вам помочь! — Тая сжимала шпагу, не в силах сдерживать злость, что рвалась от обиды и страха наружу.

Шпага сияла так, что глазам было больно смотреть. Странно...Солнца нет, оно скрыто за облаками летящего песка, а лезвие горит белым огнем. И руку жжет...

Серый песок Ваду крутился крошечными смерчами возле ног. Перед бледным как смерть Эйшем шипел манул, выпустив веером когти.

— Ты права...Я виноват, — тихо произнес мужчина, не делая попыток защититься.

— Если с ним что-то случится, — у девушки перехватило дыхание.

— Я...поддался ненависти и нарушил первоначальный план действий. Это привело к тому, что Эдвард оказался в опасности.

Командир лесных разведчиков Недд, Шурр и остальные жители лагеря смотрели на Арвина с пониманием — если бы им представилась возможность убить одного из трех главных инквизиторов Ваду... Вряд ли бы кто-то из них смог удержаться! Вот только...За что этому пришлому мстить Шонну Рамму? Непонятно. Но вопросов никто не задавал — все понимали, что сейчас лучше молчать.

Страх потерять дорогого человека. Страх смерти. Это чувство поселилось в сердцах жителей Ваду незаметно, как песок, от которого никуда не деться. Все понимали. Правда, их женщины выли ночами, пряча слезы и горе в себе. Их женщины не лезли в мужские дела, не носили штанов и не размахивали шпагой, но...Это ж пришлые. Каждый горе переживает по своему. Перед лицом Смерти негоже заводить разговор о порядках и обычаях. Пусть...

Женщины же посматривали на Таю с явным осуждением. Женщина не должна хвататься за оружие, да еще и поднимать голос на мужчину! К тому же лес... он шума не любит. Пусть ее мужчина пропал... Все равно кричать

— не дело. Здесь у каждой второй горе в сердце. Что теперь?

— Надо успокоиться. Если милорд Милфорд добрался до реки — ему удалось уйти, — Барнс попытался положить руку на плечо Таи, но та ее сбросила.

— Если? — зашипела она. — Если?!!!

Имперец поморщился при виде девицы, которая приняла стойку и направила острие прямо ему в глаза. Его раздражало, с каким апломбом это несносное существо держалось.

— Милая... — начал он.

— Я вам не милая!

— Хорошо. Пусть так. Но только мой вам совет: не стоит брать в руки оружие, если не умеете с ним обращаться и уж тем более не готовы им воспользоваться.

— А с чего вы решили, что я не умею?

Тая с силой рассекла воздух перед собой:

— Вытаскивайте свою шпагу, милорд! Я покажу вам, что умею, и на что готова. А потом мы с манулом пойдем искать Эдварда. Все равно от вас всех толку мало!

Тонкая рука Ирис опустилась на плечо мужчины. Барнс прижал ее плечом к щеке:

— Не переживай. Ничего я этой нахалке не сделаю.

Широкий замах, резкий шаг вперед. Имперец пошел в атаку. Он двигался резко, с широкой амплитудой, но при этом очень и очень аккуратно, рассчитывая в основном просто произвести нужное впечатление. Не хватало еще серьезно ранить девчонку. Или, не дай Стихии, попортить ей личико: явно же любовница милорда.

Так. Тихо...Тихо... Оцарапать плечо, чтобы сбить боевой настрой. И поубавить спеси. Ну же!

В том месте, где он планировал, девчонки уже не было. Она, верно оценив весовые категории, ежесекундно меняла траектории, углы атаки. Не давала поймать себя в силовой захват. И уходила, уходила... Звенели, едва касаясь друг друга клинки. Противники танцевали до тех пор, пока острие шпаги чкори не коснулось его горла.

— Достаточно? — спросила фехтовальщица, даже не запыхавшись. А про себя подумала: как хорошо, что удалось вытребовать себе мальчишеский костюм. В платье она бы долго не продержалась.

Мужчины и женщины молчали. Хмурились. Зато дети были в восторге! Ума и Урл, что отдал пришедшей по ее просьбе свою одежду, взявшись за руки, с гордостью смотрели на остальных, почему-то чувствуя

свое превосходство.

— А попросить ее — научит? — шепотом спросил у них какой-то мальчишка.

— Она хорошая и добрая! Мы все попросим! — шепнула в ответ Ума, но, поймав недовольный взгляд отца, осеклась.

Барнс был не просто удивлен. Имперец долго косился на острие приставленной к незащищенной шее шпаги, не веря своим глазам:

— Скажите, милая... Милорд... лично учил вас?

— Нет. Я сама по себе трудолюбивая и талантливая. И не называйте меня «милрой». Таисия. Для друзей, — девушка кивнула в сторону Умы, отчего у той заблестели от восторга глаза, — Тая, а для вас — Таисия.

— Очень приятно, — поклонился Барнс, после того как девушка все-таки убрала оружие.

— Вы со мной?

— В смысле?

— Мы с манулом уходим. На поиски Эдварда. В моем мире не принято бросать друзей в беде.

— Милорд Милфорд категорически запретил покидать лагерь, — Барнс смотрел на Таю раздраженно, но все же с гораздо большим уважением, чем до поединка, — в моем мире выполняют приказы старшего по званию неукоснительно ми... Таисия.

Имперец слегка склонил голову, смотря девушке прямо в глаза.

— Милорда не захватили, — Недд покачал головой. Говорил он громко, так, чтобы все слышали, но ни к кому конкретно парень не обращался. Он как будто говорил сам с собой. — Инквизиторы и солдаты, что гнались за ним, исчезли. Словно под землю провалились!

— Он жив, девочка! Жив! Вот... послушай... — из-за деревьев вышел Зорго Цум.

— Музыка, — тихо сказал старик, медленно обводя присутствующих взглядом, — музыка она... Она знает! Она... чувствует...

Старая скрипка легко взметнулась вверх, уютно устроившись на плече маэстро. Цум прикрыл глаза, поднес смычок к струнам, и по лесу поплыла мелодия.

Она не была ни веселой, ни грустной, эта удивительная, едва слышная песня. Песок, прижавшись к земле, медленно пополз поближе к удивительному скрипачу — так лучше слышно. Глаза женщин заблестели от слез, мужчины зачем-то снимали шапки и капюшоны, манул лег, положив голову на толстые лапы. Барнс обнял Ирис.

Туман. Густой белый туман заполнил пространство между деревьями,

и вместе с ним пришли русалки — жительницы рек и озер. Это были женщины удивительной, неземной красоты с зеленоватой кожей и длинными белоснежными волосами, скрывающими их обнаженные тела.

Русалки слушали Цума.

Все настолько поддались очарованию мелодии, что не сразу заметили, что произошло.

Серые плащи лесников мгновенно покрылись росой. Стало холодно. Песок намок, костры с шипением погасли...

Цум доиграл свою песню, опустил скрипку, с которой стекала роса. Вдруг его лицо озарила такая светлая, такая радостная улыбка, что все немедленно повернули головы туда, куда смотрели мокрые от слез глаза музыканта.

— Милорд! Вы живы! Я...я верил...Нет, я знал! Музыка...Это — ваша музыка, милорд!

— Спасибо, дружище. Она прекрасна.

— Эдвард!

— Все хорошо...Все хорошо, — Милфорд обнял одетую в мужское платье девушку, и все замолчали, не смея им мешать.

Когда Эдвард, наконец, мягко отстранил Таю от себя, он поклонился девушкам, что прятались в белом тумане:

— Спасибо! Спасибо вам...Вы спасли мне жизнь, и я у вас в долгу. В этом мире вам ничто не грозит, я позабочусь об этом.

Ответа не последовало. Туман стал медленно исчезать, вместе с русалками.

— Береги его...В следующий раз не отпустим! Оставим такого красавчика себе! Ха-ха-ха-ха-ха....

Тая вздрогнула. Она уже видела это лицо! Тогда, там, в реке! Русалки...Надо же! Местные жители Ваду, судя по застывшим в ужасе лицам, даже не догадывались об их существовании! Впрочем, и в ее мире русалок считают сказками, игрой воображения. Хотя...Если внимательно почитать все, что есть в библиотеках на эту тему, не так уж все и однозначно.

Тая вспомнила, как жила раньше. Читала о магии. Вздыхала о том, что ее в реальном мире не существует. Писала стихи, в которых чувствовалась тоска по волшебству. И — вот оно! Параллельные миры, волшебный кот, принц с белой косой и острой шпагой! И что? Она дышать без него не может, а он чуть не погиб... И вообще. Существует ли он на самом деле? А вдруг это все...исчезнет? Или он возьмет и влюбится в одну из этих русалок? Вон они какие... Красивые! Аж дух захватывает...

Костры разожгли, разделили поровну лепешки и похлебку из рыбы. Дети, не сговариваясь, уселись поближе к Тае. Все слушали рассказ Милфорда:

— Песок на берегу превратился в болотную топь. Уверен, это магия водных существ. Вообще русалки — существа своенравные и независимые. Они делают лишь то, что хотят. Либо им симпатизирует то, что моя стихия — вода, либо они действуют по чьей-то просьбе. Возможно, это привет из Империи. В свое время мы спасли мир, в котором жили русалки, от неминуемой гибели. Теперь он под нашей защитой.

— Мы их раньше здесь не видели, — покачал головой Шурр.

— Это не удивительно, — ответил водный маг, — русалки скрытный народ. Они есть во всех мирах, но далеко не в каждом показываются на глаза местным жителям. То, что они решили не показываться в Ваду, вполне объяснимо.

— Ха-ха-ха, — Шурр негромко рассмеялся в густую бороду и уже серьезно спросил, стряхнув крошки с колен. — Что с Раммом?

— Точно не знаю, но больше чем уверен, что жив. Он и его оруженосец слишком сильны...

Тая никак не могла вникнуть в то, о чем говорил Эдвард. Она просто слушала любимый голос, шалея от того, что он звучит.

«Жив, жив, жив!» — трещали ветки костра.

«Жив, жив, жив!» — шептал песок, что уже почти высох.

«Жив, жив, жив!» — звенел в исчезающем тумане смех русалок...

— Я смотрю, теперь вы — кумир подрастающего поколения! — к Тае подсел Барнс, и, протянув ей кусок лепешки, добавил, — Таисия... Простите меня. Вы правы, я вел себя не вежливо. Был слишком самонадеян и явно недооценил ваш потенциал. Но... Предлагаю свою дружбу.

— От настоящей, искренней дружбы не отказываются. Буду рада, — сдержанно ответила девушка, не отрывая взгляд от пляшущего пламени.

— Я вот о чем подумал... А что если нам попробовать обучить лесников фехтовать?

— Хорошая мысль, — Тая оживилась, — но почему только мужчин? А как же женщины? Среди них могут быть способные, с хорошей реакцией. И дети! В детстве лучше усваивается. Вырастут — им будет легче.

— На счет детей вы правы. С педагогической точки зрения. С другой стороны, насколько это целесообразно в сложившейся ситуации... Что касается женщин, боюсь, мы столкнемся с категоричностью местных нравов.

Тая лишь пожала плечами. Лесники еще долго сидели, пока, наконец, почти все не разошлись на ночлег, тихим шепотом пожелав друг другу спокойной ночи.

Костер почти потух. Они с Эдвардом просто сидели рядом, наслаждаясь тем, что их сердца бьются в относительной близости друг от друга. Этого было достаточно. Страх. Страх потери еще не отпустил. Он тоже сидел рядом, напоминая, что их приключения еще только начинаются, и каждый следующий день может стать последним...

— Прости, что напугал. Я думал о тебе. И знай, я сделаю все, чтобы выжить. Ради тебя. И ты. Пожалуйста, обещай беречь себя.

— Хорошо. Я тоже сделаю все, чтобы выжить. Ради тебя. Вот только... Только без тебя я жить не смогу. Если я тебя...потеряю...Тогда...

Он схватил ее на руки, и понес в лес, крепко прижимая к себе. В его руках было так хорошо. Спокойно. Вокруг... Что...что это?

Перед ними засеребрился песок, как будто указывая путь. Смех. Между деревьев, то тут, то там, мелькали белоснежные ручейки волос. Русалки!

— Пойдем! Они не обидят, — Милфорд бережно опустил девушку и крепко взял ее за руку.

— Эдвард...А может...ну их, а?

— Ревнуешь?

— Что?!

— Ревнуешь, говорю.

— Еще чего!

— Правда? Тогда догоняй!

Они бежали, догоняя друг друга, вслед за серебристым песком, а тот петлял меж деревьев, уводя вглубь леса, пока, наконец, не вывел к реке.

Русалки манили рукой, плавая вокруг лодки. И где они ее взяли? Не сговариваясь, пытаюсь дышать ровно после бега, чкори и водный маг забрались в лодку.

Русалки плыли рядом, толкая лодку перед собой. Пахло свежей смолой. Над головой плыли звезды.

— Эдвард! Они хотят нас убить!

— Почему!

— Смотри, они гонят лодку к водопаду!

— Не бойся. Сейчас, — маг взмахнул рукой, и вода расступилась.

А там, за водопадом... Рай! Тая сразу подумала, что так, должно быть, выглядят сады Эдема.

Прозрачная вода, белоснежные лилии, мерцающие перламутром

берега, водопады горячей воды! Один такой она уже видела в пещере.

Русалки разделились на две группы и повели влюбленных в разные стороны.

— Что вы делаете? — дернулась девушка.

— Не бойся! Мы тебя причешем! Вплетем в волосы жемчуг, сплетем платье из лилий и лунного света! Ты — с мужчиной. Это место называется «Сон любви». О нем никто не знает! Только мы, только мы, только мы....Мы хотим вас поженить! Пойдем! Мы спасли твоего мага, и теперь будем играть!

У Таи зазвенело в ушах от тысячи тоненьких, звонких голосов. Хорошо, что в лесу они молчали. Ей не очень нравилась вся эта затея, но она была очень благодарна этим удивительным созданиям за то, что они спасли Эдварда. Побывать их игрушкой за такую услугу — не велико одолжение, в конце концов...

Ловкие руки расплели ей волосы, каким-то чудом рассыпав по локонам мелкий речной жемчуг. Платье и правда было из лунного света! Мерцало и переливалось, щекотало прохладой кожу, а на талии красовалась огромная белая лилия.

А потом все исчезло. Только его глаза, в которых были любовь, восхищение, нежность. Только шум водопада, огоньки звезд, запах лилий и тепло его тела.

Пожалуй, она поспешила разочаровываться в параллельных мирах, магии и принцах...

Глава 14

Снег падал на серебристую шерсть, крошечными светлячками исчезая в черной дыре узкой полоски зрачка.

Глаза у него...Синие. А звезды над головой!

Миро понятия не имел, где находится, но ни в одной известной ему части света на Земле такой красоты не видел...

А ведь он где только не был. Афган... Да, это было в Афгане.

Задание по вербовке одного из главарей. Их предали. Их ждали...

Скоротечный жестокий бой, залп миномета, грохот камней над головой. А потом — тишина, болью разрывающая голову, и одна мысль: кто придет первый — душманы или свои?

Контузия... Как же он...Забыл?

— Ну...здравствуй, что ли? — рука исчезла в призрачном тумане, пальцам стало прохладно и...щекотно.

Он мало что помнил.

Осознание того, что он один выжил в том аду, пришло много позже. А этот... Серебристый, с огромной головой и синими глазами, все лизал его руки, и сквозь туман были видны горы, небо, звезды... Не такие красивые как сейчас, но очень похожие.

Ну что...Приехали мы с тобой, Мирослав Петрович. Старые раны, понимаешь. Конечно, нервы. Тая вон...пропала.

Интересно, что с ним? Гипертонический криз? Инфаркт? Только бы обузой не быть никому, Господи милосердный. А может, все уже? Может, представился он? Как же так...Он ведь дочь не нашел! И Рузи не встретил. Нет ее тут, души родной. Неужели не помиловали его настолько, чтобы дать свидеться? Хоть бы на мгновение...

Что-то горячее капнуло на руку. Надо же, от слезы — пар, а ему не холодно. Может, рано он расклеился, а? Не спускался к нему луч золотого света, не летел он через тоннель, как рассказывают. Хотя, что там рассказывают? Все только теории, предположения. Ничего-ничего... Ничего. Повоюем еще, даст Бог. Вот уйдет эта его... галлюцинация... Ну, ты уж, брат, прости. Прости...На правду не обижаются. Ишь какой, а? Красавец! Как есть красавец! Так вот о чем это я? Ах, да. Вот уйдешь ты и надо будет к Станиславу Адамовичу, значит...На консультацию.

Он вспомнил Зару. Нехорошо, конечно, получилось. Родственница все-таки. И Рузи ее любила, хотя она его троюродная сестра. Только они с ней

общего языка никогда не находили.

А Станислав Адамович человек высочайшей квалификации. Сколько контуженных через его руки прошло!

Вспомнил, как первый раз обратился к психиатру с просьбой. Сделали все незаметно, встретились в кафе. Только Зара сразу все поняла. Поняла и спорить не стала. Согласилась лечь в клинику. Он носил ей краски, холсты, кисти — все, что просила. Станислав Адамович не запрещал, даже наоборот, приветствовал:

— Живопись это прекрасно, Мирослав Петрович, прекрасно! И воздух у нас свежий, все-таки сорок километров от города. А сестра ваша, Мирослав Петрович...Ну что могу сказать. Конечно, окончательные выводы делать пока рано, но...

— Станислав Адамович...Не томите. Я человек военный. Докладывайте. Четко и ясно.

Солнце светило в то утро отчаянно, радостно, будто издевалось, честное слово. Что-то было в том, как падали солнечные лучи на белый халат, как от листьев на нем играли тени. Что-то тоскливое. Как волчий вой лунной ночью. «Человек-волк» всплыло в памяти. Кажется это связано с Фрейдом. Человек-волк. Интересно, почему все, как только видят психиатра, вспоминают Фрейда? Или это только так кажется невеждам вроде него? Он-то об этом почитай ничего и не знает. Были у них конечно лекции. Вводные. Общий курс. Только не помнит он ничего. А все равно крутится: человек-волк...

— Ну что ж... Как я и сказал, окончательные выводы делать пока рано, но явное диссациативное расстройство вкупе со сверхценными идеями на лицо. Вашей родственнице сейчас необходимы покой, регулярный режим сна и питания, свежий воздух. Как видите, все это у нас есть. Однако поддержка близких необходима не меньше. Зара спрашивала о племяннице. Может быть, навестите ее вместе с дочерью?

— Девочка приходит в себя после смерти матери — ей такие потрясения не нужны. В следующий раз, Станислав Адамович. Спасибо вам!

Они попрощались.

Миро шел по парку, мимо бледных, виновато улыбающихся больных, прячущих подрагивающие пальцы в рукава клетчатых пижам. Он старался не смотреть им в глаза. Ему казалось, что все они шепчут про себя:

— Как же так? За что ты ее? Ты же знаешь, что другие миры существуют! Ты знаешь, Миро...Ты знаешь! Нам повезло меньше, наши родственники действительно не знают. Они считают нас больными.

Сумасшедшими! Но ты, Миро? Ты ...За что?

Полковнику хотелось закрыть голову руками, закричать, ему вдруг стало невыносимо жарко, сердце пустилось вскачь, он выбежал за территорию больницы и, тяжело дыша, опустился на скамейку.

Рузи умерла. Ее тело было передано имперцами с личными соболезнованиями императора. Что ему их соболезнования? Пусть...

И тогда он решил, что дочь он не отдаст. Никому. Никакой магии, Империи, чкори...Хватит! Таисия будет нормальным ребенком!

Сейчас она обычная девочка, которая любит мягкие игрушки, как все дети. Вон какого кота купили на прошлой неделе — серого, мохнатого, с пятнышками на макушке. Потом гуляли в парке, катались на карусели. И вот зачем она пришла? Сестра его? Будто из сизого дыма возникла...С трубкой, пахнувшей малиной, в цветастых юбках...Цирк! Зашептала про то, что это не просто кот, это дух-хранитель древней магии, и что когда Тая вырастет...ТЬфу!

Она вырастет, и будет ходить на дискотеки! Парней он если что приструнит, не зря же в органах работает. А сейчас, пока не выросла, он должен защитить ее от Зары! Любым способом...

Воспоминание вспыхнуло, будто падающая звезда, и тут же исчезло. Ночь. Звезды. Барс с синими глазами. Миро присмотрелся внимательнее. Ему кажется, или силуэт зверя почти растворился в лунном свете? Как будто он...исчезает. Прощай, галлюцинация. Даже жаль с тобой расставаться. Синие глаза вспыхнули на прощание...

— Прощай, Скользящий...Ты не принял меня, — метелью взвыло в голове чкори.

— Старый болван... Ты же убиваешь его!

— Зара?

Запах малины, стайка синеватых колечек танцует вокруг головы. Зара... Пижама, плед с бахромой, накинутый на плечи. Она как будто стала ниже ростом. Морщин прибавилось...Он, наверное, тоже не помолодел за эти годы, но ведь это же лишь игра его воображения. Или...нет?

— Прими его, Миро. Неужели ты не чувствуешь? Этот зверь — твоя душа.

Да... Плохо дело, Мирослав Петрович, совсем плохо! Справится ли Станислав Адамович, вот вопрос. Хотя...На то он и психиатр, чтобы с его видениями разбираться, а он того...Устал немножко. Поэтому сам бороться со своими видениями не может. Сил у него нет... Так что...

— А ну иди сюда! Иди, иди, не бойся! Иди сюда зверь, иди ко мне! Ишь какой, а? Красавец!

Чем дольше он говорил, тем отчетливей видел барса, и тем больше понимал, что ни за какие сокровища на свете не расстанется с ним! Зара права. Он — его душа.

Рояль имперцев сильно отличался от инструмента, к которому он привык в графстве, но если немного привыкнуть и избавиться от песка...

Рэм любил играть. Любил побыть с инструментом наедине. В этом плане он полностью разделял страсть императора Тигверда. А посему император лично шепнул герцогу Реймскому, что рояль в полном его распоряжении.

С песком проблем не возникло. Он исчез, а на его месте появилась золотая копия Флоризеля.

Анук-чи лег на крышку рояля, опустил морду на лапы. Но не успел юный маг коснуться прохладных клавиш, щенок подпрыгнул, и стал носиться по зале, пытаясь поймать ворвавшуюся в зал сквозь марево портала огромную птицу из золотого песка.

«Какой красивый песок Анук-чи...Золотой! Совсем не такой, как тот, из Ваду. Тот больше похож на пепел», — мелькнула у мальчика мысль, и он понесся за щенком, лающим на галстука по полутемным коридорам дворца к покоям герцогини Реймской..

— Матушка, — Рэм поцеловал протянутую руку.

— Геральд...Этого... Лукьяненко нет уже сутки! Я не могу пробиться. Ты не только чкори, мальчик мой... Ты маг земли. Империя дала тебе много. Что есть, то есть... Помоги мне!

— Я?

Герцогиня смотрела на сына так долго, будто не видела целую вечность.

— Подойди...

Сын подошел, и женщина вдруг обняла его. Крепко. Взъерошила волосы, взяла его лицо в свои ладони, развернула к себе...

— Знаешь, этот человек...Лукьяненко. У него пропала дочь. А он так и не прочитал ее стихи... Ты пишешь стихи, Геральд?

— Не... ннет...

— А если бы писал, ты бы показал мне их?

— Мам... — Рэм осторожно, будто боялся что-то спугнуть, скопировал интонацию Пауля и обнял мать так, как это обычно делал его названный брат.

Герцогиня гладила сына по голове, изо всех сил стараясь, чтобы он не понял, что она плачет. Рэм пытался поднять голову, чтобы увидеть ее лицо,

но правительница герцогства Реймского держала крепко. Она будет учиться у женщины, что спасла ее ребенка. Она не повторит ошибок Скользящего, исчезнувшего неизвестно где. Но...Но слез ее сын не увидит!

— Мам... что я должен сделать?

Герцогиня быстро отвернулась, подошла к шкатулке, достала несколько мешочков. В одном лежала земля, другие наполнили комнату ароматом сушеных трав.

Где бы ни останавливалась герцогиня, ее покои немедленно превращались в царство отваров, шкатулок, свечей и благовоний. Императорский дворец не был исключением. Более того, он принял чужую магию, сгорая от любопытства и нетерпения! Рэм чувствовал это, считывая мраморную отделку стен. В камине стоял треножник с медной чашей. Пальцы Дарины порхали над ней, перебирая травы.

Комната наполнилась дымом, чкори нараспев читала заклинания. Рэм почувствовал ...силу! От нее кружилась голова, стучало сердце, кровь стала горячей, в горле пересохло, но...Это было прекрасно! Такого счастья он еще не испытывал! Вдруг нестерпимо, непреодолимо захотелось направить всю мощь этой силы, для того чтобы открыть портал.

Ему казалось, он наблюдает то, что происходит, со стороны. Вот мама вскинула руки, ее Анук-чи ринулся в открытый, вихрем вьющийся портал, а сама герцогиня что-то кричит, но он не слышит. Феликс, Ричард, Ирвин... Все что-то кричат, а он не слышит. Хорошо, что идет снег. Почему во дворце пошел снег не понятно, но он холодный. И это хорошо...

— Геральд открыл портал. Не знаю, как, но у него получилось. Я понимала, что удерживать портал мальчик не сможет. Видела, что он падает. Отправила Анук-чи за вами, и ушла искать Лукьяненко, — герцогиня Реймская говорила тихим, чуть хриплым от перенапряжения голосом, не сводя глаз с бледного сына, над которым склонился личный целитель императора.

— Хватит, Дарина! Не казни себя. Ничего не случилось. Ты все верно просчитала — только маг земли, в чьих жилах течет кровь чкори, и мог с этим справиться. Что было потом?

— Я нашла их в Пустоте. Попыталась вытащить, но...если бы не ...

— Надо будет, когда Рэм оправится, попробовать вытащить Милфорда — перебил Ричард.

— Ни за что! Геральд чуть не погиб! — отрезала герцогиня.

— Не преувеличивай, внушка. Мальчик твой сильный! Очень сильный...

— Кто вы? — Ричард смотрел на незнакомку.

Феликс и Ирвин заверили, что с герцогом Рэмом все будет в порядке, и принц Тигверд обратил наконец внимание на остальных. Пожилая женщина, что появилась во дворце вместе с господином Лукьяненко, который до сих пор был без сознания, выглядела странно, но вела себя вполне активно. Даже...жизнерадостно. Черные глаза блестели на смуглом лице. Женщина была полной, сгорбленной, в выцветшей пижаме и клетчатом пледе с бахромой, накинутом на плечи. В одном Ричард не сомневался — перед ним чкори. Остальное...

— Я его троюродная сестра, — женщина кивнула в сторону Лукьяненко. — Он меня в психушку сдал, бедный. А теперь вот, думаю, сам туда собрался!

Тихий смех незнакомки наполнил дворец, камин вспыхнул чуть ярче.

Женщина стала рыться в складках пледа, и наконец, неизвестно откуда извлекла курительную трубку.

— Не возражаете, а? Я ж смотрю, дворец тут у вас, — черные глаза пытались вобрать в себя каждую мелочь окружающей обстановки, чтобы не забыть. Как будто узника выпустили, наконец, на свет.

Женщина, не дождавшись никакого ответа от застывшего с открытым ртом Тигверда, подошла к камину, наклонилась, разожгла трубку и затянулась. С наслаждением, сощурившись от удовольствия.

— Ты что, сынок? Язык проглотил, а? Дворец у вас тут, говорю! Может, на балкон меня проводишь?

— Не беспокойтесь, — Ричард слегка поклонился, приняхиваясь к сладкому дыму.

Когда он был еще совсем ребенком, к ним приходил пожилой чкори, который тоже курил трубку. И хотя Ричард никогда не видел, чтобы женщины в империи курили, он почему-то чувствовал к этой странной старухе и доверие, и симпатию.

— Скажите...Что произошло с вашей точки зрения? — Ричард придвинул кресло к камину, и предложил гостье сесть.

Женщина уселась, затянулась трубкой и заговорила:

— Скользящие — сильный клан. Самый сильный. Клань лошади и змеи появились позже. Можно сказать, скользящие — прародители. Нас мало. И мы...Мы исчезаем. А потомки исчезающих кланов очень уязвимы. Попадают во всякие неприятности.

— Моя мама, когда была жива, думала, что Скользящие — красивая легенда, — прошептал Ричард.

— Правильно твоя мама думала. Мудрая видать была чкори, храни ее

Пустота! Мы легенда и есть. Наша сила может возродить целый мир! А может так забросить, что и не выберешься, ха-ха-ха... А хорошо пришлось нам попотеть с тобой, да дочка? — женщина развернулась в сторону герцогини, но та склонилась над Лукьяненко, который, казалось, начинал приходить в себя.

— Где... я...?

— Очнулся, старый дурень? — чкори выпустила в сторону Лукьяненко стайку синеватых колечек.

— Пейте, — герцогиня Реймская поднесла к губам мужчины кубок.

Дымящийся отвар пах горечью, глаза женщины напротив вливали силы, сверкали янтарными искорками, топили лед в сердце, кружили сидящую голову, как в детстве, на деревянной карусели в парке...

«Да...Засучи рукава, Станислав Адамович...Подкину я тебе вскоре работенку!» — подумал полковник и вновь провалился в мягкую, спасительную тьму.

— Так как вы все же выбрались? — настаивал Ричард.

— Так говорю же! Попотеть пришлось нам с дочкой. Обрато портал тяжело было открывать, но Дорога для Скользящего — как кровь, что течет в жилах. Я позвала — она откликнулась. Если бы брат принял себя — легче бы было. А он... Старый дурень! А дочка молодец! Сильная девочка... Ты вот что, дочка...И ты тоже, сынок. Вы оставьте-ка меня с ним, — и чкори, кутаясь поплотнее в плед, встала с кресла.

— Но...он так и не пришел в себя, — герцогиня подняла испуганные глаза на женщину.

— А ты не переживай, дочка...Придет!

...

Синий сладкий дым. Зара...Зара...

— Зара...Прости меня...

— Не открывай глаз, Миро. Скоро станет легче. Сейчас, сейчас...

— Тая...Тая пропала...

— Племянницу я найду и вытащу, как тебя...даже и не знаю, как назвать-то...

— Прости.

— Да простила я тебя, простила, дурня старого. А ты мне вот что скажи. Почему ты все же принял магию? Испугался, что останешься между мирами навсегда?

— Нет.

— Знаю, что нет! Ты кто угодно, дурень, вот только не трус. Болван — да. Упрямый мерин — точно. Но не трус. Тогда почему?

— Зверя пожалел...

Глава 15

Лесной лагерь праздновал победу. Треск костра, звуки скрипки, новые для всех, но такие уместные сегодня. Скрипач слегка пританцовывал, подхватывая на лету песенки, предлагаемые местной молодежью. Женщины улыбались — пусть устало и немного грустно. Чуть громче, чем обычно, со сдержанным ликованием, мужчины обсуждали недавние события.

А дети!

Они настрогали длинных ровных палок и носились по лагерю, то и дело сдерживаемые взрослыми, которые, как ни пытались, злиться по-настоящему в такой день не могли. Дети это чувствовали и продолжали шалить, зная, что сегодня их не накажут.

— Сдавайся, подлый инквизитор!

— А чего это я — инквизитор?!

— Твоя очередь потому что!

— Ума! Ты — девчонка, так что ... Ай! Чего тыкаешься?!

Понятное дело, всем верховодила дочь Шурра. Она же и подбежала к еще одному пришлому. Тому, что сражался с Таей на шпагах. Конечно, лучше бы к девушке, но ее нигде не было видно. А детям нужно было здесь и сейчас, и ждать не было никаких сил.

— Покажите! Пожалуйстааааа!!!

Ума вихрем налетела на имперца, а вместе с ней и остальные дети. Барнс беспомощно посмотрел на Ирис. Женщина развела руками, подала мужчине лепешку и рассмеялась.

— Но... послушайте... — начал было Барнс.

— Ума! — к ним подошла мама девочки. — Дети! Не приставайте к господину. И ладно мальчики... Девочки, а вам зачем? Вы должны...

Ума насупилась. Подумала. И... подняла на имперца взгляд, полный мольбы, горести и такой искренней надежды, что сильный, и, главное, добрый человек спасет бедную маленькую девочку с палкой и ватагой таких же несчастных...

Маг смутился. Это был удар ниже пояса. Во всех смыслах запрещенный прием! Стихии...

Ирис уже принесла горячую рыбную похлебку. Мужчина вздохнул, сосредоточился, и поднял на детей взгляд, что мог по праву считаться достойным ответом врагу:

— Дети... Можно я сначала поем?

Враг молчал. Он думал. Немного ошарашенные лица детей, на секунду пришедших в легкое замешательство от такого поворота событий. Курносые носы. Веснушки. Растрепанные от беготни волосы. Первой пришла в себя Ума:

— А потом?

— Потом? Ну... Хорошо. Давайте попробуем.

— ИИИИИИ!!! — раздалось над поляной дружное и ликующее.

— Лес шума не любит, — строго сказал подошедший к ним Шурр, но в счастливых глазах плясали веселые искорки.

— Сегодня — хороший день, — улыбнулся предводитель, и, благодарно кивнул Ирис за предложенную еще теплую лепешку.

— Палки поставили вокруг дерева, — скомандовал имперец, который под пристальными взглядами детей доел, наконец, свой суп, — вам они пока не нужны.

— Может быть, заниматься будем только мы? Без девчонок? — возмутился кто-то из мальчиков.

Но Ума не собиралась сдаваться. Девочка сурово сдвинула брови (у ее отца не всегда так получалось) шагнула к подстрекателю, и тот нырнул за спину милорда Барнса. Пришлый вроде ловкий, если что — увернется от этой заполошной. Он совсем не трус, конечно, вот только это ж не гриццы. Это ж ...девчонка! Девчонку не тронешь — нельзя. Но она и драться не должна! Ее дело — ягоды собирать, женщинам помогать по хозяйству. А эта... Еще и других подстрекает!

— Построились! — новая команда имперца, не обратившего на назревающий конфликт ровно никакого внимания. — Вокруг лагеря — бегом марш!

И дети радостно понеслись.

— Неугомонные, — улыбнулся Шурр.

— Ничего, мне не в тягость, — ответил имперец. — Пусть радуются.

Они дождались прибежавших детей. Милорд Барнс выстроил всех в одну линию.

— Так. Смотрите. Правая нога вперед. Левая — назад. Стопу левой перпендикулярно. Левую руку заложили за спину. Правую — вперед.

Дети выстроились.

— И... Шаг вперед. Шаг назад...

Сразу раздались стоны:

— Ноги неудобно!

— Юбка мешает...

— А вот у Таи брюки!

— Кому не нравится... — с угрозой в голосе начал имперец.

И — тишина, в которой раздались еле сдерживаемые смешки взрослых.

— Так. Теперь берите палки.

Возбужденные дети бросились к палкам с таким радостным визгом, что лес, казалось, и сам на мгновение забыл о том, что не любит громких звуков. Песок, тихонько шипя свою песню, остановился, маэстро Цум сбился с ритма, а взрослые, что стояли вокруг не выдержали и расхохотались в голос, вытирая набежавшие от смеха слезы рукавом.

— Ти-хо! — рявкнул на детей Барнс. — Стройтесь так же. В одну линию...

— А поединки — когда?

— Когда я буду уверен, что вы глаза друг другу не выколете! Стройся! Правую руку вытянуть перед собой, плечо не поднимаем. И... шаг! Колем. Шаг — отступаем! Шаг...

Арвин просто не мог больше этого выносить.

Праздник.

И все потому, что удалось спасти от костра нескольких человек, разрушить башню инквизиторов и чудом уйти безнаказанными.

Надо же, радость какая!

Интересно, а понимают ли они, что инквизиторы вернутся? А они вернутся! С подмогой. Злые и раздраженные тем фактом, что кто-то щелкнул зверя по носу. Солдаты прочешут городок и окрестности. Лес. Близлежащие деревни. Переберут серый песок по крупице...

Им не спастись...Так...что же делать? Что нужно сделать с несчастным королевством Летающих Песков, чтобы люди в нем просто жили? Растили детей. Выращивали яблоки, о которых так мечтает девочка Ума и которые, может быть, и не пробовали остальные дети? Лепили горшки, в конце концов!

Что нужно сделать, чтобы не было этого пепла? Пепел... Или все же песок? Не поймешь...Шипит под ногами, словно зовет куда-то. Как будто хочет что-то рассказать.

Люди вдруг показались Арвину призраками. Участниками затянувшегося кошмара, обреченными на неминуемую гибель.

Король увидел выжженный лес. Кровь вязла в сером пепле. Порванный детский плащ, разбитая скрипка и... Нет! Нет, нет, нет! Он развернулся и бросился прочь. Прочь от лагеря! От этих приговоренных уже безумцев, что умудрялись веселиться и радоваться...

Ноги сами привели к реке. Здесь как будто было меньше песка. Черные силуэты деревьев дрожали над вспыхнувшей алым закатом речной гладью. Даже вода горит кострами инквизиторов...

— О чем печалишься, молодой король?

Арвин вздрогнул. Оглянулся. На ветвях деревьев, у воды, везде, куда ни кинь взгляд, стали появляться русалки — прекрасные полупрозрачные девушки.

— Вы? Откуда? Откуда вы знаете, что я...

— Вернется славный Арвин

Песком в страну гоним...

— Перестаньте!!!

— И мы с тобой пойдем войной,

На смерть пойдем за ним!

Русалки закружили в хороводе, замелькали белесые тени в наступающих сумерках, серебристый смех рвал душу на части. Арвин опустил на землю, обхватив голову руками.

— Чего приуныл, король Арвин? — раздался рядом тихий голос.

Песни смолкли, девичьи силуэты растаяли в пустоте. Песок замер. Ветер стих и река замерла. Земля ждала ответа.

Арвин медленно поднял глаза. Над ним стояла старуха. Та самая, что называла его «сильным нэйро» и одарила, прищурившись, тяжелым взглядом. Он еще тогда, в самый первый их день в лагере холодел от страха под ним.

— Чего ты хочешь, мальчик? Скажи!

Нэйро молчал. Внезапно он понял, что у него нет ответа на такой, казалось бы, простой вопрос. Он не знает, чего хочет. Слишком устал.

Он бы хотел не думать о смерти, избавиться от ощущения запаха крови во сне. Не слышать треск пылающих костров. Не вздрагивать от детского смеха.

— Все эти годы ты рвался к семье, — тихо проговорила старуха, прервав поток нахлынувших мыслей.

— Вернется славный Арвин

Песком в страну гоним...

Русалки появились вновь, окружили и повели к воде. Он, как замороженный, шел за ними в воду до тех пор, пока не очнулся от холода. Русалки исчезли. Кругом — вода. Прозрачная и чистая. Голос старухи в голове:

— Смотри, Арвин!

Он потряс головой, прогоняя морок, зачерпнул в ладони лесное

зеркало, и застыл.

В отражении его дети гладили смешного толстолапного щенка. Смех... Смех его детей. Сначала такой теплый, родной, он тут же перешел в зловещий, неуместный смех детей из лагеря, что тонул в сером пепле, царапая душу липким страхом.

— Риадна! — тихо позвал, плохо понимая, что происходит, но не в силах удержаться, — Риадна...

Жена стала еще красивее. Уже не робкая тихая девочка, в которую он влюбился без памяти так, как не положено влюбляться в партнера по договорному браку, а женщина. Решительная, уверенная в себе и такая красивая! Только... резкая вертикальная морщинка между бровями. Да настороженный взгляд человека, который всегда начеку...

— Любимая...

— Хочешь — перенесу тебя к ним? Прямо сейчас...

Арвин замер, боясь поверить. Он хотел крикнуть что — да! Он хочет этого больше всего на свете, но... Ветер донес до них смех с поляны, где дети играли в фехтовальщиков...

— Ты сможешь забрать с собой Таю и Эдварда. В конце концов — они же не дети этого мира...

Голос женщины... Ее слова искушали... Это была магия. Магия его сокровенного желания. Исполнение которого было — вот... Рядом. Только протяни руку. И шагни в воду.

— Что будет с остальными? — шевельнулись губы.

— Инквизиторы. Костры. А потом все занесет песком.

— Почему так жестоко? За что?

— Жестоко? — прошептала женщина. — А ты пойд и узнай!

— Куда?

— Сначала — выбор! — засмеялись русалки.

Серебристые тени вспенили воду, и образы самых любимых, невозможно далеких... исчезли. Боль резанула сердце.

— С ними все будет хорошо? — шепотом спросил он у женщины.

— Не знаю. Может быть, они дождутся тебя в мире, где есть ласковое море и по выходным люди танцуют танго. А, может быть, их настигнут инквизиторы. Руффу Айшу очень нужен твой сын. Жена и дочь — нет.

— И что мне делать?

— Выбирай.

— Скажи... Ведь только я могу спасти этот мир?

— Ты — король. И ты в ответе за все, что происходит на твоей земле.

Боль. Боль текла, кружила русалками, разрывала сердце их звонкими,

веселыми голосами. Детским смехом неслась меж деревьев, ползла с Рассветных гор серым песком, алела упавшим за горизонт в чернеющую воду солнцем. Боль шептала, хрипела, звала:

— Выбирай! Выбирай...Выбирай, Арвин!

Он бы не выдержал этой пытки, если б не вспыхнули в зеркальной глади воды синие глаза любимой...

— Риадна!

— Я никому не отдам детей! Делай, что должен, не думай о нас...

— Я должен спасти... Спасибо.

Он выбежал изводы. Весь мокрый, он трясся от холода, страха и боли. Он должен! Должен! Должен спасти всех и защитить свою семью. У него нет выхода. Где? Где эта старуха?

— Эй! Я остаюсь! Ты слышишь? Я сделал свой выбор! Что? Что я должен сделать?

— Иди туда, где все началось.

«Как он мог? Как он мог остаться в Ваду? Бросить семью, которую искал все эти годы? Он остался в королевстве Летающих песков. В проклятом королевстве!»

Арвин шел в лагерь. Он понимал, что какой бы выбор не сделал, мучился бы точно так же. Выбери он семью — сейчас, счастливо обнимая жену и детей, сгорал бы от стыда за то, что предал свою страну.

Войдя в лагерь, правитель страны Летающих песков совсем не удивился, когда услышал, что люди уже не смеются и не празднуют.

Страх. Паника. Суета. Выкрики, разрывающиеся выстрелами в голове так, будто он слышал все мысли лагеря сразу:

— Что могло это вызвать?..

— Разберемся позднее!

— Надо вытащить оттуда людей!

— Куда?

— Пока в лагерь...

— Раскроемся... Все будут знать, что мы — маги.

— Это же катастрофа!

— Как быть?

Морок исчез, Арвин будто вынырнул на поверхность и уже со стороны услышал хрипловатый бас Шурра:

— Будем спасать.

— Что случилось? — Эйш поймал бегущего куда-то Недда. Лицо у командира лесных разведчиков было бледным.

— Песок засыпает город. Жители в ловушке, — отрапортовал

парень. — Шурр приказал вытаскивать.

— Чем я могу помочь?

— Еще не знаю, но было бы замечательно, если б ты им память стер. Без магии город не спасти. Сам понимаешь, после того, как нам скажут «спасибо», если скажут, тут же выдадут инквизиторам!

— А как вы собираетесь их спасти?

— Как? — Недд грустно улыбнулся, запустил пальцы в волосы, сжал, и отчаянно выдохнул. — Один ветер ведает, как! Сможешь?

— Целый город? — растерялся Арвин. — Вряд ли.

Недд взмахнул рукой и исчез в толпе взволнованных людей.

Марево разноцветного портала, вспыхнувшее перед ним, Арвин воспринял, как бред. Или, если учесть, сколько он их пытался выстроить, чтобы уйти из этого мира с того самого момента, как они попали в Ваду — как чье-то извращенное издевательство.

Но из портала вышли Милфорд и Тая. Следом показалась та самая старуха, что разговаривала с ним у реки.

— Скорее! — поторопил Арвина имперец.

— Вы можете и нас перенести порталом? — к ним спешил предводитель.

— Нет, — отрезала старуха, — у него не хватит сил.

Милфорд привалился к дереву. Старуха что-то шепнула Тае, и та побежала к кострам.

— Сейчас, мальчик, сейчас... Сейчас станет легче, — старуха из складок златанного плаща достала мешочек с какими-то травами.

Арвин смотрел на старуху. Плащ как у нищенки — беднее, чем у любого жителя лагеря. Скрюченные пальцы, глубокие морщины, бородавки... Старуха была просто уродлива! Или раньше он этого не замечал, или она еще больше состарилась за несколько предрассветных часов?

Король понимал, что старуха — сильный маг. Она знает, кто он такой, ее силы могло бы хватить на то, чтобы перенести его к семье! Кто она? Дух зла или добра? Стоит ли ей доверять?

Да что ж это происходит... в его королевстве? Проклятом. Проклятом. Обреченном, несчастном королевстве...

Тая вернулась с кружкой горячей воды. Старуха, что-то напевая, стала сыпать растертые в пыль травы. Маг, сделал несколько маленьких глотков. Старуха удовлетворенно кивнула:

— Выстроишь портал в город. А уж там...

— Портал? — Арвин вопросительно посмотрел на Таю.

— Терра пришла за нами. Сказала, что город заносит песком. Люди гибнут. Эдвард обнаружил, что порталы строятся, но только в пределах Ваду и то с трудом. Он говорит, что-то изменилось в мире.

— Хватит болтать! Не время, — осадила их старуха.

— Надо пробраться в город, — водный маг посмотрел на Арвина, — Там выстроим портал обратно в лагерь. Думаю, смогу удержать его до тех пор, пока не эвакуируем всех жителей.

— Плохо думаешь. Неправильно. Не сможешь — покачала головой старуха.

— Что же тогда делать? — сжимая ладонями кружку с целебным отваром, прошептала Тая.

— Не переживай, дочка. Что-нибудь придумаем, — и старуха посмотрела на Арвина так, что он понял — что-нибудь придумать должен он. И прямо сейчас.

Король, Тая и Милфорд шагнули в портал, который маг все-таки смог выстроить.

Город был обречен и сам понимал это. Люди молили о помощи. Люди не хотели умирать.

Пепел серым удушливым облаком вился над домами и башнями.

— Терра! Почему ты не поможешь? — спросил Арвин у старухи, которая стояла рядом с ними, хотя он точно помнил — в портал она не заходила!

Милфорд и Тая взглянули на него удивленно.

— Не могу, — покачала она головой. — Прислушайся к песку. Он стонет...

Арвин опустился на колени, прикрыл глаза. Засучив рукава по локоть, утонул ладонями в горячем пепле. Глубокий вдох. Легкие обожгло. Выдох.

«Больно... Больно... Больно...»

Лица погибающих в огне людей. Мужчин, женщин... Детей.

Костры. Жар. Крики. Крики от невыносимой боли. Вопли страданий и сострадания. И пепел. Серый пепел, прибывающий в город с каждым новым казненным...

И вдруг он понял...

Это — не песок. Это — пепел! Прах сожженных заживо людей, посланный на город их же собственным проклятьем! Страшная месть невинных...

— Нет! — закричал Арвин в небо, — Это не справедливо! Я должен спасти тех, кто не хочет умирать...

Перед залитым слезами отчаянья взглядом мелькнула... дорога. Она

шла через весь город, уводя жителей за собой.

Король схватился за голову. Казалось, она сейчас лопнет. И... очнулся. Старуха вытирала кровь, которым было залито его лицо. И что-то приговаривала. Заметив, что маг очнулся, осторожно подняла вверх окровавленное лицо, и, приблизившись к его губам, требовательно прошептала:

— Что? Что ты видел, мальчик?

— Дорога, — прохрипел мужчина.

— Ты можешь, — посмотрела старуха на Таю. — Позови путь. Он появится.

— Как?! — в глазах у девушки стояли слезы.

— Чкори были в этом мире... Давно. Но их выжгли. С тех пор Дорога смуглых магов не лежит туда, где боль, смерть и страдания. Но ты...ты пришла! Я ничем не могу помочь тебе, девочка. Слушай свое сердце. Верь своим мыслям. Доверься самой себе...

Тая сжала кулаки так, что ногти, впившись в ладони, расцарапали кожу в кровь. Как же они все надоели! Все время намекают, что она что-то может, но не хочет! Да она хочет! Хочет! Очень хочет всех спасти, вытащить себя и Милфорда из этого серого, горячего песка, но...Как?! Как она это сделает, если...

— Манул! — зверь лизал ее мокрые от слез и черные от летящего пепла щеки.

Шерсть искрилась синим маревом, глаза-сапфиры дарили покой, и все исчезло! Нет больше ни города, вопящего от страха, ни ненавистного песка. Вокруг — ночь. Звезды. Млечный путь. Лунная призрачная дорога. Дорога, по которой хочется идти.

Зверь ждал. Лестница в небо появилась лишь на мгновение.

Почему-то она знала, что всего несколько ступенек, и она будет счастлива. Навсегда. Она забудет все, что было до этого. Ей будет хорошо. Спокойно. Там, в конце лунной дорожки — мир магии и грез. Мир счастья.

— Я...не могу. Понимаешь? — девушка прижалась лбом к пятнистой макушке, — Не могу. Я знаю, куда ты меня зовешь...Не знаю откуда я это знаю, но.... Ты иди. Я тебя не держу. Ты устал. Иди. Иди, и...Спасибо. Спасибо тебе за все... Ну? Иди же!

— Тая! Тая! — Милфорд, отталкивая старуху с ее отварами, проклиная весь этот гибнущий в собственной жестокости город, тряс девушку за плечи.

— Тая!

— Эдвард! Эдвард, я знаю! Я...смогу! Манул! — зверь был рядом, и

это было самое прекрасное, что случилось с ней за последнее время! Ну... почти самое прекрасное...

Чкори знала, что взамен Открытого Пути Избранных она получила Силу Дороги. Странно, когда в твоей голове появляется информация из «ниоткуда». Это... В общем, в том мире, откуда она, это не очень хороший знак. Но она разберется с этим после. Сейчас — некогда. Сейчас надо спасти людей...

— Я готова...Терра, — прошептала она, глядя на старуху.

Тихий смех. Будто ветер тащит песок по горячему камню.

— Это хорошо, девочка.

— Что мы должны делать? — Милфорд зло взглянул на старуху.

Водному магу не очень нравилась мысль, что Тая будет играть в этой спасительной операции чуть ли не главную роль! Будь его воля — отправил бы девушку в лагерь, пока все это не закончится. Там безопаснее.

— Времени мало, — вздохнула старуха, которая, казалось, постарела еще больше за эти несколько часов. — Тая откроет путь, а ты, — крючковатый палец с треснувшим ногтем уставился на Арвина, — направишь людей.

— Я?! — король побледнел.

— Конечно, ты! Это ведь твои люди. Разве нет?

Старуха склонила голову набок, и...растаяла в сером песке. Милфорд опешил, но тут же понял, что времени удивляться происходящему у них просто-напросто не осталось.

Крики горожан слились в один истеричный вопль страха и отчаянья. В вихре серого горячего песка было трудно разобрать, сколько живых, сколько погибших. Милфорд, облитый чьей-то кровью, помог Тае взобраться на крышу, и, стараясь перекрыть грохот рушащихся вокруг стен и крики, спросил:

— Ты можешь что-то сделать?

— Да!

Она летела над гибнущим городом, так высоко, что почти не слышала криков, почти не видела песка. Лишь грязно-серое облачко где-то там, внизу, но сквозь него алой нитью шла Дорога! Дорога, по которой те, кому суждено выжить, должны будут уйти.

Милфорд крепко сжимал в объятиях бесчувственное тело чкори. Он не ожидал, что Скользящая Между Мирами, открыв Дорогу, лишится чувств.

Стены города рушились, песок прибывал, но оба мага видели Дорогу. Сверкающий алым маревом путь, от которого врассыпную бросились жители города! Люди, решив, что тоннель, мерцающий кровавым туманом,

змеей извивающийся через весь город, круша все препятствия на своем пути, это плеть самой Смерти, что пришла за ними, в ужасе бросились в противоположную сторону. Туда, где песок душил все живое, забиваясь в легкие...

— Что будем делать? — Милфорд кричал, задыхаясь от горячего воздуха, стоя на коленях с Таей на руках, пытаясь удержать равновесие.

— Я...Я...Я...Не знаю! — завопил король, сжимая голову руками.

— Ты это брось! Ты...ты...же...король? Так? — Милфорд чувствовал, что должен достучаться до Эйша.

Где эта старуха? Почему ее рядом нет тогда, когда надо? Если она знает, что этот никчемный нэйро — король, почему не скажет, что им делать? Милфорд крепче прижал к себе тело девушки и зарычал от невыносимой боли — чужая магия рвала душу на куски...

Нэйро сжал кулаки и позвал:

— Покажи! Покажи — что мне делать!

Ответа не было. Сил тоже. Все. Все кончено. Он подвел свою страну. Семью. Друзей. Он, так же как и его мир, заслуживает смерти. Он пытался. Он верил. Остался. Выбрал. Это все, что он смог сделать.

— Арвин!

Крик Милфорда — последнее, что он услышал. Хотел прошептать: «Прости», но сил не хватило.

Арвин упал. Выключился. Милфорд сплюнул, выругался на языке мира Таи, и, пристроив оба тела к башенке с выбитым окошком, вцепился в карниз, чтобы не упасть. Ветер усилился. Маг против воли заглянул в проем разбитого стекла.

Под самой крышей оказалось гнездо. Маленькие черные птички вылетели оттуда, и, кружа, спустились вниз. На полу, меж обломков, криво стояло ведро, в котором почему-то была вода. Видимо, крыша текла, вот от дождя и осталась...

Птицы плескались в воде по очереди, жадно пили. Еще бы... Этот серый горячий песок, наверное, измучил их, а тут вода...

Вода! Маг развернулся спиной к стене, сделал несколько глубоких вдохов, стараясь не вдыхать песок, и позвал воду.

Арвин открыл глаза. Вода. Прохладная, чистая вода! Здесь есть песок, но он на дне. Он не летит! Он не горячий и не серый. А вокруг...Вокруг русалки! Они расчесывают его волосы, целуют в губы...

— Арвин! Прекрасный! Славный Арвин!

— Где я? — Эйш с удивлением обнаружил, что дышит под водой.

— Ты с нами! Твой мир погиб, но он был злой и мрачный! А ты красивый и милый! Теперь ты наш, король Арвин! Наш!

Король прикрыл глаза. Как хорошо! Он умер, наверное. И теперь вечно будет целовать русалок в прохладной воде. И не важно — это его наказание или награда. Это — покой. Покой, который он, видимо, все же заслужил за время своей никчемной, полной ошибок жизни. Годы скитаний. Кровь невинных на его руках... Вода... Вода смывает боль. Кровь. И все, что...

— Помоги! Спаси людей и ее, если сможешь. Прощай, — голос Милфорда разорвал сознание, и в ту же секунду река понеслась к городу!

— Арвин! Прекрасный Арвин, останься с нами! — русалки окружили короля плотным кольцом, стараясь сдержать водный поток, что рвался на призыв стихийника.

Арвин заставил себя очнуться, и в ту же секунду стал захлебываться водой. Русалки помогли выплыть на поверхность, и понесли его в сторону города. Туда, где вода была бурой от крови и пепла...

Люди захлебывались, вода несла их в Бездну, за красным туманом, к Смерти. Многие закрывали глаза, не в силах больше выносить этот ужас. Матери перекрывали воздух младенцам ладонью и глотали грязную, теплую, смешанную с пеплом воду, стараясь избавить себя и их от страданий.

Эти попытки сильно усложняли работу. Приходилось вдыхать в наглотававшихся воды людей жизнь, и плыть вместе с ними к Русальей горе, чтобы потом вытащить на берег. Но русалки не могли послушаться. Арвин — их король. Жаль... Жаль что их король решил спасти этих глупых, злых людей! Почему он не пожелал остаться с ними? Они бы играли с ним, расчесывали черные волосы, смотрели в синие глаза, целовали в алые губы...

Людей было много... Живая река из тел, лица которых из-за грязи не было видно, и только когда они отплывали от города, где вода становилась чище, прекрасные спасительницы с длинными белоснежными волосами могли, наконец, рассмотреть, кого же они спасли...

Русалки прибывали из всех существующих миров. Для этих удивительных существ нет преград. Нигде. Никто не посмел послушаться Владыку Ира. Но это только в начале. После девы призывали сестер, уже повинувшись собственному порыву. Это только так кажется, что у русалок нет сердца и им чужды людские эмоции. На самом деле это не так.

Арвин звал Милфорда. Таю. Но ответа не было. Грязный, мокрый, обессиленный и залитый кровью, он шел по пояс в несущемся грязном

потоке, разбивая ладони об острые камни разрушенных стен. Город был раздушен. Наверное, и дом тот...

— Помоги! Помоги мне! Слышишь? Я должен, должен их спасти!

— Я-то слышу... А вот ты слышишь только свой страх. Свою боль! Ты так и не научился слышать собственный мир, король Арвин... — раздался в голове шепот старухи.

Арвин прислушался. Сквозь крики, вой ветра и плеск воды он услышал...Птичий крик. Король поднял голову. Совсем рядом стоял дом, зияя дырой в стене, а над ним кружили две черные маленькие птички. Крыша с башенкой и выбитым окном! Вот он! Тот дом! Он же кругами вокруг него ходит! Добраться. Добраться и спасти.

— Спасибо! — мысленно крикнул король в пустоту.

Алый туман рассеялся. Река, что пришла на зов мага, ушла вместе с ним. Они спасли всех, кого могли, когда пепел, будто зверь, спущенный с цепи, погреб под собой обломки пустого города...

Лес встретил утро птичьим пением, солнечным светом, струящимся сквозь листву, ароматным дымом из трубки. Две черные птички-чойки на плече, гнездо с тремя маленькими пестрыми яичками на коленях. Морщинистое лицо чуть разгладилось, будто помолодело. Старуха улыбалась, слушая птичье щебетанье. Под ее босыми ногами спала земля. Первый раз за последние несколько сотен лет она просто спала без сил, а не стонала от боли...

...

— Маги... — прошептал пекарь. — Нас спасли маги...

Мужчина отчаянно озирался вокруг, словно хотел убедиться, что все произошедшее ему лишь мерещится.

Вокруг сидели, стояли, лежали мокрые, несчастные люди — жители погибшего города. Торговцы и нищие, крестьяне, кузнецы, маги, солдаты и инквизитор... Все неожиданно оказались равны перед лицом Смерти, на секунду заглянувшей в сердце каждому, кто сейчас приходил в себя на Русальей горе.

— Это же... приговор, — жена пекаря с тоской посмотрела на детей, прижавшихся к ней.

— Инквизиторы вернутся. И тогда...

— Надо где-то спрятаться, — начал кто-то из крестьян.

— За что? — всхлипнула какая-то женщина. — Мы же не нарушали закон. Все делали...

— Мы не противились, когда убивали безвинных, — закричала

молодая женщина.

— Твои родители были колдунами, — возразили ей.

— И что плохого они сделали? Принимали роды? Лечили зубную боль? Спасали детей от багровой сыпи?

— Тебе же оставили жизнь!

— До поры до времени? Чтобы было кого выдать инквизиторам, если они спросят: почему в городе давно никого не жгли?

Все заговорили разом. И — через мгновение замолчали и сникли, потому что на возвышении появились те, кто их спас — двое магов и девушка. Русалки стирали людям память, вкладывая каждому спасенному образы их спасителей. Арвин принял их нежелание общаться с людьми. В конце концов, они имели на это право.

Люди стояли, задрав головы, и смотрели на каменный выступ. Русалья гора свое название получила за то, что камни, обвивающие гору, издали были похожи на русалочий хвост. О русалках много сказок и легенд ходило, но по-настоящему в них, конечно, никто не верил.

Спасенные жители города с опаской смотрели на поднявшихся туда двух мужчин и девицу в мужском одеянии — тьфу, ты! Срам! Сразу видно, что ведьма! Тот каменный выступ, у самой вершины не очень высокой горы и был русальим хвостом — камень раздваивался на две половинки. Чужаки встали аккурат в его основание.

Арвин смотрел на толпу измученных людей... По спине короля ледяной змеей проползло искушение, что на миг обьяло горожан: схватить магов. Выдать инквизиторам в надежде, что те этими пришлыми и удовлетворятся.

Но порыв прошел. Наверное, потому, что жители не рискнули связываться с троицей тех, кто разрушил стены города и обрушил на песок воду.

— Что вы от нас хотите? — несмело спросил у магов пекарь.

— Мира в стране, — откровенно ответил Арвин. — Чтобы можно было жить спокойно. Без песка и инквизиторов. И... яблоч. Яблоч хочется. Цветущих яблоневого сада по весне...

— Вы должны понимать, что пока жив хоть один маг...

— Все, что я понимаю... — оборвал этот возглас Арвин, — в чем я убежден... Пока продолжают казни. Пока свирепствует жестокость — наш мир обречен.

— Но маги...

— Их сжигают и сжигают. А песка все больше и больше!

— Да что ты об этом знаешь? Пришлый!

— Я — знаю. Мой мир устал от костров и криков. От предсмертных проклятий и ненависти. От страха за детей. Все это надо остановить.

— А с чего ты взял, что это твой мир?!

Наступила тишина. Лишь ветер шумел листвою леса, что на берегу. Песок, медленно поднимаясь вверх, последний раз коснулся травы, в которой уже привык прятаться, прошелестел пыльными листьями, и золотистой змейкой в солнечных лучах полетел над водой, к Русальей горе, чтобы нарисовать над головой правителя Ваду корону...

Солнцем засияла она над Страной Летающих Песков, толпа ахнула, и в ту же секунду каждый житель королевства Ваду услышал:

— Я — король Арвин!

Глава 16

Зола от костра летела в небо, легкими мотыльками исчезая в сгущающихся сумерках. Этот пепел не был ядовитым. Не мстил, стараясь задушить и уничтожить все живое.

Тая сидела у самого огня. Тепло от костра, горячие, сильные руки Милфорда. А она никак не может согреться. Холодно. Пугливые, трясущиеся тени на сосредоточенных лицах.

Арвин. Милфорд. Старая Терра.

Арвин сидел, опустив плечи так, будто на них легла вся тяжесть мироздания. Девушка сочувствовала Эйшу. Нелегко быть избранным. От вальяжного, хорошо одетого коллекционера-мецената не осталось и следа. Мужчина похудел, серый цвет лица практически сливался с выцветшей тканью плаща, но в его глазах появилась надежда.

Сколько юных фехтовальщиц из их группы было влюблено в короля Арвина! Улыбнулась, вспоминая, как прислушивалась к себе — может, тоже? Но нет. Ничего. Все думала, где же оно: «Пришла пора — она влюбилась...»

Мужчина из снов — не в счет. Мало ли что снится. Вот только думала каждый день лишь о нем. Ждала ночи, когда вновь услышит шум волн, почувствует соленые брызги, взгляд за спиной... С ним она чувствовала себя счастливой. И верила — все будет хорошо.

Тая потерлась затылком о подбородок Эдварда. Маг в ответ сжал девушку покрепче в объятиях и нежно поцеловал.

Силы вернулись, но манул, с тех пор как удалось открыть Дорогу из города, так и не появлялся. Чкори могла позвать, но не стала. Пусть отдохнет.

Девушка чувствовала — что-то изменилось. Как будто лес стал другим. У него...изменился пульс. Сама земля дышала ровнее и спокойнее.

— Выпей, дочка. Согрейся, — Терра протянула кружку.

Горьковатый, дурманящий запах трав. С каждым глотком становилось теплее. Может быть, ей только так кажется, но...Морщины на лице старухи разгладились. В глазах появилось что-то...

— Дай-ка огоньку, сынок, — Арвин вытащил горящую головешку и помог старухе разжечь трубку.

Кольца дыма полетели вверх, наперегонки с пепельными крылышками, а сквозь них показалась Тае на мгновение девушка — русые

косы, венок из цветов, похожих на ромашки...

И вдруг она поняла, что изменилось в окружающем мире: в лесу не было песка. Совсем. Ветер, похоже, все еще искал серый пепел в траве, чтобы нести его далеко-далеко, к городу, но...

— Что станет со всеми этими людьми? — тихо произнес Арвин, ни к кому особо не обращаясь.

— Да... — протянул Эдвард. — Даже если допустить, что инквизиторы поверят, что местные ни при чем и горожан спасли трое пришлых...

— Самих горожан это не спасет. Точно.

— Они же вроде бы разбежались кто куда, — Тае так не хотелось возвращаться к мрачным мыслям.

Война, инквизиторы, голод, боль, страх. Казалось, к этому нельзя привыкнуть. Забыть. Устать бороться. Оказывается, можно.

— Шурр в лагерь пустил лишь проверенных. Тех, кто и без того знал, что здесь творится, — Милфорд посмотрел на короля, подбросив в костер пару веток.

— Даже если и так, наверняка кто-то спешит к инквизиторам, в надежде вымолить пощаду. Глупцы.

— Зря сотрясаете воздух, — тихо, но уверенно произнесла старуха, выдыхая струйку дыма.

— Почему? — склонил голову король.

— Есть дни, когда надо встать — и идти что-то делать. Как вчера. А есть — когда надо замереть. Насладиться тем, что тебя окружает. Ожившим лесом, например. Прислушайтесь.

Птицы негромко пели в вечерних сумерках. Что-то шуршало внизу, в траве под ногами. Тая вспомнила грицц и сильнее прижалась к Милфорду. Где-то вдалеке бежал ручей, повторяя птичий пересвист журчанием воды да перестуком мелких камешков.

— Кто вы? — прошептал Арвин, глядя на старуху.

— Я — Земля Ваду.

— Умирающая душа погрязшего в интригах и крови невинных мира, — Милфорд сказал это самому себе, но от этих слов перестали петь птицы.

— Так почему же вы... Не спасете сами себя?!

— Скажи мне, король Арвин, кто все это сделал? С людьми... Со мной? С лесом?

— Инквизиторы...

— Сколько их? Несколько сотен. Может, тысяча, не больше. А кто

писал доносы на соседей? Кто ходил на казни, как на представление?

— Люди.

— Вот именно. И перед ними стоит выбор: либо они примут магию как часть своей сущности, либо погибнут. Вместе с миром, который столько веков старательно уничтожали. Правда в том, что люди, живущие в королевстве Летающих песков, не делятся на «магов» и «не магов». Они все — маги.

— Но те, кто ушли в лес... Они это поняли и приняли! Значит, жители Ваду не безнадёжны, — прошептала Тая.

— Смотри, — старуха скинула капюшон плаща, — Смотри, девочка! Твои друзья этого не увидят, — женщина кивнула в сторону Арвина и водного мага.

Тая смотрела. Лицо старухи медленно молодело, пока не появилась юная, золотоволосая девушка с венком на голове, та самая, что показалась чкори в отсветах костра. Красавица скинула рваный плащ, улыбнулась. Помахала рукой и растаяла, а Тая вдруг очутилась в городе, среди разъяренной толпы.

— Сжечь!

— Сжечь Ведьму! Пришлая! Маг! Сжечь ее!

Чья-то рука опустилась на плечо. Тая обернулась — та же молодая девушка... А как же... Костер полыхал, толпа неистовствовала...

— Не ведают, что творят... Не сейчас, нет. Но со временем они действительно убьют меня, Тая...

Чкори снова обернулась, вздрогнула и закричала от ужаса, потому что из-под ветхого капюшона на нее смотрела... сама смерть. Истлевший скелет с проваленными глазницами, из которых смотрела сама Пустота. И было в ней столько невысказанной боли, столько мольбы о помощи...

— Нет!

— Тая! Что с тобой, любимая...

— Видишь, девочка, — старуха не обратила внимания на взгляд водного мага. — Все зависит от живущих в этом мире. Я — ничто без них. И если они погрязли во лжи, предательстве и жестокости, то...

— Нет! Это неправда! Вы же смогли укрыть нас от инквизиторов, тогда! В вас же есть сила!

— О спасении своих детей истово молили женщины. Если все искренне захотят мира. Каждый! Конечно, мне хватит сил... Но тех, кто принял магию и мечтает о цветущих яблоневых садах — слишком мало. Я стара. Казнена. Измучена...

Милфорд и Арвин переглянулись. Оба посмотрели на девушку. Тая

была бледной и заплаканной. Мужчины не очень-то верили старухе. Оба считали что она, будучи, безусловно, очень сильным магом, возможно, потеряв близких, сошла с ума от горя.

— Я все думаю о том, что произошло во времена правления прапрадеда, — Арвин смотрел на огонь. — Эйши никогда излишней доверчивостью не отличались. Понятно, король был в шоке, когда песок — порождение магии, засыпал город. Мы вчера наблюдали подобное: это жутко... Но. Он сразу назвал виновных. И сразу объявил войну. Без следствия, без подготовки отдал приказ: уничтожить. Вывести армию. И заметим — если верить хроникам, король не встретил практически никакого сопротивления.

— Он мог знать, — предположил Милфорд. — И все эти речи — лишь постановка. Решение было принято до того — уничтожить магов. Не понятно только: зачем.

— Или его ввели в заблуждение, — предположила Тая. — Например, если представить, что в этом городе погиб кто-то, кого он любил. От гнева и отчаяния король плохо понимал, что творит.

— А могли просто заколдовать. Взять под контроль?

Арвин хотел посмотреть на старуху, но та растаяла в предрассветных сумерках, будто ее и не было вовсе. Лишь колечко голубоватого дыма качалось в такт печальной мелодии, что плыла над лагерем весь вечер.

Зорго Цум баюкал на плече свою скрипку, но печальные звуки его колыбельной не действовали на детей, которые никак не желали идти спать в этот вечер. Смех и веселые выкрики, стук. Длинными палками отрабатывать удары было гораздо интереснее, чем слушать мам, уговаривающих, что уже поздно и пора расходиться по землянкам на ночлег.

— Но если мы уйдем, а придут инквизиторы... Что будет со всеми этими людьми?! — прошептал король.

— Арвин, — Милфорд посмотрел ему в глаза.

Он испытывал смешанные чувства к этому человеку. С одной стороны, понимал, что тот страдает и все это время пытается спасти тех, кого любит — жену и детей. Видел, что ему, как королю, не безразлично собственное королевство и все живущие в нем, не смотря на то, что люди погрязли в жестокости и доносах. Все это, безусловно, вызывало уважение и симпатию. С другой стороны, начальник имперской контрразведки воспринимал Эйша как глупого, капризного, безответственного подростка! Имперец понимал, что если не сделает все ради Эйша, не спасет эти его пески, разнеси их стихии по Пустоте, они, скорее всего, из этой истории

просто не выберутся.

Волосы Таи щекотали лицо. Тая... Если бы не этот мир с его глупым королем, он никогда не позволил бы себе быть счастливым. Никогда. Получается, он еще больший идиот, чем Эйш.

— Ваше величество! — подошел к ним Шурр, прервав размышления водного мага. — Я могу задать вопрос?

— Погодите-ка... — Арвин подозрительно посмотрел на человека-медведя. — Откуда... Вас не было на Русальей горе!

— Не было, — улыбнулся предводитель лесного лагеря.

— Так откуда...

— Все уже знают, Ваше величество

— Как?

— Все, живущие в Ваду, видели своего короля.

— Катастрофа...

— Отчего же? — удивленно посмотрел на Арвина великан. — Это — надежда.

— Рано... Слишком рано. С кем выступать на столицу? Как защитить женщин и детей? Как организованы инквизиторы — вы знаете. Плюс, их поддерживает армия.

— Это все было десять лет назад, — возразил Шурр. — Сейчас же ситуация изменилась. И — на нашей стороне — король.

Арвин кивнул:

— Я хочу мира для своей страны.

— Войско мы соберем.

— Только тщательно проверяйте всех, кто будет стекаться в лес, чтобы выступить под знаменами короля Арвина, — нахмурился Милфорд. — На месте инквизиторов, я бы отправил несколько отрядов, которые, примкнув к нам сейчас, ударят в спину в самый подходящий момент.

— И это не говоря о том, что мне надо уйти, — Арвин побледнел.

— Ваше величество!

— Я должен узнать, что произошло в Рассветных горах.

— Мы собирали несколько экспедиций туда, — нахмурился Шурр. — Все пытались понять, откуда берется песок. И можно ли с ним что-то сделать.

— И что?

— Дальше определенного места: развилки у камней-близнецов, нам пройти не удалось. Нас водило вокруг несколько дней. Но мы всегда возвращались к развилке.

— Думаю, я смогу пройти.

— Кроме того... Инквизиторы.

— А что с ними?

— Они каким-то образом узнают о том, что кто-то идет в Рассветные горы. И нападают.

Глава 17

— Сожалею, миледи, но вы не беременны.

Веронике не верилось, что она услышала эти слова, произнесенные профессиональным доброжелательным голосом с легкими нотками сочувствия.

— Но... — попробовала возразить она. — Я была уверена. И, потом... А как же...задержка? И перепады настроения... И...

— Так бывает, когда очень хочется ребенка. Но...

— Понятно.

Вероника поднялась, чтобы уйти.

— Вы совершенно здоровы, — донеслось ей в спину. И, думаю...

Принцесса Тигверд специально приехала в клинику, что находилась в отдаленном, малознакомом районе Роттервика. Слава Стихиям — удалось сохранить инкогнито. Помог плащ герцогини Реймской с огромным капюшоном, скрывающим лицо густой тенью. Спасибо старому доброму другу — тревожному чемоданчику. Сколько раз он ее выручал?

Конечно, можно было бы обратиться к Ирвину или Рене, но... Тогда бы она точно разревелась. Как вот сейчас. С той лишь разницей, что в полутемной, мерно покачивающейся карете никто не видит, и ни перед кем не нужно отчитываться. Ехать около двух часов, так что можно дать волю эмоциям. Успеет прийти в себя.

Как давно желание родить ребенка незаметно для нее самой стало навязчивым состоянием? С момента, когда поняла, что любит и любима? Первого поцелуя в карете?

Или с той встречи, в занесенном розовыми лепестками парке, когда она в первый раз увидела Ричарда? Насупленного, недовольного Имперского палача, измученного овсянкой?

Она до сих пор помнит тот день в мельчайших подробностях. Холод белоснежного мрамора скамьи, обнимающей толстый ствол огромного цветущего дерева. Звон шпаг за спиной — Рэм и Пауль.

Пашка... Рэм. Феликс. Может, она слишком многого хочет? Не каждой женщине дается такое счастье. Трое сыновей. Взаимная любовь. Иные миры. Родители здоровы. Друзья верны. А она рыдает... И не стыдно? Стыдно. Очень. Какое же ненасытное существо человек! И все ему мало! Мало! Мало, потому что, не смотря на все здравые доводы, отчаянно, нестерпимо хочется дочь! Девочку. Де-воч-ку! Стоит закрыть глаза — и

видишь крупные кольца жестких волос, черные с алыми искорками глазенки. На нее девочка тоже похожа — очертания губ, высокий лобик, чуть курносый нос. Откуда она знает? Знает! Кожей чувствует. Видит во сне каждый день.

Вероника вытерла глаза — надо заехать в книжный магазин, обсудить кое-что с господином Мирровым. Еще не хватало, чтобы на улицах Роттервика увидели и опознали заплаканную принцессу Тигверд! Вот конкуренты-журналисты обрадуются. Конечно, после того, как ветераны спалили типографию, а император Тигверд обозначил свою позицию по поводу публикаций о его семье, они сильно поутихли. Однако новые веяния об использовании фотоаппаратов взяли на вооружение.

— Ника...

Ричард возник словно бы из ниоткуда, стоило только выйти из кареты. Она тут же оказалась в крепких объятиях, что забирали горечь, тревоги и сомнения.

— Что-то случилось?

Вероника потерлась щекой о его плечо. И... снова расплакалась.

Мужчина судорожно вздохнул, утаскивая жену в портал, подальше от любопытных глаз.

Они оказались в знакомом домике. В мире, что был разрушен его жителями. Лес чуть слышно шелестел огромными листьями, поверхность которых покрыта мягкими иголочками. Она помнила эти огромные, ярко-изумрудные листья, фиолетовые тени на толстых стволах. Пахло деревом. Огонь в камине вспыхнул, повинаясь взгляду огненного мага.

— Иногда мне кажется, — тихо проговорил Ричард, — что уже при следующем посещении, этот мир будет в порядке. Можно будет снять купол, рассадить деревья...

Вероника вытерла слезы и еще крепче прижалась к мужу.

— Все образуется, любимая, — погладил он ее по голове, как маленькую.

— Я не беременна. Не понимаю, почему... Может, оттого, что я так сильно хочу этого? Или...

Лесной домик замер. Взгляд упал на знакомую шкуру. Она уже плакала здесь. Жаль, что с перстнем нельзя посоветоваться. Милена... Что бы она сказала ей сейчас?

Ричард вздрогнул, будто прочитав ее мысли.

— Это я раздражил Пустоту, — выдохнул маг после долгого молчания.

— Что это значит?

Принц Тигверд смотрел перед собой, туда, где за пыльным стеклом крошечного окошка над едва различимой полосой горизонта клубился яд.

— Я... — с тоской в голосе проговорил он, — отказался от возможности иметь ребенка. Тогда я был не в себе. А потом... когда полюбил, поверил и по-настоящему почувствовал, что значит быть счастливым, все равно ставил какие-то условия: только после свадьбы, только законнорожденный... Это было неправильно. И теперь я за это наказан. За то, что не хотел с благодарностью принимать все то, что готова была дать Вселенная... Считал себя в праве решать.

— И что теперь?

— Просить Стихии о милости... Больше ничего не остается. Ника... прости меня...

Она обняла его крепче:

— Все образуется. Пустота справедлива. Я верю. Слышишь? Все будет хорошо.

Ричард прижался к жене губами, скользнул по соленой щеке, добрался до любимых губ. И они забыли обо всем...

В родных объятиях было спокойно. Все будет хорошо. Нужно просто положиться на милость Стихий.

Тихо. Стук сердца Ричарда. Шум заповедного леса. Знакомый лай. И топот, словно по лесной тропинке неся огромный конь, а не подрастающий пес.

— Фло?! Откуда ты взялся? И... как нас нашел?

— Мне иногда кажется, — Ричард склонился над принцем Флоризелем и потрепал золотистую макушку, — что он — очень даже магическое создание. По крайней мере, между мирами ходить умеет.

Вероника ожидала, что пес, как обычно, поднимет наивные глаза: «Кто умеет?! Я?! Что вы такое говорите?»

Но, как ни странно, этого не произошло. Флоризель, с самым серьезным видом, крутился вокруг них, толкал лобастой башкой. Черный нос ходил ходуном, уши тревожно колыхались.

Пес изо всех сил пытался им что-то сказать...

Вероника вспомнила, что читала о гончих святого Губерта. Если они становились на след, то шли по нему до конца. И ни время, ни расстояния не могли их остановить. Только смерть.

Было что-то еще о прекрасных Арденнских лесах, в которых охотился славный рыцарь Франциск Губерт, не очень благочестивый сын местного герцога. Он любил охотиться и веселиться, не смотря на то, что церковью было предписано сдерживать себя в подобных удовольствиях в

определенные дни.

И вот однажды, целясь в оленя, он увидел сияющий крест меж ветвистых рогов. Это произвело на молодого человека такое сильное впечатление, что из страстного охотника он превратился в монаха. Однако охоту не бросил, забрав с собой в монастырь любимых собак. Он служил в монастыре Андас, и его верная стая не покидала хозяина даже во время мессы.

А Фло? Интересно, он...разговаривает с Пустотой? И куда он их зовет?
— Показывай, — приказал Ричард, крепко беря жену за руку.

С минуту пес всматривался прямо перед собой, совсем как его хозяин несколько минут назад. Спустя какое-то время появилось марево портала, в радужной оболочке которого было больше золотистого цвета, чем обычно. Веронике показалось, что над сияющей аркой она видела голову оленя с крестом меж ветвистых рогов, но принцесса Тигверд тут же списала видение на излишнюю впечатлительность.

Они не сразу поняли, что оказались в другом мире.

Шум волн. Скрип подгнивших досок под ногами. Запах рыбы, чего-то кислого и тревожные, жалобные крики чаек над головой. Свинцовое, мрачное небо.

— Ричард... — Вероника крепче сжала руку мужа.

— Не бойся, любимая. Не узнала? Мы в Тании.

— Где?

— Мир, в котором мы провели последний отпуск.

— Ты...уверен?

— Да. У всего есть темная сторона.

Вероника никак не могла связать окружающую атмосферу с миром страстного танго и ночных фейерверков. Веселые домики, белоснежные дорожки и яркие цветы, заботливо высаженные хозяйками — все это исчезло, будто и не было никогда!

Холодно. Неуютно.

Вдруг они услышали отчаянный женский крик:

— Помогите!!!

Лай Флоризеля. Ричард побежал вперед, крепко сжимая руку жены. Принцесса Тигверд впилась в ответ в теплую мужскую ладонь, стараясь не отставать. Они бежали по деревянному настилу причала, петляя, стараясь не поскользнуться на поворотах, пока, наконец, не остановились у покосившейся будки, чуть было не налетев на Фло.

Таверна «Кость в горле». «ЗАКРЫТО», — гласила надпись сомнительного заведения, сильно смахивающего на пиратский притон.

Флоризель нетерпеливо поскуливал, всем своим видом показывая, что опасность — вот она, за этой самой дверью...

— Нет! Отпустите! Умоляю, не трогайте его!

— Ваш сын отправится со мной. Он нужен Ва́ду. А вы радуйтесь, что я великодушно оставляю жизнь вам и вашей дочери.

Голос был тихим, вкрадчивым, но от него у Вероники позвоночник сковало от ужаса. Ричард уже сомкнул пальцы на ручке входной двери, жестом показывая жене, чтобы она спряталась за угол вместе с Фло. Дрожащими от страха и холода пальцами принцесса Тигверд вцепилась в золотистую шерсть, когда услышала другой мужской голос — низкий и хриплый:

— Малышке придется немного подрасти... Но ничего. Будет пока смотреть, чем занимается мамочка и учиться...

— Вы не посмеете! Оставьте нас в покое!

Принц Тигверд рванул дверь на себя, Вероника лишь увидела яркую вспышку алого пламени, которое тут же исчезло, и... Муж упал. Медленно. Тяжело. С глухим, безжизненным стуком. В голове помутилось. Фло подбежал к хозяину. Стал вылизывать лоб и серебристые волосы.

Вероника вспомнила, как когда-то вытащила кентерберийскую змейку. Как заметила эту тварь на границе света и тени. Что-то подобное произошло и сейчас. Она видела черные пятна вокруг головы мужа, которые пес слизывал искрящимся золотыми искорками языком! В ту же секунду поняла, что с Ричардом все будет в порядке. Сосредоточилась. Позвала на помощь. Не зная, получилось у нее или нет, вбежала внутрь и застыла.

Тяжело дыша, Вероника смотрела на драму, что разворачивалась перед ней. На побелевшую лицом женщину в руках огромного, бандитского вида монстра. Эти ручищи могли в два счета свернуть несчастной шею, особо не напрягаясь. На знакомых детей — Дарри и Эллу. Мальчика крепко держал за плечо высокий, худой человек в черном. Девочка была привязана к стулу толстой веревкой. Во рту — кляп. По щекам ребенка бежали слезы. Сволочи!

— Ну что же вы? Боритесь! Вы же маг! Это же...ваши дети!

Вероника кричала, глядя в глаза незнакомки. С чего она все это взяла? Может, потому что женщина вся будто светилась изнутри? Что-то странное случилось с принцессой Тигверд. Воздух дрожал. Искрилась женщина. Мужчина в черном тоже дрожал от непонятной, неизвестной силы, которую она почему-то чувствовала, и от которой ломило виски.

Язык Фло слизывал и слизывал тьму с Ричарда.

Вдруг пес заскулил и привалился на бок. Принц Тигверд пришел в себя. В то же самое мгновение женщина издала нечто похожее на вопль вместе с рычанием, и Вероника упала от невыносимой боли в висках....

...

— Он ушел. Это плохо... — голос Ричарда.

— Куда он ушел? — император мерил шагами спальню дома, который принц Тигверд подарил своей жене в память о прекрасном отпуске, проведенном в Тании.

— Он ушел в Ваду, Ваше Величество, — негромко ответил милорд Швангау.

— Вы не могли бы перенести дискуссию в кабинет принца Тигверда или гостиную? Миледи Веронике необходим покой, когда она придет в себя! — Ирвин изо всех сил старался быть любезным, но злость целителя сквозила в каждой ноте.

— Нет! Нет, не уходите! Я... Мне... Уже лучше...

— Ника! — Ричард бросился к жене.

Ирвин запустил пальцы в рыжеватые волосы и сжал, стараясь держать себя в руках.

— Что с детьми? — Вероника сделала вид, что не заметила реакции придворного целителя.

Ирвина, конечно, жалко. Но сейчас гораздо важнее то, успели ли они спасти детей. Однако от взгляда принцессы Тигверд не ускользнуло, что в бирюзовых глазах целителя не смотря на явное недовольство были... любовь и счастье. И это радовало. Очень.

— Не волнуйся. С ними все хорошо. Женщина, их мать — оказалась очень сильным магом. Ее силы хватило, чтобы дать мне минуту-другую. Я вызвал подмогу.

— Значит, у меня не получилось, — прошептала принцесса, вспомнив, как сама пыталась позвать на помощь.

— У тебя получилось разбудить магию в той женщине! Думаю, она ей до этого дня не пользовалась.

— А где она?

— Приходит в себя. Как ты поняла, что она маг?

— Сама не знаю...

— Если бы не Фло, — начал было Ричард, но ему не дали договорить.

— Гав! Гав-гав! Гав! Гав! Гав!

— Фло!!! Спаситель наш! Пойду, накормлю его. Можно, я встану? — Вероника кинула извиняющийся взгляд на рассерженного целителя.

— Да делайте вы что хотите! — в сердцах вздохнул Ирвин, и присел,

чтобы погладить золотистое чудо.

Принц Флоризель, безусловно, был героем сегодняшнего дня. И единственным, на кого сегодня не злился придворный целитель.

Глава 18

Последнюю сотню метров всадники безжалостно гнали коней, не обращая внимания на хрипы и падающую кровавую пену с ноздрей измученных скакунов. Черные плащи инквизиторов воронами перелетели подвесной мост, цокот копыт взлетел вверх, туда, где над площадью дрожала в розоватых сумерках башня Айша.

Учитель и ученик спешили, со смесью жалости и зависти отдавая слугам лошадей. Если скотина выживет — хорошо. Они загнали животных до полусмерти, но зато теперь о них позаботятся. Тяжело дыша, инквизиторы двинулись к башне. Для них же все только начинается. Они принесли с собой плохие вести...

— А вот и наши братья! Многоуважаемый Шонн Рамм и юный Марк. Добро пожаловать! Вина? Как мы понимаем, вы упустили короля Арвина? — ядовито пропел Тинн Лой, поглаживая серебристые чешуйки.

— А вы, брат? Упустили королеву Риадну, как мы понимаем? — не удержался Рамм, бросив брезгливый взгляд на свернувшуюся вокруг запястья Лоя тонкую змейку.

— Довольно! — голос Верховного Инквизитора, взорвавшись в голове каждого, кто присутствовал в зале, эхом отразился от стен.

Небольшой круглый зал под самым небом. В узкие бойницы щурится кровавый закат. Эхо, проглотив недовольный голос инквизитора, смолкло и растворилось в тихом шуршании.

— Шшшшшш...Шшшшшш...Шшшшшш.....

Это десятки серебристых змей величественно скользят по стенам. Оттого на окнах мелкая решетка. Камень специально поливают чуть подслащенной водой.

К змеям допущены лишь те, кого Тинн Лой выбирал лично. Яйца омми были привезены из Рассветных гор двести лет назад потомками второго заместителя инквизитора. Секрет нейро передавался из уст в уста по роду. Если бы Тинн захотел, то, наверное, сверг бы Верховного и занял его место. Все, присутствующие в зале, понимали это. Но он был хитрее. Гораздо выгоднее оставаться в тени.

Эти твари каким-то чудесным образом блокировали попытку проникновения в чужое сознание. Змеи были необходимым атрибутом совещаний. Тайным ингредиентом, о котором знали лишь избранные,

безгранично преданные. Без блокировки инквизиторы бы не смогли сдержаться. Там, где есть власть, нет места доверию. Это понимали все...

— Шшшшшш... Шшшшшш...Шшшшшш....

Оба заместителя Верховного склонили головы. Марк, как самый младший по рангу, опустился на одно колено.

— Довольно, — уже беззлобно повторил глава инквизиции, — не время...Мне не до вашей мышины возни! Лой...

Верховный сделал еле заметный жест, и Тинн Лой позволил себе ухмыльнуться. Минутой спустя змеи стали стекаться к ногам инквизитора. С тяжелым вздохом тот вытащил из мягких сапог уродливые ступни и, морщась от боли, поставил на низкую скамеечку. Змеи обвили распухшие суставы. Мужчина прикрыл глаза.

Подобный массаж — единственное, что приносило хоть какое-то облегчение. Ни один целитель не смог помочь. Если бы нашелся такой маг, Верховный бы обязательно что-нибудь придумал, чтобы оставить его в живых. Но нет. Не нашлось. Во всем Ваду не нашлось. Проклятье! Хорошо еще, что его тайну знали лишь несколько человек, включая присутствующих. Остальных сожгли. Это очень удобно. Но боли... Невыносимые, изнуряющие боли.

Приходится считаться с этой змеей, Лоем! Серебристые ленты слушаются одной его мысли. У остальных же ничего не выходит. Но самое неприятное — это то, что, возможно, Тинн Лой единственный, кто способен читать их мысли, несмотря ни на что!

Да... Он дорого бы дал, чтобы узнать секрет рода Лоев. Но, увы, это невозможно. Никто не знает, каким образом все эти годы они разводят змей. И где кладка...

Хорошо еще, что эти черви абсолютно безвредны. Омми способны блокировать атаки нейро, но совершенно не ядовиты. В противном случае безграничная и неоспоримая власть потомкам рода Лоев была бы обеспечена. Еще бы... Такое оружие в руках!

— Итак. Все в Ваду уже знают о явлении короля Арвина. Шонн? Это... правда, король? Или же самозванец, которого организовали нам маги?

— Это король. К сожалению.

Несколько секунд Верховный молчал, блаженно прикрыв глаза. Змеи ртутью растеклись у ног, сверкая и переливаясь. Рамм против воли залюбовался. Он терпеть не мог ни Лоя с его подлой остроносой физиономией, ни его склизких питомцев. Лой и сам как змея. Ползет,

вынюхивает, преследует, нашептывает. Да, он полезен. Но случись что — предаст. Почему-то он был в этом уверен. Шонну стоило невероятных усилий при общении с Марком скрывать эту свою неприязнь. В воспитательных целях.

— И...как он?

Инквизитор открыл глаза и подался вперед, пристально всматриваясь в усталое, грязное от пыли лицо Шонна Рама. Так, словно тот его обманывал, или ему было что скрывать!

Марк заметил недовольство, мелькнувшее на лице учителя.

С каждым закрытым совещанием инквизиторов в душе младшего росло нечто, чему он сам пока еще не решался дать имя. Холодный взгляд серых глаз Лоя, гримаса боли Верховного, тревога, что залегла упрямыми морщинками в уголках четко очерченного рта учителя, Рама. Серые стены с неизменно розоватыми отблесками кровавого заката, с ртутными подтеками омми. Марк не мог избавиться от ощущения, что каждый из присутствующих готов наброситься на другого. Чтобы вцепиться зубами в сонную артерию. Либо просто незаметно плеснуть яду в бокал с вином. Совет инквизиторов. Каждый из них ненавидит рядом сидящего, и все они ненавидят свой страх. Страх перед тем днем, когда чаша боли народа переполнится. Страх быть сожженным на костре. Те, что отправляли на костер других, больше всего боялись оказаться там сами. Каждую ночь им снился один и тот же сон. Удушливый пепел, нестерпимый жар и крики... Предсмертные крики сожженных, переходящие в их собственный. «Нет... Нееееет!!!» Так кричал учитель по ночам. Он, Марк, знает его тайну. И он уверен, эту же тайну хранят в своих роскошных спальнях и Верховный, и второй заместитель.

Конечно, это тяжело. Долг. Долг жесток. Жалко людей. Но подобная жестокость необходима! Ради тех, кто чист от скверны магии. Или...нет?

Сомнения снова перехватили дыхание, и Марк попытался подавить их в себе. С каждым совещанием делать это было сложнее.

Младший инквизитор поймал на себе пристальный взгляд Лоя и потупился. Все видит... А вдруг он и правда, единственный, кто способен читать мысли несмотря на то, что стены облеплены омми? Никто не знает секрет змееловов...

— Мы ошиблись в Эйше десять лет назад, — Рамм посмотрел на Верховного и снова опустил голову, но голос его не стал тише, — не заметили в избалованном мальчишке львенка. Теперь же... он вырос. Лев силен! Зол. Он — нейро! Его не только питает сила земли Ваду. Гаденыш каким-то образом заручился поддержкой стихийников империи Тигвердов.

Это само по себе плохо. Очень плохо. Но самое плохое не это.

— Неужели есть что-то, хуже всего этого? — протянул Тинн Лой.

— Есть, — Рамм перевел взгляд на него, — как только король объявил о своем появлении на Русальей горе, из окрестностей ушел песок...

— Даже...так?

Голос Верховного изморозью лег на стены. Омми, казалось, застыли. Солнце село, и небольшое помещение башни утонуло в темноте.

— Лой, будьте добры, зажгите факелы. Не сидеть же в темноте.

Факелы вспыхнули, спугнув змей с насиженных мест. Лой заговорил, низко опустив подбородок, будто обращаясь к самому себе:

— Нельзя было выпускать щенка из башни! Еще тогда... Десять лет назад...

— Вас не было в столице, — резко ответил Верховный, — а посему вы не можете судить о том, что здесь происходило!

Второй заместитель почтительно склонил голову, а Шонн Рамм отметил про себя, что самому Айшу только что напомнили о том, что именно с его слов юный король узнал о том, что инквизиторы — маги.

— В любом случае надо объявлять, о том, что человек с Русальей горы — самозванец, — решил Айш. — И, конечно же, нам как никогда раньше, нужен наследник Ваду!

Все присутствующие тут же перевели взгляд на второго заместителя. С нескрываемым удовольствием (за которое, правда, тут же себя и упрекнули) отметили, что в глубине серых глаз чешуйками омми вспыхнула злость. Змее прижали хвост...

Тинн Лой, хранитель рода змееловов, ищейка Верховного, змея, которую боится сам Айш. Инквизитор не привык оправдываться. Проигрывать. Это бывало...редко. Крайне редко! Практически никогда.

Десять лет. Десять лет он, лучший из лучших, десять лет он искал королеву и щенков Эйша! Как жаль, что его не было в столице. Если бы он только был рядом... Эти олухи не отследили портал сразу. След надо брать горячим! Словно маги водили по мирам и закоулкам Вселенной. Ничего. Ни запаха. Ни звука...

Будто кто-то всесильный пологом укрыл королеву с детьми. А с месяц назад перестали действовать порталы!

В это время он был в империи Тигвердов.

Что было надо стихийникам от них? Они спасали приговоренных к сожжению, оставляли в Ваду своих соглядатаев. И на каком основании?! Но война с имперцами... Они не в том положении. Приходилось мириться с тем, что император Тигверд вмешивался в их внутренние дела. Лою

показалось логичным, что если имперцы выступают против инквизиторов и укрывают магов — семья Эйша у них.

Он ошибся. О королеве Риадне никто ничего не знал, инквизитор же застрял в проклятой империи на несколько долгих месяцев! С трудом ушел от имперской контрразведки во главе с милордом Журавлевым.

И однажды — о чудо! Ненаследный принц Тигверд с женой оставили след... Он отслеживал все порталы правящей династии. На всякий случай. И был вознагражден! Нашел! Нашел, и с удивлением понял, что имперцы о нахождении Эйшев в Тании даже не догадываются. Им попросту нет до них никакого дела. Старший сын императора с супругой всего лишь облюбовали этот мир как место семейного отдыха...Невероятно!

Если бы он знал. Если бы он только знал, что пески покорятся Арвину... Он бы предложил королеве помощь. И был бы в безопасности. А сейчас? Они проиграли. Народ пойдет за королем, потому что тот избавил мир от песка. Тех, кто все это время жег родителей, детей и возлюбленных, ждут костры. Это понятно и младенцу.

Тонкие пальцы раздвинулись, позволяя змее обвиться вокруг них. Перед глазамиплыли страшные картины. Искаженное злобой лицо Риадны. Он никогда не забудет, как воздух дрожал от мощи ее магии... Пламя костров. Детский смех. Нет...Нет!

Тинн Лой смотрел на Верховного, внимательно слушающего Шонна Рама. Инквизитор заставил себя вынырнуть из страшных видений. Возможно, еще не все потеряно...

Рамм что-то лепетал о русалках, которые пришли на помощь имперцам и королю Арвину. Русалки? Что за нелепость...

Как же он не просчитал ситуацию... Пытался продать королеву с дочерью пиратам. Такое не прощается. Королева не простит. Никогда...

Надо было бросить женщин и просто хватать щенка! Сейчас у них был бы хоть какой-то козырь! Но нет. Ему, как всегда, хотелось сделать все красиво. С особой жестокостью. Он позволил себе идти на поводу своих страстей и поплатился за это. Если бы не проклятые Тигверды, что появились в самый неподходящий момент, у него бы все получилось! Если судьба даст ему второй шанс, он убьет эту парочку...

— О чем вы так задумались, Лой?

Тинн вздрогнул, очнувшись от голоса Верховного инквизитора.

— Я лишь внимательно слушал доклад брата Рама.

— Люди, оставшиеся верными своему долгу, доложили о том, что король Арвин покинул лагерь магов. Как вы считаете, куда он мог отправиться?

— К Рассветным горам, — ни секунды не сомневаясь, ответил Лой.

— Не лишено смысла, — пробормотал Верховный и вопросительно уставился на остальных.

Шонн Рам с учеником согласно кивнули:

— Думаю, Тинн прав, — Рам поднял на Верховного глаза, — по крайней мере, я на его месте поступил бы так же.

Марк кивнул. В какой-то момент в сердце младшего инквизитора шевельнулась надежда. Ведь если песок ушел с появлением короля, это значит, мир спасен? Может быть все это, наконец, закончится? Если он сам является последним злом, он готов идти на костер. Во имя спасения Ваду. Он пойдет. А братья? И словно в ответ на немой вопрос, ученик услышал голос Верховного:

— Было бы замечательно, если бы он там и остался. Навсегда! После объявим, что его величество, появлению которого все так обрадовались, погиб от рук магов. Магов, что душат наш мир. Магов, что должны быть уничтожены! Несколько показательных казней, и все вернется на круги своя...

— Вы забываете, — прошипел Лой, — королевская кровь... Как быть с проклятием? Если бы все было так просто, десять лет назад все было бы кончено! Простите, что напоминаю, но мы снова возвращаемся к тому, откуда пришли!

Будто в ответ на гнев хозяина, омми врассыпную бросились прочь от ног Верховного инквизитора. С тяжелым вздохом тот вновь засунул неестественно вывернутые суставы в мягкие невысокие сапожки:

— Придумайте что-нибудь. Короля надо выследить. И уничтожить! Мне не важно, чьими руками, и каким способом. Если нельзя убить, значит, выбросить куда-нибудь подальше. Арвин Эйш должен исчезнуть из Ваду!

— Но...

— Да, мой мальчик? — Верховный постарался обратиться к ученику Рама как можно мягче, но увы...

Поздно. Слишком поздно! Он забыл, что мальчишка здесь. Забыл, на чем держится его вера. Непозволительный промах. И уже не первый за последнее время. Придется...

— Песок... — еле слышно проговорил Марк, — ведь песок ушел! Ушел за...королем Арвиным!?

Глава 19

Милорд Милфорд был раздражен. Водный маг злился. На королевство Летающих Песков и его короля — за то, что настоял на этом походе втроем, без подготовки; на себя — за то, что согласился, да еще и Таю потащил с собой! Стихии...

— Никакой подготовки, никакого сопровождения! Почему нельзя было взять с собой отряд Недда?

Арвин лишь улыбнулся и покачал головой. Он и сам не мог объяснить, отчего настоял, чтобы в Рассветные горы они отправились втроем. Ему казалось, так будет правильно.

Он слышал одобрение в шуме освобожденной от пепла листвы, видел его в молодевших с каждым днем синих глазах Терры, чувствовал в запахе медовых лепешек. Король заново узнавал свой мир. Вспоминал. Кожей ощущал дыхание золотого, нагретого солнцем песка.

— Мы идем как на ладони — причем все уже поняли, куда именно, — продолжал начальник имперской разведки, — наверняка уже нашлась добрая душа, что не поленилась доложить об этом инквизиторам. Следовательно — мы идем в засаду. Вас это не смущает, Эйш?

— Смотрите!

Милфорд вздрогнул от голоса любимой, испугавшись, что девушке грозит опасность. Но Тая, до боли знакомым движением откинув вьющиеся волосы назад, свободной рукой указывала на...

— Лимарра? — милорд с сомнением уставился на усыпанный мелкими алыми ягодами низкорослый кустарник.

— Малина! — счастливо выдохнула девушка и свернула с дороги, поманив мужчин за собой.

Листочки на кустиках были не столько зелеными, сколько сероватыми, однако спелой, душистой ягоды под ними было видимо-невидимо. Теплый, терпкий, сладкий аромат нагретых солнцем плодов заставил забыть обо всем!

— Смотри, Эдвард! Смотри сколько! А какие сладкие! Иди...иди сюда скорее! Попробуй!

Маг смотрел на любимую — и сердце сжималось от тревоги. Он еще вчера, как только узнал о том, что король Арвин затеял поход в Рассветные горы, попытался выстроить портал в Империю. Мысль о том, что девушку необходимо как можно быстрее отправить в безопасное место, не давала

покоя. Но ничего не вышло...

Он всматривался в смуглое лицо. Глаза... Какие они счастливые! И как ей это удастся? Где юное, нежное создание черпает столько силы? Откуда берутся воля и смелость, что не каждому солдату были даны на его памяти, а помнил милорд Милфорд немало.

Сколько же натерпелась эта девочка за последнее время. И ведь ни разу не пожаловалась. Как же ей, должно быть, тяжело. Тая... Девочка моя. Прости... Я должен был сделать так, чтобы всего этого не было!

— Держи! — подбежала она к нему и протянула в пригоршне мелкие, ароматные ягоды.

Мужчина не смог побороть искушение. Прижался губами к ладошке, привлёк девушку к себе.

— Ты извелся весь, — прижалась она к нему. — Но я просто уверена — все будет хорошо. Терра не отправила бы нас...

Он заставил ее замолчать... Ее губы были слаще ягод, черные волосы пахли счастьем. Сердце сжалось, а мир вокруг просто исчез. Может быть на них смотрит король Арвин, может быть их подстерегает опасность, может быть вот сейчас, если попытаться, он бы смог построить портал...

Но все исчезло. Только липкая горячая ладошка держит на этой Земле его душу. Если бы не она, эта маленькая ладошка, улетела бы душа мага в синее небо, не оставив следов на песке...

Треск сухих веток заставил вздрогнуть и с сожалением оторваться друг от друга.

— Не помешал?

Милфорд смотрел на перепачканное алым соком лицо короля, и на какое-то время забыл, что злился.

— Надо же! У вас тут малина! Прямо как наша, только маленькая совсем.

Ягоды и правда были похожи на крошечную малину. По сравнению же с имперской лимаррой и малина казалась мелкой, а уж эта...

— Это — манка.

— Манка?! — и девушка рассмеялась.

— Манка, — подтвердил король, — маны — особым образом плетеные корзинки, куда обычно ее собирают местные жители, отсюда и название.

— А... У нас манка — каша. Я ее с детского сада терпеть не могу!

— Каша? Манка? Странно... Ни в одном ресторане вашего мира не видел этого блюда в меню.

Тая даже села от смеха на песок, представляя себе, в каких ресторанах

обедал меценат Эйш! Было бы более чем странно, если бы в меню подобных заведений появилась манная каша! Милорда же заинтересовало совсем другое:

— Детский сад? — вопросительно посмотрел он на девушку.

— Ну да. Маленьких детей водят в детский сад, — Тая отправила в рот мужчины очередную порцию сладких ягод.

— Зачем? — маг нахмурился.

— Ну...как. Родители работают. Ребенка ж надо куда-то девать!

— Ах да. Совсем забыл. Женщины вашего мира работают...Скажи, а женщины работают только в типографии? Они издают газеты?

— И в типографии тоже. Женщины работают везде.

— Ну... надеюсь когда мы вернемся в Империю, ты работать не будешь, — мужчина сам взял руку девушки и решительно высыпал горсть ягод себе в рот.

— В смысле? — Тая так растерялась, что забыла о том, что собирала ягоды.

Снова затрещали ветки, и это был не Эйш. Тот предусмотрительно удалился вглубь манника, почувствовав назревающий конфликт.

Из-под кустов высунулась кошачья синеокая морда.

Манул облизнулся. Оказывается, манулы едят манку. Во всяком случае те, которые духи — точно едят. А еще они смотрят на водных магов как... Ну, как на не очень умных людей. Иногда...

— Во-первых, — осторожно начала девушка, — почему ты решил, что мы будем жить в Империи? Тебе... Тебе же нравится Питер? Разве нет?

— Мы будем проводить там отпуск, — маг привлек любимую к себе, но та чуть отстранилась, дав понять, что разговор не окончен.

Манул чихнул.

— А почему не жить все время?

— Ну...Пойми. Что я...

— Что ты там будешь делать? То есть это тебя волнует. А я? Я чем буду заниматься в этой вашей Империи? Об этом ты подумал?

— Простите, милорд, — король Арвин вынырнул из кустов, — я, как человек, проживший в мире Таисии довольно долгое время, позволю себя вмешаться и дать вам один совет...

— Какой же? — Милфорд крепче прижал к себе девушку.

— Дело в том, что единственным правильным ответом на вопрос вашей дамы с ее точки зрения является примерно следующий: «А чем бы ты хотела заниматься, дорогая?». И не дай Пески вам ответить что-либо другое!

Прежде чем водный маг успел что-либо возразить, чкори ответила:

— Не знаю...

— А в вашем мире? Кем ты хотела бы стать? — поинтересовался господин Эйш.

Арвин знал, что в мире Таисии все — и мужчины, и женщины в определенный момент своей жизни определяются с профессией. Выбирают учебные заведения, которые позволят им со временем освоить то или иное мастерство. В глубине души король считал подобный подход правильным. Он даже задумывался о том, что в мирном королевстве Ваду он распорядится со временем ввести кое-какие изменения, касающиеся образования.

— Ну... — девушка явно смутилась.

— Смелее, — подбодрил бывший меценат, — какие-то планы же были?

— Я думала, что если удастся на чемпионате мира войти в первую десятку... Может, я смогла бы тренировать.

— В первую десятку?! — Арвин широко раскрыл глаза.

— Думаете, не получится?

Манул снова чихнул, и синие глаза уставились уже на чкори как на не очень умного человека. Если бы Анук-Чи качали головой, кот бы это сделал. Но духи не имели такой привычки, к сожалению.

— Я больше чем уверен, Таисия, что есть шансы на победу. Особенно если мы с милордом возьмемся за тебя по-настоящему. Время еще есть. Успеем.

— Правда? Ой! — и чкори бросилась целовать водного мага.

Милфорду ничего не оставалось, как согласиться. Более того, он был искренне благодарен Эйшу за то, что тот вмешался. Маг прекрасно понимал, что если бы не Арвин, их разговор с чкори закончился бы неминуемым скандалом.

Нет, он, конечно, ничего другого и не ожидал. Миледи Вероника давно перевернула взгляды милорда Милфорда на положение женщины в обществе. И не только его. Да...

Увеличение процента подобных женщин в Империи ни к чему хорошему не приведет. Маг это понимал. С другой стороны, без этой девушки дышать он уже не сможет никогда — это тоже осознавалось каждой частичкой. Да...

Манул бежал впереди, а путники то и дело восхищенно крутили головой.

Оживший мир Ваду поражал своей красотой. Везде, куда только

хватало глаз, набирала силу молодая зелень. Горные реки с грохотом падали вниз, играя в лучах предвечернего солнца россыпью алмазных брызг. Смех русалок. Птичий пересвист. И золотой песок под ногами. Чистый. Ласковый. Песок, а не пепел!

К вечеру, усталые, они вышли к небольшой пещере, где и решено было заночевать. Анук-чи исчез, растворившись в синих сумерках. Чкори улыбнулась. Девушка поймала себя на мысли, что уже привыкла к тому, что манул появляется и исчезает. Более того, она безошибочно чувствовала, когда именно это произойдет. Манул был частью ее. Теперь она это понимала.

Вы когда-нибудь видели закат в Ваду? Нет? Он бывает разным. Иногда — кроваво-алый, будто вспыхнувший во тьме пожар, несется по горизонту, не жалея огненных брызг! Но бывает он и другим. Нежным, розоватосизым, вот как сейчас, когда на его фоне четко выделяются три фехтующих фигурки. Двое мужчин и девушка.

Двое на одну. Скажете, не справедливо? Конечно. Тяжело ей приходится. Но это так и задумано. Просто ...они тренируются. Пока не село солнце.

...

Ученик инквизитора никак не мог сосредоточиться ни на своих мыслях, ни на своем состоянии. В ночь после последнего Совета не сомкнул глаз. Пришла его очередь мучиться от ночных кошмаров — проклятья инквизиторов Ваду...

А мир вокруг шалел от свободы! Зелень, прорвавшись сквозь душные оковы трупного пепла, тянулась к солнцу, ласкала взгляд. Горные реки плясали в воздухе алмазной пылью, и Марку чудились очертания прекрасных русалок, слышался нежный девичий смех. Пели птицы. И даже верная стая второго заместителя, что ртутью текла по обе стороны от дороги, не внушала ни трепета, ни страха.

То и дело одна из серебристых оми взбиралась Лою на руку, и те о чем-то долго шептались. Пафосная речь змеелова о том, что он, Марк, и есть тот избранный, достойный умереть во имя великой цели — не произвела впечатления. Учитель Рам молчал. С тех пор как Шонн пожелал ему после Совета спокойной ночи, инквизитор не проронил ни слова.

Мир Марка рухнул в тот самый миг, когда Айш, глава инквизиторов, признав короля, осознавая, что песок ушел из страны с его появлением, отдал приказ...уничтожить надежду на спасение собственной страны. Из-за

страха перед возможной справедливой карой.

А он верил. Искренне верил в то, что все они, суть порождение Тьмы и Зла, уничтожают себе подобных с той лишь надеждой, что настанет день, и они сами взойдут на костер. Его готовили к этому. И он готовился! Умереть. Он... Он видел казнь собственного брата!

Недд...

Брат был сильным. Очень сильным. Гордость рода. Сам Верховный обучал его. Лично. Великая честь, великая милость. Сам Айш.

Мужчины из их семьи были потомственными инквизиторами... Преданными. Исполнительными. Брат же был... слишком горяч. Пытлив. Требователен. Старался докопаться до правды и никогда не умел держать свои мысли при себе.

За ним пришли, когда на город упала ночь. Недда предал друг. Написал донос инквизиторам. Предал! Да, предал. Теперь он это понимает. А тогда... Тогда он искренне считал что несчастный, с болью в сердце выполнил свой долг. Он даже сочувствовал! Вместе росли, вместе учились... А все-таки донес. И про речи крамольные, и про сомнения ученика инквизиторов...

Завтра он умрет, а значит, за брата уже не отомстит. Жаль.

Может быть отцу и удалось бы что-то сделать (все-таки полтора столетия род был беззаветно предан) да и Шонн Рамм, возможно, встал бы на сторону рода ради любимого ученика... Но Недд...

Воспитанник Айша оказал бешеное сопротивление. Он кричал! О лжи, предательстве, о жестокости и садизме, недостойных души человеческой...

Эти слова навсегда отпечатались в сознании Марка. Он не был согласен с братом. Но забыть их не смог.

Не смог забыть перекошенное гневом, окровавленное лицо. Мысль о том, сможет ли Недд видеть или рана, что рассекла лицо, повредила глаз окончательно — эта мысль не отпускала. Она билась в сознании тогда, когда брата вели на костер. И потом... Когда смотрел на кучку черного пепла (еще удивился, какая она оказалась крошечная).

Тогда что-то случилось. Он почему-то не может вспомнить, что именно, кажется какой-то пожар. Все отвлеклись и он тоже, а тем временем костры уже полыхали.

Отец поспешил отречься от старшего сына. Ему даже позволили сделать вид, что Недда никогда не существовало. А мама... Мама умерла, не дождавшись конца суда.

С тех пор ненависть к себе отпускала лишь тогда, когда Марк вспоминал о неминуемом дне собственной казни. Нет, его это не

оправдывало. Но становилось легче. Ненадолго.

Ученик инквизитора не боялся смерти. Но великая миссия — пролить кровь короля Арвина, приняв на себя и весь свой род страшное проклятье... Вся эта затея дурно пахла. Он больше не верил. Внутри ничего не осталось. Пустота.

Он попытается спасти короля Арвина. Это решение пришло так просто. Так...легко. С последним предсмертным криком Недда в первом и последнем ночном кошмаре ученика инквизитора...

Ваду было не узнать. Как будто в одно мгновение кто-то, кто душил этот несчастный мир, по какой-то неведомой причине в ужасе разжал пальцы. На смену предсмертному хрипу в легкие с шумом и свистом ворвался воздух, и... Жизнь! Свобода! Солнце, небо, зелень, горы! Теплый, ласковый, чистый золотой песок под ногами.

Шонн Рамм улыбался всему этому великолепию грустной улыбкой. Он старался вобрать в себя каждый глоток ароматного воздуха, запомнить солнечные лучи, радугой растворенные в брызгах встречающихся на пути водопадов. Иногда нестерпимо хотелось сбросить с себя одежду, кожей ощутить ледяную прохладу воды, лечь в траву, уставиться в небо.

Но нет. Он шел, хлопая черными крыльями плаща за спиной, тяжелой поступью приминая нежную траву. Видел стаю оми в траве. Слышал сухой, ядовитый шепот.

Инквизиторы шли к Близнецам, черной тенью накрывая осмелившийся наконец вздохнуть полной грудью мир. Пепел исчез, но зло Ваду осталось. Гниющая рана — инквизиторы.

Рамм не спал этой ночью. Он думал. Думал о том, осталась ли в его душе хотя бы капля света и добра. И он нашел ее. Точку, частичку, что делала его человеком. Любовь. Любовь к Марку. Мальчишка был ему как сын. Он не позволит ученику погибнуть. В конце концов он, его наставник, полностью несет ответственность за все, что происходит. Рамм сам убьет короля и примет на себя проклятие. Если змея Лой попытается помешать, придется убить второго заместителя. Вот уж о чем не пожалеет!

Пески золотые... Какая красота вокруг! Лишь на мгновение инквизитор пожалел, что больше никогда не увидит всего этого. Но радость от того, что еще чуть-чуть и Смерть, милосердно освобождающая от мучивших столько лет подряд кошмаров уже близко, заставила забыть обо всем. Только бы получилось...

Тинн Лой щурил и без того узкие глаза, жадно ловя признаки

приближающихся сумерек. Маг ненавидел солнце. Яркое, палящее, оно, казалось, причиняло почти физическую боль. Болели глаза. Жгло бледную кожу. Яркость красок вокруг раздражала. Ему милее были серые чешуйки оми, темные, влажные пещеры. И уж если на то пошло — серый пепел был инквизитору ближе.

Рамм и Марк улыбаются, тая от умиления. Подумать только — души инквизиторов дрожат от трепета, воспринимая окружающие красоты! Нелепо...

Оми шептали новости. Трое. Стихийник, чкори и нейро. Знатная их ждет заварушка. Исход совершенно непредсказуем! Если Арвин победит, переходить на сторону короля ему, Тинну Лою, увы, бесполезно. Даже если мальчишку удастся убедить в его преданности, имперцы отдадут ему жену, и инквизитора ждет костер.

Надо уходить. Порталом. Куда угодно. Он сумеет замести следы. Оми не подведут — ни один маг, даже очень сильный, не отследит след сразу. А уж потом... Он сумеет о себе позаботиться.

Сумерки медленно опускались на горы, когда инквизиторы добрались до цели своего путешествия.

Камни-близнецы. Огромные, они возвышались на фоне удивительно нежного, розовато-сизого заката, и такой покой, тишина и умиротворенность были разлиты вокруг, что никому из трех инквизиторов не верилось в то, что завтра, на этом самом месте прольется кровь...

Глава 20

— Стихии... — Император побарабанил пальцами по столу, вздохнул, и кивнул придворному магу в знак того, что аудиенция окончена, можно расходиться.

Принцесса Тигверд сидела в кресле у камина. Слушала, как Фредерик и Швангау пытались найти выход из сложившейся ситуации. Ирвин забрал Риадну с детьми на остров, в надежде, что Ия поможет. Сам целитель так и не смог добиться от женщины более ли менее адекватного состояния.

С тех пор как Вероника узнала, что не беременна, внутри поселилось какое-то...безразличие ко всему. Немного волновал Рэм, последнее время он был слишком замкнут, но возраст самый что ни на есть располагающий к подобной отчужденности. Пятнадцать лет. Мальчишки...

— Дорогая...позвать целителя? — Ричард, как всегда, был внимателен и нежен.

Но почему-то сейчас женщину это не радовало. Захотелось уйти к себе. Господин Мирров любезно прислал серию новых детективов. Пусть каждый занимается своим делом. Император ищет, как проникнуть в Ваду, Ирвин лечит, а она, пожалуй, пойдет отдыхать...

— Все хорошо, Ричард. Просто...устала.

...

— Рэм, ты... Ты что творишь?!!!

Феликс, привыкший наблюдать за тем, как фехтуют братья, вскочил. В таком состоянии Рэма он еще не видел.

Пашка, кряхтя как старик, поднимался с земли. Рэм просто снес брата. Будто это был не дружеский поединок ради того, чтобы размяться, а последний бой в жизни герцога. Его сиятельство даже не взглянул на соперника. Сжав зубы до побелевших скул, рубил шпагой наотмашь, ничего не замечая вокруг.

— Да чему ты удивляешься? — бросил Пашка у Феликса, осторожно качая головой, словно проверяя — на месте ли она. — Он такой уже несколько дней! Все шарахаются...

— Рэм?.. — осторожно спросил юный целитель.

— Я не желаю говорить об этом, — холодно ответили ему.

— И такая канитель не один день, — вздохнул Пашка. — Рубануло — так рубануло. Его светлость рычат, кидаются. Ничего объяснять не желают.

— Не понимаю, — вздохнул Феликс, озадаченно поглядывая на обычно спокойного, хладнокровного юношу. — Может, попить успокоительную настойку пару недель?

— Не надо, — Рэм отбросил шпагу.

Сталь жалобно зазвенела по плитам. Ее стон обиженно вскарабкался по мрамору белых башен дворца и растворился в яркой бирюзе летнего неба. Погода стояла чудесная. Ясно. Солнечно. На этом фоне все происходящее казалось просто дурным сном. Нелепой, чудовищной ошибкой...

Герцог развернулся и, не обращая внимания на ошарашенные взгляды братьев, дал понять, что уходит.

Золотая птица галстук появилась из ниоткуда... Огромные песчаные крылья тенью накрыли двор, и все присутствующие услышали тихий, но твердый голос герцогини:

— Геральд?

— Матушка! — сухо поклонился юноша.

Красивое, тонкое лицо Рэма исказила злобная гримаса. С тех пор как инкогнито наследника было раскрыто, он сбросил чары, и теперь они с Паулем больше не были похожи на близнецов. Волосы юноши были на порядок темнее, зеленые глаза с чуть более миндалевидным разрезом, шрам справа над губой...

— Геральд, мне необходимо с тобой поговорить.

— Позже.

— Но... — проговорила герцогиня в спину сына.

Пашка и Феликс, переглянувшись, стали совершать маневр отхода. Подальше! Подальше от этих странных сегодня людей! Сначала забаррикадироваться в библиотеке, а там — как пойдет!

Рэм, пройдя несколько шагов, вдруг встал как вкопанный. Потом медленно развернулся. И проговорил:

— О чем вы хотите со мной поговорить, матушка? Не о том ли, что место отца...

— Именно, — перебила герцогиня, чей взгляд, в свою очередь, вспыхнул зелеными искрами праведного гнева.

Как же они были похожи в этот момент! У ног женщины свилась золотая змея. Песчаный монстр шипел на золотистую копию принца Флоризеля, что изо всех сил старался не сдавать позиций.

— Место гибели твоего отца зовет. Завтра День Ушедших Раньше. Надеюсь, ты присоединишься ко мне.

— Безусловно. И надеюсь, что мы будем там одни.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, матушка, вашу сердечную привязанность! Последнее время вас слишком часто видят рядом с неким господином Миро. Непозволительно близко! У этого чкори...

— У этого чкори умерла жена. Ее убили в Империи много лет назад. Трагическая случайность. Он один вырастил дочь. А теперь не знает, жива ли она. У нас с ним...много общего. Ты не находишь?

Реймская исчезла, а песчаный вихрь, вместо того чтобы как обычно это бывает при появлении герцогини, растаять в воздухе легким золотистым облачком, усилился. Огромный пес уже упирался головой в башни дворца, Пауль и Феликс, отплевываясь, еле держались на ногах.

— Рэм, — пытался прокричать Пашка. — Прекрати немедленно!

— Она...предала! Предала память отца...

— Рэм! Подойти ко мне и дать правую руку! Ладонью вверх! Немедленно! — голос взревел настолько властно, что герцог тут же подчинился.

Все стихло через мгновение. Феликс, как ни в чем не бывало, отсчитывал пульс, беззвучно шевеля губами.

— Ну ты даешь! Это что...магия такая? — принц Тигверд не сводил восхищенного взгляда с младшего братишки.

— Голос необходимо усиливать магически в стрессовых ситуациях. В тех случаях, например, когда в толпе началась паника.

— Ага. Или Фло из песочницы вырос выше башенок дворца! Ну ты прям... Крутой!

— Невероятно, — пробормотал Феликс, не переставая делать пассы руками над Рэмом.

Тот обмяк. Побледнел. Поднял усталый, слегка испуганный взгляд на братьев:

— Я...

— Рэм, не надо, — Пауль Тигверд положил руку брату на плечо, — вспомни, как мы мою мать изводили. И к чему это привело? Твои чувства понятны, но...

— Так, хватит! Потом поговорите. Рэм, ты должен лежать. Три дня — постельный режим. И все настойки, что я принесу — пить. Без возражений! — прогремел усиленный магически голос юного целителя.

.

...

Королева Риадна сидела в кресле, уставившись в одну точку. Женщина не хотела шевелиться. Не хотела разговаривать. Не хотела дышать.

Как же так? Как? Как это случилось... Она — колдунья. Черная ведьма... Зло, которое необходимо уничтожить во имя тех, кто чист. Арвин...Пески! Ну конечно! Он тоже... Муж обрек себя на гибель. Он узнал. Он...тоже. Дети....Нет!!! Только не дети...

Так вот почему за ней пришли инквизиторы! Ее место на костре... Нет!!!

— Ваше величество... — в тысячный раз раздался над головой тихий, сочувствующий голос. — Вы в безопасности. Дети в безопасности. Они на берегу моря, играют с собакой. За ними присматривают. Пожалуйста, не переживайте. Постарайтесь успокоиться, прошу вас. Вот. Выпейте.

Несчастливая затуманенным взглядом посмотрела на человека, который все это время терпеливо что-то говорил и безуспешно протягивал стакан с мутной жидкостью. Наверное, здесь не сжигают на костре. Это...яд?

— Вы кто? — вырвалось у нее. Кажется, этот рыжеватый худой мужчина с яркими, бирюзовыми, но очень печальными глазами, уже пытался объяснить, что он...

— Я — целитель, ваше величество. Мое имя Ирвин. Ирвин Эйн.

— Вы — колдун?!

Ирвин грустно усмехнулся.

— Да. Я — колдун из Ваду, приговоренный к костру. За то, что лечил людей...

— Но вы же — зло! Как все колдуны. Как...я...

— Ваше величество... — с укором начал целитель.

— Не называйте меня так! Я уже не королева. Я ...

— Хорошо. Как вам будет угодно, — не стал спорить с ней Ирвин. — Риадна, пойдемте со мной.

— Зачем? — вскочила женщина.

Ирвин покачал головой. Он бился уже не первый час. Бесполезно. Ужас, что поселился в сердце молодой женщины, не сдавал позиций. Более того, он усиливался.

— Вы шокированы. В смятении. Пережили покушение. Пойдемте на воздух. К океану. Вам станет легче. Настойки и мои магические способности не дают результата. Я, увы, не всемогущ. Не такое уж я, видимо, зло, — последнюю фразу целитель проворчал себе под нос так, чтобы его не услышали.

— Что будет с детьми? — спросила Риадна, пока они спускались по крутой лестнице к воде. Про себя она не спрашивала. Ее судьба предрешена. Она — колдунья.

— Откуда же я знаю? — удивился целитель за ее спиной.

Слова этого человека прозвучали так искренне, что она замерла.

— Почему вы не хотите отвечать?

— Империя в лице императора Фредерика Тигверда обязательно помогут, в этом я уверен. Но что вы будете делать и как жить — решать только вам.

— Император Тигверд? Повелитель тех самых стихийников, что похищают приговоренных к сожжению колдунов?

— Да. К счастью.

— Значит, он лелеет чудовищные замыслы. Уничтожить Ваду.

— В Ваду с этим сами пока прекрасно справляются!

— Тогда зачем ему все эти люди? Разве не для того, чтобы создать непобедимую черную армию?

— А тот вариант, что он их просто спасает, вам в голову не приходил?!

— Что?

— Когда император может себе позволить — он милосерден. И... в Ваду живут очень хорошие целители.

Риадна замерла, пытаясь осознать все, что услышала. Император, спасающий приговоренных потому, что ему стало их жалко... Целая империя колдунов, которые не стремятся захватить ее королевство! Бред... Невозможно! Ее хотят заколдовать...

— Мама!!!

К ней подбежали Даррин и Эллин. Обняли, подняли счастливые, веснушчатые лица, заглядывая в глаза.

— Сынок! Доченька!

Дети наперебой рассказывали о замечательной собаке Флоризеле и о девочке Алисии, что показывали им волшебный остров. О жемчужинах, зреющих в морских глубинах. О том, что русалки...

— Русалки? — вздрогнула Риадна.

— Да! Мам, мы их видели! Они настоящие, как на картинках! Нас обещали превратить в русалок! С хвостами! — в голосе Даррина было одно лишь ликование. А более внимательная к настроению окружающих ее людей Элл, быстро добавила:

— Конечно, если ты разрешишь, мамочка.

— Вы решили забрать у меня детей, заколдовав их?! — Риадна прижала к себе Даррина и Эллу и с ненавистью посмотрела на Ирвина. Подумать только, она почти поверила! — Чтобы они навсегда обратились в рыб и никогда не смогли подняться на поверхность?!!!

— Мама!!! — укоризненно протянул Даррин.

— Во-первых, не в рыб, а в русалок, — раздался у Риадны за спиной

голос, напомнивший королеве шум волн. — А во-вторых, хотели бы заколдовать — уж вашего позволения не спрашивали.

Странно, но этот голос успокаивал. Завораживал. Женщина была такой красивой, что оторвать взгляд не было сил. Длинные белоснежные волосы плащом укрывали мерцающую, слегка зеленоватую кожу.

А глаза...Какие у нее глаза! Как...Как море. И голос...Как море. Она хочет в море! Плыть. Нырнуть. Глубоко-глубоко. И пусть у нее вырастет хвост! И у детей. И они уплывут. Вода...Вода она такая...Чудесная! В воде не горят костры инквизиторов...

Глава 21

Милфорд молчал, напряженно вглядываясь перед собой. У них была хорошая позиция: прямо на кромке обрыва. С этого места долина, похожая на перевернутую чашу, лежала как на ладони.

Но даже если и так. Как он мог согласиться на подобную авантюру? Неужели не смог устоять против воздействия нейро? Странно...Он ничего не чувствовал.

Тая взяла любимого за руку. Девушке казалось, что в таком прекрасном мире, каким стал Ваду после того, как ушел песок, просто нельзя желать смерти. Здесь хочется любоваться водопадами, сажать яблони, слушать пение птиц, а не затаившись в расщелинах, будто змеи, караулить кого-то, чтобы... Она содрогнулась всем телом. Зачем?!

Арвин, король Ваду, лежал на спине, раскинув руки, подставив лицо нежно припекающему сквозь кружево листьев солнцу.

Мужчина вспоминал свой сон. Самый прекрасный за все эти годы. Он видел Риадну. Любимая отчего-то превратилась в русалку. Изгибаясь, она плыла вдоль песчаного дна, почти касаясь его животом, и... улыбалась. Немного грустно, правда, но так обворожительно!

Прозрачная бирюзовая вода, золотые рыбки, что запутались в распущенных волосах... Это было так прекрасно! Солнечный свет, пробравшись сквозь толщу воды то там, то тут вспыхивает золотой чешуей хвоста королевы. А чуть подальше — море жемчужин! Как их много...Так много, что горизонта не видно, но русалка на них и не смотрит, будто не видит. Она улыбается. Улыбается и машет кому-то рукой...

Дети! Даррин и Эл, бешеными рыбешками взбаламутили воду, увлекая маму за собой играть в догонялки... Остановились. Уставились на него. Помахали, и вновь унеслись.

Ему захотелось спросить, как они стали русалками, что теперь будет, и что они делают в этой ярко-бирюзовой воде, но он вдруг почувствовал на себе взгляд.

Русалка. Прекрасная. Беловолосая. И в тот же миг раздался в сознании голос:

«Смотри... Они в безопасности. Это все на самом деле. Только... Пожалуйста, ради них... постарайся вернуться!»

Ее голос. Как...море. Он успокаивал. Звал за собой. Туда, в бирюзовую воду, к любимым детям и жене. Он знал, что скоро так и будет! Он хотел

что-то спросить, но... Где-то вскрикнула заполошная птица — король проснулся.

Рассвет чуть тронул тонкую полоску неба над горами ало-золотым, и птицы, восхваляя новый день, взорвались гимном ликования!

— Надо поворачивать назад. Брать отряд. Прочесать горы, — ворвался в мысли Эйша голос Милфорда. — Доставить в безопасное место Таю. О чем вы думали, ваше величество, когда шли сюда! И чем, хочется спросить, думал я...

— Все будет хорошо! Мы дойдем, — без тени сомнения ответил король, поднялся и направился в сторону своих спутников.

— С учетом того, что инквизиторы умеют блокировать магию, и с ними наверняка солдаты, вооруженные арбалетами...

Милфорд по-прежнему вглядывался в линию горизонта. Он даже не повернул головы в сторону подошедшего короля. Стихийник был зол на его величество. Но еще больше он был зол на себя. Им предстоит бой. Это ясно. Тая — вот она. Рядом. И она тоже ринется в бой со своей шпагой! Что тоже. Яснее ясного. Наверняка у девчонки руки чешутся вчерашние приемы опробовать!

С другой стороны, хорошо, что он ей все это показал. Возможно, сработает, раз уж у них нет другого выхода. Маг вздохнул. Был бы он один — все было бы намного проще. И все же он рядом. А значит, сделает все возможное и невозможное, чтобы...

Арвин прервал поток его мыслей:

— Они не будут брать на эту охоту никого постороннего.

— Вы так в этом уверены?

— Да. Пара особо приближенных к Верховному. Скорее всего — Шонн Рамм и Тинн Лой. Не самая приятная компания, конечно, но с ними максимум может быть какой-нибудь мальчишка, что готов умереть за идею.

— Умереть? Но почему? Они уверены, что проиграют? — Тая удивленно уставилась на Арвина.

— Не в этом дело, — грустно улыбнулся король, — дело в том, что короля нельзя убить, чтобы не заработать смертельное проклятие на себя и весь свой род.

— Трое на троих? — пробормотал Милфорд, будто и не слышал их разговора, — Ну что ж... Это еще куда ни что. Но я бы предпочел рядом Барнса.

— Эдвард! — возмутилась Тая.

— Это не то приключение, в которое тебя надо было втягивать! — отрезал маг.

— Я не знаю, останусь ли в живых, — тихо проговорил Эйш, — но уверен в том, что вам с Таей ничего не грозит.

— Бой, даже скоротечный... — начал было Милфорд, но король его перебил.

— Терра. Она сказала, что с вами ничего не случится. И я ей верю. Как и тому, что другие могли бы погибнуть. Все, кроме вас. Я не знаю, с чем это связано. Возможно, еще одно проклятие, о котором я не знаю. Но кроме вас я просто не мог никого взять с собой...

— И ты поверил этой сумасшедшей старухе? — возмутился имперец.

— Эдвард, не надо так, — погладила его по плечу Тая. — Терра очень могущественна. Она... и есть эта земля. Если она так сказала, значит, это правда. Я чувствую. Мне ты веришь?

Арвин кивнул.

— Давайте спускаться, — вздохнул водный маг, а про себя проворчал (но так, чтобы ни Эйш, ни тем более девушка его не услышали), — как дети малые, честное слово!

По широкой удобной дорожке, словно специально созданной для приятных вечерних прогулок, путешественники спускались вниз. Где-то жалобно и тревожно вскрикнула птица. По спине пополз холодок. Все трое внезапно почувствовали себя дичью, загнанной и обреченной...

— Да зачаровал ты нас что ли, раз мы на такое согласились, — ворчал Милфорд, с трудом удерживая защиту.

Удивительно, но до самых Камней-Близнецов их отряд добрался без приключений. Солнце ласково пригревало, когда...

— Добрый день, ваше величество!

В одно мгновение перед ними оказались трое.

Инквизитора, что шипящим голосом поприветствовал короля, Милфорд видел впервые. Узкие глаза, острый нос. Удивительно неприятное лицо. Мужчина как будто тянулся к земле, словно вот-вот превратится в змею. Нейро. Сильный. Пожалуй, самый сильный из всех присутствующих. Водный маг усилил защиту настолько, насколько хватило сил.

— Тинн Лой, — поприветствовал его Арвин с насмешкой в голосе. — Вы явились, чтобы присягнуть своему королю?

Тая вытащила шпагу. Лязг металла разнесся далеко по долине, отразившись от каменных глыб. Близнецы вздрогнули. Смолкли птицы. За спиной девушки показался манул.

— Увы, я не считаю, что вы — мой король.

Инквизитор низко поклонился, мягко шагнул назад, освобождая дорогу молодому человеку.

Ученик Шонна Рама решительно шагнул в сторону короля Арвина. В руке избранный Верховным убийца сжимал нож. На мгновение солнце осветило его бледное лицо, и начальнику имперской разведки показалось, что оно кого-то ему напоминает...

— Марк, что же ты медлишь? Убей его! Избавь свою страну от скверны! — зашипел Лой, но для подобных речей было поздно...

Все произошло быстро. Слишком быстро. И только первому заместителю Верховного инквизитора казалось, что эти убийственно долгие мгновения не закончатся никогда...

Марк напал. Но не на короля, а на Лоя, с криком:

— Спасайтесь, ваше величество!

У Лоя не было бы шанса выжить, но Шонн Рамм, уверенный в том, что его ученик выполнит приказ, оттолкнул Марка и бросился на короля сам. Ему удалось задеть Эйшу плечо, но довести задуманное до конца помешал имперец. Как некстати этот маг появился между ними, словно из-под земли вырос! Пришлось отражать его атаки. Краем глаза Шонн Рам следил за Эйшем. Тот привалился к камню, но был еще жив.

На всякий случай держа шпагу перед собой, Тая помогла Марку подняться. Анук-чи чкори лег рядом с королем, как вдруг...

— Ты ответишь мне за мальчишку, Рамм! — и Тинн Лой сделал едва заметный жест рукой.

Скалы вспыхнули ртутной лавиной! Искрясь под солнечными лучами, верные слуги рода Лоев — змеи — облепили камни. Это был знак. Град арбалетных болтов обрушился с высоты.

От неожиданности Шонн Рам пропустил удар — плечо залила кровь. Теперь с королем Ваду они были квиты:

— Как...как... тебе это удалось? — беззвучно сложились губы раненого инквизитора.

Лой только усмехнулся.

Милфорд держал защиту. Выстрелы никого не задели, но Арвин, заливая кровью камень, казалось, уже не подавал признаков жизни.

Водный маг закрыл глаза. Он звал горные потоки, слышал шум глубоко под землей. Манул, почувствовав дыхание воды, переступал толстыми лапами, с укоризной взирая на стихийника синими глазами.

А чкори...Чкори видела Путь. Дорогу позвала кровь. Кровь короля Арвина. Кровь Эйшев.

Земля дрожала. Камень треснул, открылся портал, куда втащило Таю, Милфорда, Арвина и Марка, чью руку девушка, помогая тому встать, так и не отпустила.

Тинн Лой раздраженно взмахнул лукой. Остолопы! Они что, не видят, в кого стреляют? Мужичье бестолковое... Змеи привели по его приказу десятка три солдат. Идеальный план! Никто ничего не знал заранее. Люди, вооруженные и готовые убивать, просто шли туда, куда вели их оми. Мои умные, хорошие девочки!

— Ты нарушил приказ Верховного, — прохрипел Рамм, с трудом отрываясь от камня, стараясь не обращать внимания на то, что творилось вокруг.

А вокруг рушились скалы. Людей, что все это время сидели в засаде, заваливало заживо, стаи змей расползались повсюду, зигзагами оставляя за собой следы крови погибших...

— Твой ученик не выполнил приказ! — шипел Лой. — Неужели ты думал, я доверю свою жизнь этому щенку!

Рам собрал все силы и бросился на Лоя. Его надо убить. Неизвестно куда исчез Марк и остальные, но он дал себе слово, что сохранит мальчику жизнь.

Нож вонзился в плащ, разорвав ткань и лязгнув о камень...

Лой исчез!

Но...как? Кровь еще текла из плеча, голова кружилась, перед глазами все плыло, но инквизитор все же увидел... Огромная оми, раза в четыре крупнее своих сородичей, которых вокруг было несметное количество, медленно выползала из-под разорванной ткани. Она текла, стараясь как можно быстрее затеряться среди камней и себе подобных.

— Так вот он, секрет рода Лоев!

Шонн Рам взревел и бросился за змеей, то и дело припадая к земле, втыкая нож, скользящий о камни, стараясь настигнуть вечно ускользающую оми, мерзкого червя, что никак не удавалось пришпилить к залитой кровью земле.

— Теперь понятно... Вползал в дома, выслушивал, вынюхивал, сдавал! Вот почему столько лет нет спасения ни от тебя, гадина, ни от всего вашего мерзкого рода!

Наконец ему удалось! В тот самый миг, когда он, с торжествующим криком вонзил в серебристую чешую острое лезвие, огромный кусок скалы упал, навсегда похоронив под собой инквизиторов.

Глава 22

Белые простыни. Пузырьки на каминной полке в несколько рядов. Солнечный луч вязнет, растворяется в мутной жидкости.

Рэм лежал и думал... Странное зрелище. Радостно-безрадостное. Солнечный зайчик скачет по пузырькам с настойками целителей...

Анук-чи был совершенно согласен с юным чкори. Щенок внимательно следил за вспыхивающими радужным светом гранями стекла, то и дело поглядывая на мага.

— Может, ну его, а? Не поможет это тебе... Пойдем! Слышишь? Пойдем! Разве ты не слышишь? Дорога... Она зовет!

Убийственные дозы лекарств, которые Феликс заставил принимать (тоже мне, главнокомандующий нашелся!) не приносили облегчения. Наоборот. Казалось, от них еще хуже. Просто злость сменилась апатией.

Говорить ни с кем не хотелось. И если братья не настаивали по понятным причинам — им хватило песчаного песика выше башенок дворца, то мать... Она даже не пыталась. Просто исчезла.

В дверь тихонько постучали:

— Рэм...можно к тебе?

Мама Ника... Он и ей был не рад, но проявить свое недовольство не смел. Сдержался. С невероятным усилием. Чтобы не наговорить лишнего, отвернулся, стиснув зубы, к стене. В надежде, что Вероника просто уйдет.

А она спросила:

— Ужинать будешь?

Он упрямо помотал головой, чувствуя себя капризной малолетней девчонкой, которой не купили куклу. Сам себе был в этот момент противен, но сделать ничего не мог.

— Нет!

Вероника подошла, погладила по голове:

— Все образуется, сынок. Вот увидишь.

— Вы же не знаете...

— Что случилось с тобой? Нет. Не знаю. Захочешь — расскажешь. А пока... Думаю тебе надо поесть. Хоть немного. И знаешь...

— Что? — уже не сдерживая раздражения, перебил молодой человек.

— Когда я не знаю, что делать, то заставляю себя вспомнить, что я не одна. Не одной мне плохо. Почти всегда помогало.

И принцесса Тигверд ушла, беззвучно притворив за собой дверь

покоев герцога.

Рэм вскочил.

Посмотрел на поднос с хлебом и сыром, принесенным Вероникой. Нет. Он не может есть. Не сейчас!

С того самого момента, как он увидел маму и... этого...

Сначала оба, герцогиня и этот пришлый, с тяжелым взглядом из-под густых, седеющих бровей, только что не рычали друг на друга. Рэму всегда казалось, что между ними какая-то непонятно на чем основанная вражда. Первое время он даже злился. Девушка пропала, лучше бы им объединить усилия.

А потом... Их словно качнуло навстречу. Губы соприкоснулись. Слились, будто забыли, как только что говорили друг другу отнюдь не комплименты, будто были они одним целым и вечность до этого...

Его никто не заметил. До сих пор юный герцог не мог простить себе, что не ушел незамеченным. Боль, в самом центре солнечного сплетения обожгла каленым железом, приковала на месте столбом. Будто сама Пустота шпагой пришпилила.

Они отпрянули через бесконечно долгое мгновение. И выглядели настолько изумленно, что... Он почти поверил в то, что для них это была едва ли не большая неожиданность, чем для него самого!

Почему... Почему этот, пришлый? Только лишь потому, что чкори? Маг, отрицающий магию! Маг Дороги, что не может найти Путь к собственной дочери! Да кто он такой?

В его объятиях мама была ... счастливой. За все время он ни разу не чувствовал от герцогини такой яркой, безусловной волны всепоглощающей радости! А как... ярко горели ее глаза...

Рэм такого не замечал, когда рядом с матерью был отец. Почему так?.. Отдать жизнь друг за друга, не задумываясь, ни мгновения не медля — разве это не любовь?

И вдруг он понял, что нет.

Отец...

Суровый. Молчаливый. С недовольно поджатыми губами. Иногда казалось, что все это: дворец, супруга-герцогиня, статус консорта — ему в тягость. Он выполнял свой долг. Выполнял безукоризненно, ибо по-другому не умел. Но... жизнь не доставляла ему радости.

Все по регламенту: четко. Бесстрастно.

Любил ли он когда-нибудь? Горели ли у него глаза? Сходил ли он с ума?

Рэм вздохнул. Стены дворца Тигвердов эхом вздохнули в ответ.

Белоснежные, с вычурной лепниной, зеркалами и яркой позолотой, они были так не похожи на его родовой, суровый замок. И в то же время они были близки. Тем, что веками, изо дня в день безмолвно наблюдали за тем, как люди подавляют свои истинные чувства. Как теряют самих себя.

Полутемными коридорами прячет дворец мрачные портреты, храня в воспоминаниях боль и отчаяние, что сопровождали изображенных на них при жизни.

Бедные, бедные стены. Вот и он отдает свою боль, зная, что о ней никто никогда не узнает. Спасибо вам. И...простите.

Герцог Реймский выстроил портал и ускользнул в ночь. Нестерпимо захотелось к реке.

Он оказался на пляже, неподалеку от поместья Ричарда Тигверда и Военной академии. Когда-то Ричард и Вероника отмечали здесь свадьбу.

Рэм вдруг вспомнил, как это было. Вспыхнувшее фейерверком небо, горящие венки огоньков надежды. Счастливые лица. Смех...

Вспомнил, как искренне радовалась за миледи Веронику мама. И все остальные тоже. Искренне радовались. А он? Он когда-нибудь сможет...так улыбаться? Или он не умеет? Будет как отец? Безукоризненным и... бездушным?

Темно. Тихо. Умиротворяющее журчание воды.

Рэм уселся на берегу. Золотая копия Флоризеля легла рядом. Он не знал, сколько просидел вот так, любуясь закатом. Тонкая полоска нежно-розового цвета таяла в синеве. По сравнению с ней вода казалась совсем черной.

Анук-чи насторожился. Поднял уши. Рэм, почувствовав что-то, стал всматриваться внимательнее...

Огромная кошка плыла к берегу. Барс! Но...откуда? Ночью, в реке? Или они так...купаются?

Зверь вышел на берег, отряхнулся, обдав чкори ледяными брызгами более чем реальными, но Рэм все же понял, что перед ним...анук-чи.

Зверь мерцал, будто был соткан из тысячи звезд. Он был так прекрасен, что когда юноша услышал мужской голос, то не сразу понял, в чем дело...

— Я... — поговорить хочу.

Рэм даже головы не повернул. Будто оцепенел. Барс растянулся на песке у ног герцога, положил огромную голову на толстые лапы.

Полковник тяжело вздохнул и тоже опустил на песок.

— Здесь звезды другие, — продолжал он. — И... странно все.

— Что именно?

— Магия. Мне все кажется, настанет день, и я очнусь в сумасшедшем доме.

— Пашка, Феликс... Миледи Вероника, ее родители — все приняли наш мир вместе с существующей в нем магией, более чем спокойно.

— А я вот... не могу. Да и дочь. Как все не стараются — ничего не получается. Я ведь вижу, что все, даже император — очень хотят помочь. Но...

— Милорд Швангау утверждает, что ни с Таей, ни с его братом ничего не случилось. Но вы правы, это тяжело, потому что...

Внезапно юноша сообразил, с кем ведет откровенные беседы. Анук-чи вскочил, и...завилял хвостом. Щенок не проявлял агрессии ни к зверю, ни к мужчине. У Рэма же внутри все кипело от бешенства! Разве может быть так? Надо будет спросить у ма... мама! Он должен защитить ее честь.

— Как вы нашли меня и что вам угодно?

— Да... сам не знаю, — признался Миро. — Решил, что нам надо поговорить: Дарина очень расстроилась, когда поняла, что ты нас видел. Думаю, зверь меня привел. Он появился. Пошел. А я за ним. Мы с ним теперь... Не разлей вода! А? Красавец... — мужчина потрепал барса по макушке.

— Расстроена?! И вы смеее называть ее по имени?

— Получается, так. Ты не горячись. Я в ваших придворных этикетах не силен. И вообще. Я человек прямой. Военный. Надо поговорить — давай поговорим.

— Вы совершенно правы, — герцог встал, — Я намерен вызвать вас на дуэль.

— Вот те раз... Это еще зачем?

— Вы оскорбили мою мать.

— Может, об этом стоит спросить у нее? И почему сразу оскорбил. Мне она очень нравится, мы люди одинокие. И я...

— Довольно!

— Слушай, парень, — тяжело вздохнул Миро. — Ты бы полегче... Тебя мать любит до безумия. И, конечно же, если ты будешь вставать в позы, то она откажется от самой мысли, что рядом с ней кто-то может быть. Подумай, будет ли она счастлива одна.

— То есть вы хотите сказать, что мама счастлива с вами, а я — эгоистичный мальчишка?!

— Я не знаю, получится ли у нас что-нибудь. Все случилось слишком внезапно. И мы — чем угодно клянусь — до нашего поцелуя и не подозревали...

— Хватит! Не желаю слушать!

— Ты прав. Я всегда все только порчу. Не со своей дочерью договориться не мог, да и теперь. Дарине вот помешал. Оскорбил. Обидел. Тебя вот... Тоже, получается, разозлил...

Полковник поднялся и пошел прочь.

Потом остановился и сказал, не оборачиваясь:

— Ты вот что. С матерью помирись. Нехорошо это...

Он ушел, а за ним огромный, мерцающий в сумерках зверь. Они оба растаяли в темноте, оставив Рэма одного.

Юноша долго стоял, затем поднял шпагу и стал сжимать лезвие, до тех пор, пока кровь ни брызнула, спасительной болью обжигая ладонь.

Птица галстук жалобно кричала в вышине, не решаясь спуститься. Иногда человеку нужно побыть одному. Не стоит ему мешать в такие моменты. Даже если сердце разрывается от боли...

Глава 23

— Арвин!

Крик Таи — последнее, что он слышал.

Тягучая, почти черная кровь толчками вырывалась из тела, щедро поливая... песок! Запах. Запах сожженной плоти. Тяжелый воздух, знакомый до боли. Все. Все вернулось на круги своя. Вот он — песок. Все. Все было напрасно...Все...

Король лежал, беспомощно раскинув руки, острым подбородком мертвенно бледного лица указывая вверх. В небо, которого было не видно из-за серых облаков. Легкий, пепел поднимался от каждого движения, мгновенно делая черными их потные, измученные лица.

Тая держала голову Арвина на коленях, пока Милфорд, сжимая рану обеими руками, пытался заставить кровь подчиниться... Ведь кровь — та же вода. Но у стихийника ничего не получалось. Слишком много сил отдал, удерживая защиту. А Ирвин и целители были бесконечно далеко.

— Дайте я, — Марк склонился над умирающим.

— Отойди! — в голосе Милфорда прозвучала угроза.

— Если вы не позволите, он просто умрет. Я предал все, во что верил, чтобы спасти своего короля! Неужели вы думаете...

— Эдвард, пожалуйста! Он... умирает, — чкори смотрела магу прямо в глаза, и у стихийника сжалось сердце.

Имперец кивнул Марку, и прижал девушку к себе. Он понимал, как ей сейчас должно быть тяжело и страшно. Она не видела смерть так близко и так непозволительно часто, как ему самому «посчастливилось». Не пила с костлявой из одного кубка. Не играла с ней в кости, ставя на собственную жизнь. И...

Она не должна! Не должна всего этого видеть! Все из-за него. Он втянул ее...

Инквизитор опустился на колени рядом с раненым королем, глубоко вздохнул. Скинул плащ. Еще один вдох. Выдох. Вдох — глубокий, медленный. Выдох...

Милфорд еле удержался на ногах от мощной волны той силы, что хлынула от инквизитора! Юноша не водил руками вокруг тела раненого, не складывал пальцы, как это делали целители Империи, не шептал... Но то, что почувствовал водный маг было сильнее всего, что довелось повидать до сих пор. Магия. Щедрая, мощная, чужая, необъяснимая. Она

лилась, призывая восстать из пепла все живое!

Имперец не верил глазам своим. Целитель! И не просто целитель, а сильнейший маг. Сильнее, страшно сказать, Ирвина! Какой потенциал! И это...инквизитор?! Тот, кто способен был спасать тысячи жизней, столько лет был орудием Смерти! Смотрел на боль и страдания. Терпел...Но это... нечеловеческая пытка! В голове не укладывается.

Начальник контрразведки сам в лечении был не слишком силен, именно поэтому к касте целителей относился с большим уважением и интересом. Он не раз слышал от Ирвина, что способность спасти человеческую жизнь прямо пропорциональна способности чувствовать боль ближнего... Так сколько же вынес этот мальчик?

Несколько мгновений — и король задышал ровнее, черты лица разгладились. Эйш уже не был таким бледным, но самое главное — Марку удалось остановить кровь! Еще немного — и рана стала затягиваться. Прямо...На глазах.

Тая с силой вцепилась в руку Милфорда. Слезы рисовали на почерневших от пепла щеках девушки светлые дорожки, а возле раненого появился кот.

Синие глаза долго смотрели на оцепеневшего от неожиданности Марка. Манул лизнул лицо короля, и тот очнулся:

— Ты... спас меня? — голос Арвина был не многим громче пепла, чей до боли знакомый шелест с содроганием вспомнили все.

— Не он. Я, — инквизитор опустил на колени.

— Ты?!

— Я предал учителя. Я пошел против всего, во что верил! Не для того, чтобы мир Ваду потерял своего правителя. Вы спасли людей от песка, Ваше величество!

— Видимо, не совсем, — Арвин красноречиво оглянулся.

— Вам нужно пить, вы потеряли много крови, — продолжал Марк.

Тая протянула фляжку с водой. Один глоток. Второй. Третий. Сил не было. Голова кружилась. Руки тряслись. Но он — жив. А значит, должен идти...

— Давайте выждем полчаса — правильно истолковал целитель решительный взгляд короля, — я волью еще силы...

— Потом, — замотал головой Арвин, — Все потом! Надо...Надо идти.

Словно в ответ на его слова где-то вдалеке запела скрипка. Вначале звуки были едва слышны. Милфорд даже решил, что ему просто показалось, но пепел... Серым облаком поднялся он с земли и мягко подтолкнул путешественников в спину — туда, туда, навстречу чудесной,

удивительной мелодии!

Они шли, с трудом передвигая ноги, по колено утопая в хрустящем сером песке. Он был повсюду! Слепил глаза, забивался в легкие, не давал дышать. Скрипка давно стихла. Тая упала, остальные тоже не могли больше идти. Не хотелось бороться. Не хотелось идти. Вот бы уснуть, и пусть пепел занесет, будто снегом. Навсегда. Навсегда-навсегда...

— Милорд! Милорд! О! Прошу вас, очнитесь, милорд!

Зорго Цум не знал, что делать. Пепел летел, засыпая его друзей!

— Сыграй, друг... — раздалось в голове.

И он заиграл. Так он играл лишь однажды — для самого императора. Тогда он прощался с Империей, с могилой единственной дочери, с женщиной, которую любил, с мелодией, которую написал для нее. Он пообещал себе, что больше никогда не будет играть эту вещь, но сейчас речь шла о жизни и смерти.

Зорго играл, умоляя Стихии пощадить его друзей, уговаривая мантию Смерти — серый пепел — отступить, выпустить чистые, невинные души из ядовитых объятий.

— Пожалуйста, — шептал скрипач, не переставая играть, — мы лишь хотим спасти этот мир...

— Маэстро! Как Вы здесь очутились?

— Милорд! Слава! Слава Стихиям, милорд! Вы живы!

Цум не верил своим глазам, он был готов танцевать от радости! Смерть резким, эффектным движением отдернула мантию! Однако пепел вовсе не исчез — огромное серое облако в полнеба висело над ними, как бы раздумывая, что делать дальше.

— Что с лагерьем? — отплевываясь, спросил король, а Тая вздрогнула от дурного предчувствия.

— Не волнуйтесь, в лагере все в порядке. Дети счастливы — столько ягоды вокруг! Эти ужасные ящерицы куда-то исчезли. Вместе с песком! А я... меня позвала музыка. Я почувствовал, что вам нужна помощь!

Молодой инквизитор смотрел на старика как на приведение. Счастливые, влажные от слез глаза маэстро потупились.

— Но... как? — ошарашено прошептал Марк.

— Вам и вашему учителю должно быть стыдно, молодой человек! — строго сказал маэстро. — Разве не должны были вы понять, что я не несу зла? Музыка! Как она может быть опасна? Посмотрите! Она спасла вас... Музыка! Музыка — это самое прекрасное, самое светлое, что есть в этом и всех остальных существующих мирах... Запомните, молодой человек! Запомните хорошенько! Старый Цум знает, что говорит... А бедный

милорд Барнс с его прекрасной возлюбленной! А?! Они-то вам чем не угодили? Мне ведь чуть скрипку не разбили! Разве так можно?!

Марк склонил голову, не в силах произнести ни слова. Этого старика, как и его товарищей по несчастью, видимо, спасли король и его спутники. А остальные?! А его брат? А что если его...тоже...

— За что?! Я ведь даже не маг! — маэстро беспомощно развел руками.

Милфорд улыбнулся. Не маг. Конечно. Цум ходит по мирам без всяких порталов, зачаровывает пепел, баюкая на плече свою скрипку... Конечно же в этом нет и не может быть магии!

— Убивать людей — вообще плохо, — маэстро решил высказать инквизитору все, что наболело, — Как вы этого не понимаете! Им — больно! Миру, из которого их вырывают насильно — больно! И родным! Вы подумали о том, как жить дальше их близким?! Как это больно! Каждый вздох — больно?!

Тая поняла, что старик сейчас зарыдает. Захотелось подскочить, обнять, хоть как-то помочь...

Но она не успела.

Старик вскинул скрипку, и слезы превратились в звуки. Эти звуки летели ввысь, в небо, оплакивая погибших. Тех, чьи души на полторы сотни лет были заперты в этом странном месте. Серым пеплом скитались они, убивая все живое, и не от злости, а так...От обиды, боли и страха. Невинные души, что даже испугаться не успели, когда...

На мгновение стало темно. Пепел! Пепел, казалось, летел на звуки скрипки, и его стало так много, что он закрыл собою все небо целиком — от горизонта до горизонта!

И вдруг... Появился яблоневый сад. Все, что они видели вокруг: ухоженные сады, усыпанные спелыми плодами деревья — все было из пепла. Прах погибших хотел им что-то показать...

Зорго Цум играл, как будто чувствовал, что сейчас нельзя, неправильно, невозможно остановиться!

— Яблоки, — прошептал молодой инквизитор. — Таких крупных никогда не видел!

Красивые, смуглые высокие люди улыбались, снимая с веток щедрый урожай. Они были в свободных, простых одеждах. Женщины — с распущенными, длинными вьющимися волосами, лишь перехваченными вокруг лба тонкой тесьмой.

— Смотри! Вон там! На деревьях! — Милфорд указал наверх.

Коты. Огромные. С пятнистыми макушками, как у манула, были везде. Они лежали на ветках, лениво щурясь синими глазами, иногда сбивая

лапами плоды с верхних веток, терлись у ног, играли друг с другом.

— Этого... не может быть! — выдохнул маг. — Скользящие... Целый клан!

Тая забыла, как дышать. Каждой частичкой она чувствовала связь с призраками. Слезы лились сами собой, пока они шли сквозь сад — осторожно, не делая лишних движений, чтобы не спугнуть эту удивительную, хрупкую магию. Ведь пепел может и передумать, тогда они ничего не узнают.

Возле старой яблони, привалившись спиной к дереву, в тени раскидистых веток дремал старик. Вьющиеся серебристые волосы. Огромный белоснежный барс у ног. Зверь, при виде подходящих к нему людей встал, а мужчина, очнувшись, приветливо помахал рукой...

Музыка Зорго Цума стала громче. Тревожнее. Пепел потемнел, и вдруг...вспыхнул! Горели деревья, медленно таяли фигуры чкори, рассказывая своему единственному потомку о страшной трагедии, что унесла жизни целого клана! Клана Скользящих между Мирами.

Она, Тая, из их рода. Пришло время, и она нашла дорогу туда, где все начиналось. Не могла не найти...

Милфорд сжал руку девушки. Будто камень упал с души мага. Это не он втянул ее в свои опасные игры. Путь последней из рода Скользящих был предопределен. Спасибо, Стихии... Спасибо, что позволили быть рядом. Рядом с ней...

Треск костров постепенно стал тише. Музыка — веселей, и вот они уже стоят на центральной площади шумного города. Цветущие сады, счастливые, нарядные люди, смех. Дети лет четырнадцати, в одинаковых мантиях деловито спешили туда, где над городом возвышалось огромное здание.

Тая во все глаза смотрела вокруг. Ей казалось, она в кинотеатре — новая часть Гари Поттера, не иначе! Только фильм черно-белый. Вернее серо-серый. Ученики уже текли через весь город рекой. Красиво!

— Странно... я никогда не слышал о городе в Рассветных горах! — хрипло прошептал король, и вопросительно посмотрел на Марка.

— Никогда, — растерянно согласился тот.

— Это — университет, — проговорил милорд, уверенный в правильности своей догадки, — здесь много молодежи. Одинаковые мантии. Значит это — магическая Академия.

Ветер взвыл, бросая путешественникам в лица горсти песка, но старательно обходя играющего маэстро.

— Маги? Обучение магии?! Я не мог не знать. И мой отец. И дед. И ...

прадед! — шептал король. — Как же... так?

«Так, так, так...» — эхом зашелестел песок и помчался дальше, в столицу, распахивая окна в домах жителей Ваду. Вихрь выхватывал из трясущихся рук облитые слезами доносы, те, что брат писал на брата, а мать на сына, в смертельном ужасе теряя разум.

Люди оцепенели. Они, не отрываясь, смотрели перед собой, сжимая виски от боли и гнева. Каждому жителю Ваду, от мала до велика, пепел показывал правду!

То, что видел король — видели все подданные Ваду. То, что слышал король — слышали преданные ему и его предавшие. Скрипка Зорго Цума рыдала в каждом сердце. Песнь неизбывной печали, неотвратимой свободы и неизбежной расплаты пела она.

А в лесу, у костра, люди слушали старую Терру. Пепел шепнул ей: «Пора!»

«Пора, пора, пора...»

Лагерь магов ждал. Ждал возвращения короля Арвина.

Прах невинных вернулся из леса, прошуршал по крышам домов — и ворвался в Цитадель Инквизиторов.

«Правда, правда, правда...» — плясали тени над камином в темном зале. Верховный смотрел, не в силах пошевелиться, не веря собственным глазам. Надо отдать приказ, чтобы прекратить! Прекратить все это! Это... Это конец!

Самая страшная тайна ордена вырвалась наружу. Младшие инквизиторы, пришедшие на доклад, так и застыли, околдованные видениями.

— Не может быть! — прошептал кто-то.

Тая крепче сжала руку Милфорда. Зорго Цум продолжал играть. Арвин и Марк молчали. Король и инквизитор, не мигая, смотрели перед собой, цепenea от ужаса.

А пепел знал свое дело! Исчезло здание Академии, серый вихрь закружился, затанцевал, и вот перед ними небольшая, полутемная комната. Все видят молодого мужчину в мантии. У ног его вьется змея. Оми. Она растет, растет и превращается в мага!

— Так вот она... Тайна. Секрет рода Лоев, — прошептал Марк одними губами.

Шепот Марка утонул в песке. Перед глазами разворачивались события тех лет. Все молчали, лишь беззвучно плакало сердце Скользящей да

рыдала в голос скрипка на плече у придворного музыканта...

— Все готово? — Айш брезгливо уставился на змей, обвивших руки Лоя.

— Все, — криво усмехнулся тот.

— Кровь достал?

— Мои девочки постарались.

— Я все-таки считаю, что надо придерживаться изначального плана — Рамм вошел в комнату, и, сбросив плащ, сел у камина. — Нам поручили казнить главу рода магов и его сторонников. Все.

— А проверить новый вид магии? — возмутился Айш.

— Тем более, все готово, — кивнул Лой. — Ты же сам отбирал и похищал жертв. Девушки в подвале.

— Надо решаться. Представь, какое могущество откроется нашим родам! Не то, что этим неудачникам. Они же все равно умрут! Мы сделаем то, что нам приказано. И немножко больше...

— Место слишком сильное. Эффект может быть...непредсказуемый.

— Глупости. Ты что же, Рамм? Трусишь?

— Нет.

— Прекрасно, вот и пошли — время уходит!

Пепел рассеялся. Голоса молодых магов до сих пор шипели в сознании. Арвин хотел что-то сказать, до того как все увидят новую картину, но не успел. Зрелище захватило его.

Четыре обнаженные девушки по углам отсыревших стен. Они стояли, будто статуи, безучастные ко всему происходящему.

— Смотри, насколько ты стал силен, после того, как мы принесли жертвы и провели ритуал отъема силы, — кивнул на несчастных Айш. — Представляешь, какими мы станем после того...как доведем дело до конца?

Рамм все равно выглядел настороженным. Но Лой, подчиняясь знаку мага из рода Айшев, уже поднес к жертвам змей. Четыре жертвы — четыре змеи. Во рту каждая из них держала каплю крови мага, приговоренного к смерти.

Костер трещал, пепел тенями танцевал вокруг костра, и хриплый голос Терры звучал в сознании каждого. Тихо сидели дети. Они мало что понимали, но чувствовали, что происходит что-то очень важное. Матери до

боли сжимали их маленькие, потные ладошки, причиняя боль, но не в силах сдержаться, ибо с каждым новым словом, с каждой новой тенью страшная правда жгла изнутри...

— Короли в Ваду, — тихо начала Терра, — испокон веков были Эйши. Приоритет этого рода не оспаривался никогда. Разные были они, правители рода Эйшев... В совет его величества входили четыре знатных и сильных мага: Айш, Рамм, Шейл и Лой. Фамилии были преданы королю, но не друг другу. Между ними шла борьба за власть, которую Шейлы неизменно выигрывали, благодаря огромной магической силе. Род Шейлов был самым могущественным из всех, но свергнуть короля не пытался ни разу за всю историю. Все они были чисты сердцем, за что и обласканы правящей династией. Их выделяли особо, — Терра затянулась пахнущим яблоками дымом, закашлялась, но продолжала. — Айш, Рам и Лой отправили младших сыновей в город. Город в Рассветных горах.

— Там...был город? — Шурр не выдержал, нарушил молчание.

— Был, — кивнула Терра, — прекрасный город! Эти трое хотели быть сильнее. Сильнее Шейла. И силу свою увеличивали, отнимая ее у других. Жгли магов. Убивали невинных! Все ради силы. Славы. Первенства! Отцы приказали сыновьям убить Шейла и его семью, но юная, алчная кровь этим не насытилась. Безжалостные, они зачаровали невинные жертвы — сильных магинь, что учились в Академии. Да, да... Когда-то в этом городе учили магии! Вы все — маги. Нет среди вас не магов. Нет...

Маги отступили к двери. Зашептали наговор. И девушки вспыхнули. Они сгорали молча, будто факелы...

Каждый из участников ритуала внутренне содрогнулся, изо всех сил стараясь, чтобы другие этого не заметили.

Несколько минут — и все было кончено. От девушек остался лишь пепел.

— Вот и все, — покачнулся Айш. — Можем ехать домой.

— Оставаться и ждать новостей о смерти Шейлов не будем? — Рамм нервничал.

— А у тебя есть сомнение, что все погибли?

— Сомнений у меня нет. Но вот то, что мы выехали из города на ночь глядя, может вызвать ненужные подозрения.

— Да что ты волнуешься — отведем глаза! Никто и не вспомнит, что мы тут были!

— Все равно гостиницу сжечь надо, чтобы следов не осталось.

Трое молодых людей теньями выскользнули из города. Они не видели,

как встает пожарище на месте гостиницы, не слышали, как вздрогнули горы, как жалобно лопнуло пространство.

Тая пригнулась к земле, обняла манула. То, что показывал им пепел... В это трудно было поверить, но каждый из них знал, что это правда. Страшная правда. Зорго Цум перестал играть.

На глазах путешественников погибал целый город. Он горел и стонал от боли. Вихрь магии огромной силы превращал в пепел все, к чему прикасался, и пепел тот летел дальше, сметая все на своем пути!

— Стихии, — прошептал Милфорд.

— Что это, милорд? — Зорго Цум от слез и летящего пепла уже мало что видел перед собой.

— Это магия. Сильнейшая магия в руках... Глупых, невоспитанных мальчишек. Огромный магический потенциал, и...

— И маленькое, никуда не годное сердце! — зло выпалил Цум, вскинул скрипку и снова заиграл.

А пепел летел дальше, показывая им другой, соседний город. Он засыпал жителей заживо, настиг и задушил своих обидчиков, жег дома, засыпая башни по самые шпили, и его стало больше! Еще больше!

Голос Терры пел над костром, вокруг которого гибли города из пепла. Люди видели трех всадников, что безжалостно хлестали лошадей, пытаются уйти от возмездия. Они неслись, а пепел летел за ними! Пепел хотел отомстить. Затаив дыхание, все слушали... старуху?!

У костра сидела молодая девушка. Трубку она отложила в сторону, и теперь рассказывала дальше, вплетая цветы в длинные золотые косы.

— Отцы трех родов, узнав о том, что натворили их младшие отпрыски, разозлились. Но не гнев двигал ими, а страх. Страх перед королем. Эйш, узнав о том, что сделали с самым сильным и преданным родом Шейлов, казнил бы предателей. Выхода у них не было...

— Что... что они натворили... Глупцы! — Айш сжал голову руками. — У них же был приказ?!!! Кто? Кто из них? — старый маг уставился на Лоя, прекрасно понимая, что зачинщиком, скорее всего, был его сын.

— Теперь... это уже не важно. Сыновья погибли, — тихо сказал Рамм.

— Это им повезло. А кто теперь будет отвечать? Два города стерто с лица земли! Нас всех казнят. Развеют в тот самый пепел! Как только королю предоставят доказательства. А они есть! — Айш сжал подлокотники кресла.

— Нельзя допустить, чтобы король что-то узнал. На кону наши жизни. Всех троих, — прошипел Лой.

— Как?! Это невозможно... У него в той академии дочь училась! Хорошо хоть наследника там не было! Расследование уже начато! И возглавляем его не мы!

— Тем более, мы должны действовать!

— Вы хотите сказать, что мы должны... взять под контроль его величество? — тихо проговорил Рамм.

— И его тоже. Все должны поверить в то, что в Рассветных горах никогда не было никакого города. И никакой Академии магии тоже. Не было! — шипел Лой.

— А пепел? — нахмурился Рамм.

— А никакой это не пепел! Ясно? Это — песок, который наслали на нас проклятые маги!

— Вы представляете, сколько надо энергии, чтобы опутать ложными воспоминаниями всю страну? — прошептал Айш.

— Сколько дает одно сожжение?

— Это...выход. Через жертвоприношения это сделать будет можно. Но костры должны будут гореть постоянно. Иначе...

— Иначе нам конец!

Глава 24

Страшные слова инквизитора повисли в воздухе. Страшная правда пахла пеплом сгоревшей плоти, жгла изнутри, оглушала сознание треском горящих костров.

Как же так. Нет, он не первый, кто с детства верил в то, что магия — зло. Но именно ему суждено осознать и позор, которому нет оправдания, и боль стыда за содеянное. Невыносимую боль. За что?

И что теперь? Что ему делать? Снова жечь? Казнить? Убивать? Нет. Этого не будет. Хватит! Кровь не прольется больше...

Он, конечно, убьет каждого, кто посягнет на мир в его стране, но костров больше не будет. Он лишит магии и отправит в изгнание. Смерть слишком долго гостила в Ваду.

— Больше не вспыхнут костры! Слышите? Я, Арвин Эйш, говорю вам!

Эти слова слышали все в Ваду. Но лишь король и его спутники видели то, что произошло в Рассветных горах, как только клятва стихла.

Зорго Цум заиграл вновь, а пепел стал превращаться в почву, и очень скоро черная земля покрыла все пространство до самого горизонта.

Как замороженная, не отрывая глаз, чкори смотрела, как проклевываются и тянутся к небу ростки под ногами. Водный маг улыбнулся. Закрыв глаза и подтянул подземные потоки — напоить саженцы.

Рассвет поднимался над молодым садом, пела скрипка, и как только первые солнечные лучи позолотили вершины гор, мир вокруг расцвел белоснежным облаком!

Цветущие деревья слепили глаза до слез, дивный аромат наполнил пространство — пьянил, успокаивал, усыплял...

И каждый почувствовал вдруг, как сильно устал. Пепел простил, тайна открылась, и пришел сон — спасительный и глубокий.

Сад заботливо укрыл гостей одеялом легких, нежных лепестков. Путники спали, спали и не видели, как с яблонь опадает цвет и наливаются плоды — предвестники новой, счастливой жизни! Жизни, без боли и страха. Без лжи и предательства.

Это было похоже на сказку, в которой просыпалась зачарованная принцесса, а с замка, в котором она спала, вдруг спало черное колдовство. Исчезло злое заклятие, и свежий ветер, что прилетел вместе с принцем,

унес грязь и пыль прошедших лет.

— Ах, как же долго я спала!

Проснулся замок, проснулись люди — все, от короля до поваренка.

Это была самая любимая сказка из книги с гравюрами Доре. Потому что ее, единственную, хоть и редко, но все же читал отец.

— Папа! — шептала чкори во сне, — Папа, ты слышишь? В этом мире когда-то, давным-давно жили наши предки. Мне бы так хотелось, чтобы ты...

— Он нас видит, девочка.

Тая подняла глаза и увидела длинноволосых людей в простых, свободных одеждах — клан Скользящих между мирами. Ее клан.

Будто сотканные из звездной пыли, серебрились между деревьями их стройные тени. На ковре лепестков — отпечатки кошачьих лап.

Анук-Чи магов Дороги — огромные барсы, пятнистые манулы. Чкори чувствовали с ними связь. Так же, как она чувствовала связь со своим манулом! Они скользили между мирами. Открывали Пути. Всего этого больше не будет у них. Никогда...

Девушка вспомнила город магов — пепельный призрак Рассветных гор. Студентов. Детей. Они так и не выросли. Не полюбили. Не родили своих детей!

— Я хочу чтобы все, кто погиб, возродились и прожили свои жизни! — крикнула она, — Пусть не в этом мире, другом... Это будет... справедливо.

Вперед вышел тот самый седой мужчина, что сидел под яблоней, С барсом, когда пепел рассказывал им свою историю. Призрак Анук-Чи был огромен — полосатой макушкой упирался в вершины деревьев!

— Отпусти нас, — раздался голос в голове, — Мы не хотим. За столько лет мы сроднились с сиянием звезд, пустили корни в призрачном междумирье. Не грусти, Тая. Подумай о том, что будет у потомков, посмотри — целый клан хранителей! Всем родом встанем, не сомневайся. А души магов города... Мой тебе совет, девочка — подари им лучше покой. Слишком долго томились они в смрадном прахе, слишком много ненависти вобрали в себя.

— А я...могу?

— Можешь. Мы дадим силу рода. Но решать тебе. Подумай, девочка.

— А могу я дать им... право выбора?

Мужчина рассмеялся. Женщины тоже заулыбались.

— А ты хитра...А? Настоящая чкори! Скользящая... Ладно... Будь по-твоему, последняя из рода!

Сердце только что не разорвалось... Она перестала слышать стоны и плачь. Это было...прекрасно. Это и есть счастье — знать, что мир вокруг тебя наполнен Любовью! Чувствовать, что эта Любовь безгранична. Слышать ее в запахе налитых солнцем яблок, видеть в примятой кошачьей лапой траве. Счастье...

— Очнись, Тая! Не уходи еще пару минут! Не просыпайся... На прощание, мы хотим тебе кое-что подарить.

Призраки таяли в солнечном свете, она поняла это по тому, как усилился аромат спелых яблок, как закружились над землей белоснежные лепестки, как...

— Мама!

Он очнулся возле самой реки. Почему? Как он тут оказался? Снова Ваду играет со своим королем? Сколько еще будет сюрпризов?

— Много! Много! Ты не любишь играть? А мы любим! У нас для тебя сюрприз, Арвин! Улыбнись, Славный Арвин! Улыбнись! У нас подарок! Да-да-да! Ты будешь рад! Ты будешь счастлив!

Эйш вздохнул, подошел к реке и умылся прохладной водой. Как хорошо! Исккупаться, что ли...

— Смотри, Арвин, Смотри!

Он старался не смотреть. Русалки... Не до них ему сейчас. Слишком... больно после всего этого.

— Арвин...

Голос. Это...ее голос! Он поднял голову и увидел, что лишь одна русалка резвилась в прохладной, прозрачной воде.

— Риадна...

Ее темные волосы дышали океаном. Соленая кожа. Горькие от слез поцелуи. Печальные, полные боли глаза. Он знал, как ей тяжело и не думал о том, почему она стала русалкой. Не спрашивал. Он целовал, обнимал, баюкал, гладил, любил.

Ему так много надо ей рассказать. Потом. Столько нужно спросить. Не сейчас...

Жемчужины, поблескивая в рассветных лучах перламутровым боком, катились с распущенных кос и терялись в траве...

— А знаешь, — прошептал он после того, как они оторвались, наконец, друг от друга, — Пройдет время, и однажды усталый путник, что присядет отдохнуть у реки найдет их — вот удивится... Наверное, обрадуется.

Арвин перекатывал жемчужину в ладони, но смотрел он не на нее. Он

смотрел в глаза любимой. Как будто и не было этих лет...

— И что он будет с ними делать?

— Как что? Соберет в ладонь. Подарит любимой. Вернется домой и скажет: «Посмотри, что я тебе принес».

Вода в реке забурлила, мелькнуло золото чешуи, послышались голоса:

— Риадна! Пора... Ия зовет. Твое время закончилось. Но ты можешь остаться! Если захочешь.

— Нет! — королева вскочила и бросилась в воду.

Он смотрел, как она уплывает, и не пытался остановить. Не возмущался. Не обвинял. Еще недавно он бросился бы следом. Но сейчас...

Он понимал — любимой нужно время. Принять. Осознать.

Он и Ваду будут ждать свою королеву. Ждать и хранить в сердце счастье. Счастье этого сна...

Марк и Милфорд проснулись первыми, осторожно стряхивая белый снег лепестков, чтобы не повредить. Не нарушить эту удивительную, хрупкую красоту. Им ничего не снилось, зато прибавилось сил.

— Яблоки! Я...я таких крупных никогда не видел, — юноша вскочил.

— Тише ты... разбудишь, — водный маг кивнул на Арвина и Таю, усыпанных, будто периной укрытых.

— Что с ними? — обеспокоенно склонился целитель над королем.

— Все в порядке.

— Они...спят?

— Не совсем. Они в междумирье. Такова воля Стихий.

Марк кивнул и привалился к дереву. Он с наслаждением вдыхал сладкий аромат, разлитый по всему саду. Улыбался. Но стихийник чувствовал, как боль ковыряется ржавым болтом в сердце несчастного.

Он знал, что это такое. Знал, что нет спасения от мыслей, нет света в душе. Но ничего. Ничего. Когда-нибудь мальчик найдет Любовь, и она исцелит его. Так и будет. А пока надо его показать придворному целителю императора Тигверда. С Ирвином еще никому скучно не было.

Король и чкори очнулись почти одновременно — будто вынырнули из воды. Но если девушка попала в объятия любимого, то Эйш, не успев придти в себя, наткнулся на коленопреклоненного инквизитора.

— Ваше величество! — яблони вздрогнули от глухого, наполненного болью голоса. — Мой король! Прикажите — я готов.

— Что?!.. — Арвину на секунду показалось, что призраки вновь восстали из пепла.

— Казнь, — терпеливо, как ребенку пояснил Марк.
— Ты еще скажи, чтобы тебя сожгли!
— Очистительное пламя...
— Нет, Марк. Ты слышал, что я сказал. Костров больше не будет.
— Но как искупить?! — вскричал Марк и закрыл голову руками.
— Ты целитель, — тихо проговорил Милфорд, — у тебя будет такая возможность.

— Смотрите! — крикнула Тая.
Все повернули головы. Со стороны Рассветных гор вспыхнуло марево портала.

— Яблоки!!! — раздался счастливый, звонкий голос Умы. — Тая!
— Осторожнее, не ломайте ветви! — беспокоились мамы. — Не ешьте много, а то разболятся животы!
— Где взять корзины, чтобы все собрать?
— А как сохранить?!
— Сварим варенье, сок сделаем.
— Как много!
— Ах, как красиво! А запах?
— Я столько яблок в жизни не видела! — у мамы Умы горели глаза.

Тая смотрела на женщин лагеря. Они вдруг стали такими молодыми, такими красивыми... Но самой прекрасной из них была та, что не отрываясь, смотрела прямо ей в глаза.

— Терра...
— Прощай, чкори, — раздалось в голове, и девушка с венком в золотых волосах исчезла.

Тая знала, что они больше не встретятся, но знала она также и то, что они не расстанутся больше, ибо Терра была во всем — в яблонево́м саду, горных реках, цветах, ветре, мягком, пахнущем жизнью черноземе. Чкори наклонилась, взяла горсть земли и крепко сжала в ладони. Прощай, Терра, и...здравствуй!

— Ваше величество! — К Арвину спешили мужчины во главе с Шурром.

Всеобщее возбуждение понемножку стало спадать, его величество выслушал доклады о том, что войска и народ присягнули в верности королю, а инквизиторы либо разбегаются, либо сдаются.

Решено было выступить в поход на столицу завтра, на рассвете.

Двое стояли посреди яблонево́го сада, запорошенного белыми

лепестками.

— Недд...

— Марк...

Милфорд наконец понял, кого напоминает ему лицо инквизитора. Так вот оно что... Тая собирала яблоки с детьми. Он встретился с любимой взглядом, помахал ей рукой, и бесшумно подошел к молодым людям.

— Простите за вторжение... Хотите совет?

— Сами разберемся, — огрызнулся Недд.

— Конечно, сами! Я жить хочу...

Стихийник ушел, а у каждого из братьев в руках оказалось по палке. Хорошие такие палки. Добротные...

...

Костер уютно потрескивал, все пили горьковатый травяной отвар и лакомились лепешками с завернутыми в них мелко порезанными яблоками и ягодами, которые удалось собрать чуть дальше, за садом. Детей пытались уложить спать. Яблоки есть запретили — жалобы на животы уже начались.

Шурр не мог скрыть улыбки. Широкая, добрая, искренняя, смущенно пряталась она в густой бороде.

— Шурр, — обратился к нему Арвин, — мне бы хотелось предложить вам и вашей команде стать мне опорой в дальнейшем. Как вы понимаете, услуги трех знатнейших родов королевства мне больше не понадобятся.

— Ваше величество! — Шурр попытался подняться, но король остановил его и остальных.

— Не надо. Нас всех еще будет мутить от официальных церемоний почище, чем детей, что объелись яблоками с непривычки, — проворчал Эйш, — мне вполне достаточно вашего согласия. О большем я и не мечтал.

— Вы можете быть уверены в нашей безграничной преданности, — кивнул Шурр.

— Что с ними делать? — шепнул кто-то, намекая на то, что стук палок неподалеку продолжался уже четвертый час.

— Не трогайте их, — тоже отчего-то шепотом распорядился король, — если до утра не разберутся, выступаем без них. Догонят, не маленькие.

— А эти? Тоже...разбираются? — Шурр указал лепешкой в другую сторону, откуда был слышен звон шпаг.

— Нет, — Арвин улыбнулся, — Милфорд готовит Таю к соревнованиям. В мире, откуда эта чкори, девушки соревнуются между

собой в искусстве фехтования.

— Так она что, — вернется домой?

— Надеюсь. Это счастье — вернуться домой...

Глава 25

— Эрр тии ну, Арвин?

— Но тир дэйл, Оди.

— Амино рэ дам?

— Иштин ба до, Оди.

— Хорошо, принц Арвин. Очень хорошо. Вы обязаны знать язык предков. Тех, кто жил на этой самой земле очень давно. Это наши традиции, история.

— А среди них... были маги?

— Не думаю, — учитель нахмурился, — думаю, маги пришли потом. С намерением завоевать нашу страну и поработить мирных граждан. Что означает «Ваду», принц Арвин?

— «Ваду» означает — «Смерть магам», Оди.

— Хорошо, принц Арвин. Очень хорошо! На сегодня можете быть свободны.

— Да, Оди.

Король Арвин во главе войска стоял перед Цитаделью инквизиторов. Над головой развевалось огромное, в полнеба, новое знамя Ваду. Цветущая яблоневая ветвь на фоне голубого неба. Потому что «Ваду» на языке предков, народа довад, вовсе не означает «Смерть магам», как учили его в детстве. Пепел показал королю не только события, но и рукописи. Переписанные учебники. «Ваду» означает «Яблоневый сад». Теперь он знал это...

Он смотрел на черную башню, что нависла над столицей, и не верил собственным глазам. Он ведь помнил ее — высокую, величественную, олицетворяющую Закон и Порядок. Беспощадно карающую, справедливо оберегающую тех, кто не несет в себе скверны. Черное зло, магию, уничтожит лишь очистительное пламя — всевидящий огонь. Еще вчера всю эту чушь нес Марк, с фанатично горящими очами. А сейчас — вот он, стоит. Рядом с братом. Оба в синяках и ссадинах. Но сейчас не о том... Башня.

Небо нехотя меняло яркую бирюзу чистого неба на мрачные тучи. Будто из-под палки. Мир Ваду не хотел смерти. Он, Арвин Эйш, сделает все, чтобы избежать кровопролития, но Башня...

Арвин смотрел на обветшалый вид инквизиторской Цитадели.

Обугленное дерево, облитые кровью камни. Странно, почему он никогда этого не замечал? Или десять лет назад все было по-другому?

Десять лет назад... Если бы он не был настолько раздавлен известием о том, что он — маг. Если бы сразу отправился в Рассветные горы и узнал правду... Скольких смертей удалось бы избежать?

Хотя... Не будь этих страшных десяти лет, кто знает, может быть, его подданные не восприняли бы правду такой, какой она была на самом деле. Не встали бы все, как один, желая лишь одного — мирного неба над головой своих детей?

Арвин вспомнил путь в столицу. Мирный день. Они просто шли по своей земле, где везде их встречали цветущие сады, а посевы гнулись к земле под тяжестью зерна.

Занятия фехтованием с Таей по вечерам, вопросы о том, как сберечь урожай — Барнс и Милфорд пытались вспомнить, как это делают в империи. Оба сходились на том, что бытовая магия — это так сложно... Особенно, если ты всю жизнь в армии.

И как-то потихоньку, с каждым прожитым днем, в голове формировалась уверенность в том, что так будет всегда. Война окончена. Прекрасная Терра — цветущая, помолодевшая, ходит меж людей и дарит им радость. Все будет хорошо.

И вот... Они перед Цитаделью. Мечты о том, что в королевстве можно будет навести порядок без кровопролития, похоже, рассыпаются в прах.

Эйш смотрел на площадь. Еще вчера здесь горели костры. А сегодня... Сегодня инквизиторы спустились с башен, откуда обычно наблюдали страшное зрелище, и сами выстроились на обугленных подмостках.

Руки решительно сжимают оружие, блеск фанатичного огня в пустых глазах, ветер треплет черные, подбитые алым плащи. Такой плащ инквизиторы надевали на казнь, и сейчас, демонстрируя их, вновь приглашали Смерть повеселиться. Не выйдет...

Он знает, что все подходы перекрыты его людьми, что его войско — гораздо больше, чем эти двести инквизиторов. За ним — вся страна... Но... как же не хочется проливать кровь...

— Мы не верим в ваши лживые рассказы! — крикнул молодой инквизитор, стараясь перекрычать ветер. — Вы заколдовали все королевство. Вы и ваши проклятые маги! И теперь мы все обречены...

— На что? — тихо спросил король, но его голос слышали все. — На жизнь без костров и пепла? На то, чтобы дети ели яблоки?

— Как вы всех дешево купили! Яблоки... Но знайте, род Айшев так просто не сдастся! Мы будем сражаться до последнего. Мы зальем землю

кровью тех, кто...

Король Арвин взмахнул рукой — и оратор исчез. Как будто его никогда и не было.

— Я не устаю повторять, что не хочу крови. Люди в Ваду должны жить в мире. Но это не значит, что я не уничтожу всех тех, кто призывает к войне! Этого — я отправил в изгнание. Не все миры приветливы к чужакам... К тому же я лишил его магии. У меня хватит сил, чтобы изгнать любого из вас.

Он тяжело смотрел на застывших инквизиторов, стараясь заглянуть в глаза каждому, чтобы донести решительность своих намерений.

— Вам решать: раскаяние, изгнание или смерть. Но землю кровью заливать в моем королевстве больше не будет никто!

Король пошел вперед. Не обращая никакого внимания на застывших инквизиторов. Милфорду нестерпимо захотелось взять палку — как раз одну из тех, на которых сражались Марк с Неддом — и въехать со всей силы его величеству по голове. Может, хоть как-то мозги на место встанут. Их же сейчас просто поубивают....

Все это имперец держал при себе, пока с невозмутимым видом шагал сквозь строй инквизиторов рядом с его величеством.

Вскоре к ним присоединились свои: Шурр, Недд, Барнс и Марк. Когда они дошли до чернеющего входа в Цитадель, раздался лязгающий звук: инквизиторы, склоняя головы, бросали оружие на брусчатку.

— Правильно, — улыбался им король. — Нам столько всего предстоит сделать...

Ступени... Как и положено в замке инквизиторов, они были разной высоты. Но идти сегодня по ним было легко: рядом были друзья и, самое главное, Арвин знал, кто он такой. За спиной звучали команды: Недд и его отряд обыскивали Цитадель, надеясь кого-нибудь спасти.

В зале было сумрачно. По стенам шипели змеи, летал серый пепел. Как будто ничего не изменилось.

— Арвин Эйш...? Ваше величество... — лицо Верховного инквизитора было похоже на оскал самой Смерти. — Простите, что не поднимаюсь в вашем присутствии — ноги не держат.

Король Арвин посмотрел на Верховного инквизитора, которого столько лет мнил практически всесильным... Сейчас же он видел перед собой больного, обрюзгшего старика.

— Должен вас огорчить, ваше величество, но арестовать меня и потащить на казнь не получится.

— Отчего же? — проронил король. А сам подумал, что они все стоят

навытяжку перед Верховным. Как будто пришли давать ему отчет о своих действиях...

— Я сам распорядился своей смертью, как до этого распоряжался чужой жизнью.

— Скажите...Ведь ни Лои, ни Раммы ничего не помнили о самоуправстве юнцов, превративших в пепел целый город? — вдруг спросил Марк. — И учитель... тоже не знал?

Верховный насмешливо посмотрел на ученика инквизитора.

— Не знали. Конечно, никто не знал. Только мы, Айши, сохранили память.

— Но как...

— Мой предок посчитал, что это знание... Слишком тяжело. И не нужно. Он смог. С помощью ритуалов...

— Жертвоприношений! — выкрикнул Шурр.

— Пусть так — но он смог заставить и их забыть, — Айш посмотрел на мужчину миролюбиво — без злобы и ненависти, однако даже тени раскаяния не было в его глазах.

— А моя прапрабабка? — тихо спросил король. — Что стало с ней?

— Собственно, с нее и началась эта история. Его величество страстно влюбился в дочь главы рода Шейлов. Понятно, остальные всерьез стали опасаться, что влияние этого рода на короля станет безграничным.

— И вы?..

— Королева была сильным магом. Она боролась. И дочь не забыла. Ее не сожгли, хотя идея о том, чтобы объявить ее ведьмой и первой за черную магию казнить именно королеву — была. Но... не осмелились. Ее просто отравили.

— Просто... — прошептал король. Покачал головой. — Хотел бы я знать, как сделать так, чтобы подобного никогда не повторилось. Чтобы на память было невозможно повлиять. Это же возможно?

Верховный нехотя, но кивнул.

— Как?

— Ищите. Думайте. В этом я помогать вам не стану. Но помните — все еще вернется. Не в этом, так в каком-нибудь другом мире.

— Я буду стараться, чтобы этого не произошло. Очень.

Старик хрипло рассмеялся. Задрожали своды башни, змеи заметались, зашипели, но отчего-то ни одна из них даже не попыталась выскользнуть за порог, чтобы спастись...

— Ты все такой же, Эйш. Глупый, наивный юнец. Нет в тебе стержня. Железной руки. Да и мозгов нет, одна сила. Не быть тебе королем,

«славный Арвин»! Никто не выйдет из этой башни! Слышите? Никто! Не для того я столько принес в жертву! В том числе и себя самого...

Лицо Верховного инквизитора исказила кривая усмешка, и в это самое мгновение башня дрогнула. Потом еще и еще. Оми зашипели, заметались по стенам. Арвину послышался стон — и он понял, что это стонут стены Цитатели, так же, как сама земля Ваду рыдала до этого.

Нэйро упал на колени, прижал руки к ледяным плитам, ощутил паутину злой, ненавидящей все и вся магии, что убивала даже камни.

«Дай нам уйти, — попросил король. — Мы не хотим умирать...»

Тяжелый вздох.

«Пока бьются сердца жертв — живете и вы», — послышалось в ответ.

— Жертв... — повторил король. И приказал. — Следите, чтобы Айш оставался жив!

— У вас ничего не выйдет! — смеялся Верховный. — Вы погибните вместе со мной!

— Шурр! — приказал король. — Помогите мне. Башня не должна осыпаться. Милфорд, — в подвал. Там должны быть жертвы! Марк! Ты — к Айшу! Держи его сердце, слышишь? Держи!

Имперец кивнул. Он хотел было броситься к выходу, но тут посреди зала вспыхнуло марево портала, из которого шагнули Швангау и Ирвин. Видимо, порталы в Ваду уже строятся из Империи. Милфорд поймал себя на мысли, что он ведь мог и раньше это проверить, но... Не до того было.

Башню качнуло так, что вновь прибывшие еле удержались на ногах.

— Добро пожаловать в Ваду, — поприветствовал их Милфорд. — Ирвин, вы можете мне помочь?

Целитель кивнул, а Швангау внимательно огляделся. Глаза стихийника замерцали синим. Маг опустился на колени, прижав ладони к полу, точно так же, как это делал король. На этот раз вибрация почти прекратилась.

— У вас минут двадцать, — спокойно сообщил он брату. — Потом все рухнет.

Ступеньки. Теперь вниз. Ирвин несколько раз споткнулся. И обязательно покатился бы по ним, не поддержи его Милфорд.

Марк склонился над Инквизитором. Старик был совсем плох, он лежал, привалившись спиной к стене. Оми ползли по его лицу и телу так, будто Айш — кусок скалы, но сердце Верховного билось. Слабо. Прерывисто...

...

— Что...Что это? — прошептал Милфорд, когда они ворвались в подвал.

— Дети. Тринадцать человек. Их замуровали... — лицо Недда светилось белым пятном в темноте.

Начальник контрразведки вспомнил, как жители столицы молили их найти пропавших детей. Вот они...

— Они еще живы, — Ирвин, дрожал всем телом.

Дети словно вросли в стену. Но еще дышали... Еле слышно. Милфорд выругался. Не понятно было, как отделить несчастных от стены...

Они подходили по очереди к каждому. Вливали силы. Стихийник делился с несчастными магией воды. Снова и снова.

Нужен маг земли. Или...кто-нибудь. Кто-то, кто сможет помочь. И маг взмолился Стихиям.

Дальше все было как во сне. Черные стены башни замерцали тысячами звезд, и ... просто растворились. На мгновение показалось, что все они, вместе с детьми, просто повисли в воздухе. Единственное, что помнил водный маг — глаза. Словно сапфиры. Синие. Холодные. Кошачьи...

— Очнись! Очнись, черт бы тебя побрал! Ты еще не отчитался, где моя дочь и что ты с ней сделал, гаденыш!

— Мир... — Милфорд очнулся.

— Для тебя — Мирослав Петрович Лукьяненко!

— Как скажете.

Милфорд огляделся. Они лежали неподалеку от Башни. Арвин, брат, Ирвин, Марк, дети, Недд и его люди — все медленно приходили в себя.

— Как вы... — обратился он к отцу Таи, понимая, что именно этому человеку все они обязаны жизнью.

— Как оказался там? Что сделал? Не спрашивай... Черт знает, что у вас тут творится! Черт! Черт, черт, черт!!! Услышал. Почувствовал. Зверь этот... Потом. Черт знает что такое. Такая...сила. Даже не знаю. Просто вдруг почувствовал — могу! Стены растворить, всех перенести сюда. Зверь этот...Черт знает что такое! Что ты на меня вылупился? Что улыбаешься, мерзавец... Где моя дочь? Что ты с ней сделал?

Последние слова утонули в страшном грохоте. Сверкнула молния, поднялся ветер, небо стало черным, и Башня инквизиторов рухнула. Камни унесли с собой Верховного инквизитора и змей с последней, замурованной в одну из стен кладкой оми.

И хлынул дождь! Ливень с силой вбивал остатки серого пепла, будто

старался смыть этот позор с лица земли Ваду.

Дождь еще лил, когда неожиданно из-за туч вышло солнце. Такой огромной, такой яркой радуги в Ваду еще не видали! И кто бы заметил на ее фоне вспыхивающие то тут, то там порталы стихийников Империи...

Никто и не заметил. Кроме Милфорда. Начальник имперской контрразведки тяжело вздохнул. Вот нет, чтоб хоть пару дней дали в себя прийти! С другой стороны, если бы не Ирвин и Миро, ах, простите, чуть не забыл, — Мирослав Петрович Лукьяненко, — они бы просто не выжили.

Теперь придется всем все объяснять. По пунктам. Особенно Ре...

Он не успел. Ричард Фредерик Ре, ненаследный принц Тигверд, как опытный военный, мгновенно оценил ситуацию, безошибочно вычислив врага. Вот он. Тот, кто напал на сына, тот, из-за кого столько времени все они в напряжении. Он вспомнил это лицо. Там, среди скал. Он чуть не погиб тогда из-за этого проклятого нэйро! Он мог оставить без отца сыновей и любимую женщину, никогда не увидеть своего будущего ребенка, если Стихии все же смиростивятся...

Но только он собрался вынуть шпагу — раздался девичий крик:

— Не смейте!

А вот и девчонка, которую они искали! И Милфорд, который почему-то стоит столбом... Ладно, разберемся, живы — уже хорошо. А это что... Стихии!

Манул шипел и царапал лапами землю. Манул! Ричард вспомнил, как огромный барс — Анук-чи клана Скользящих между мирами — появился в императорском дворце. Скользящие... Его любимая сказка. Когда был совсем маленький, просил маму рассказать именно ее. Как жаль, что она этого не видит...

— Ре, не надо! — Милфорд обнял девушку за плечи, заводя ее за спину и одновременно преграждая другу путь к королю. — Я все объясню.

— Попробуй! — Ричард с трудом и некоторым сожалением оторвал взгляд от красавца-манула.

Король Арвин подошел к принцу Тигверду, просто пройдя сквозь манула. Кот чихнул, и удивленно уставился на хозяйку. Чкори лишь пожала плечами. Не отрываясь, Эйш смотрел перед собой. Молча, не говоря ни слова, отстранил имперца и пошел дальше, туда, куда уже смотрели все, кто был на площади: славное войско под знаменем с цветущей яблонею ветвью, спасенные дети, сдавшиеся инквизиторы...

Все они смотрели туда, куда нерешительно сделал король Ваду несколько шагов и застыл. Там, где еще видна была радуга, стояла женщина

с двумя детьми.

Наверное, они бы стояли вечность, так и не решившись сделать этот шаг. Мужчина и женщина.

Еще недавно они оба думали, что смирились со своей судьбой. Страшной судьбой никогда не увидеть друг друга. Маги, проклявшие сами себя, сгорающие от мысли, что их собственные невинные дети — зло лишь только потому, что они — их.

Но дети совсем по-другому иной раз смотрят на окружающий мир. И это — счастье.

— Папа!

Принцесса не выдержала первой, но как только, оторвавшись от матери она побежала навстречу, мальчик побежал следом. Они неслись, обгоняя друг друга, стараясь зачем-то друг друга еще и перекричать:

— Папа!

— Папааааа!

Он раскинул руки и прижал две золотые кудрявые головы к себе. Но глаз не опустил. Он так и смотрел перед собой, не отрываясь, пока наконец юной принцессе Эйш это порядком не надоело:

— Папочка... Мама ждет, иди...

Детские ладошки подтолкнули короля, и в то же самое мгновение королева сделала шаг навстречу. Они как будто шли к алтарю. Медленно. Ветер гнал белые лепестки яблонь за королевой длинным шлейфом, словно фату, и закружился вокруг, когда правящая чета, наконец, воссоединилась.

Губы друг друга они искали на ощупь, ничего не видя от слез, и когда лепестки поднялись вверх, рисуя над королем и королевой Ваду огромную корону, это было красиво. Очень. Только....

Плакала маленькая Ума, сжимая в одной руке руку отца, в другой — яблоко. Шурр незаметно стряхивал слезы огромной ладонью в бороду — чтоб никто не увидел. Женщины, те слез и вовсе не прятали, а Зорго Цум сжимал скрипку, так и не придумав, что же подойдет к такому вот случаю. Тая прижалась к Милфорду, и маг опустил лицо в ее темные кудри. Очень удобно, со стороны выглядит, будто он успокаивает девушку. Ведь еще не хватало, чтобы Ре увидел, что он...плачет.

А ненаследный принц Тигверд... Стихии! Да он просто уже отказывался что-либо понимать!

Глава 26

Чкори заметалась по белым мраморным плитам, будто дикий зверь. Золотая птица галстук закружила в синем небе.

Вероника смотрела на Дарину. Платье с узорчатым поясом, волосы перехвачены тесьмой. Тонкие запястья в браслетах, длинные пальцы в перстнях. Золотистая кожа, карие глаза. Какая она красивая. Сильная... И как же хочется для нее счастья!

Наконец женщина опустилась в кресло и посмотрела на принцессу Тигверд. В темных глазах была решимость. Она налила вина в бокал. Выпила. И заговорила:

— Мы с Геральдом никогда не ругались. Словно всегда были выше этого. И понимали, мы не только — мать и сын, но прежде всего — герцогиня и ее наследник.

— А теперь? — Вероника сжала свой бокал.

— Теперь? Теперь мы просто не разговариваем.

— Рэм сейчас ни с кем не разговаривает. Только я не пойму, что случилось.

— Это я во всем виновата, — герцогиня опустила голову.

— Что произошло? Расскажите. Расскажите мне.

— Меня захватила страсть. Этот человек... Я чувствую с ним такую связь... Мы не любили друг друга с отцом сына. Но жили во взаимном уважении. Наша страна и ее интересы — прежде всего. Да, мы, не задумываясь, отдали бы друг за друга жизни. Но это не та любовь! Вы меня понимаете?

— Конечно.

— Геральд принял это за любовь настоящую. Конечно же, его никто не разубеждал. А мы спали в разных спальнях. Лишь один раз исполнили свой долг — нужен был наследник. Я знала, кого любил мой муж. Он знал, что я не люблю его. Но это неважно! Вам, наверное, дико все это слушать...

— Вовсе нет. Я — историк. Таких примеров миллион. А вы? Вы любили кого-то?

— Да. Очень давно. Человека из вашего мира. Намного старше меня. Он был, как это у вас называется... Он был представителем правящей знати.

— Политиком?

— Да! Но его убили. И все это время я не думала о любви. Все было...

правильно. Муж никогда не давал повода чувствовать себя униженной. Он был... Безупречен. А этот человек...

— Кто?!

После того случая на острове с Ирвином и Рене Вероника дала себе слово не лезть в чужую жизнь. Никогда! Отношения с Ией уже, увы, не наладятся. И сейчас она изо всех сил пыталась быть равнодушной. Но как ни старалась — не получалось! Ничего не получалось.

— Миро. Отец Таисии. Не сжимайте так сильно бокал — он может треснуть, и вы поранитесь...

Вероника смутилась.

— Вы считаете, я вечно лезу не в свое дело?

— Нет, — Дарина улыбнулась, — я восхищаюсь вашей искренностью, деятельностью, желанием помочь. Просто...это очень дорогой хрусталь!

Они рассмеялись. Выпили.

— Мы... сошли с ума, — прошептала герцогиня. — Все было настолько случайно, настолько... Только что ругались — все как обычно. И вот... Все просто исчезло... Я и представить не могла, что от поцелуя может исчезнуть все вокруг...

— Почему вы плачете? Я не понимаю... Что в этом плохого?

— Геральд...

— Дарина! Он что, увидел как вы...?

— Целуемся, да.

Вероника не знала, смеяться или плакать. С одной стороны — смешно. С другой... Как сама рыдала в точно такой же ситуации она не забыла. И не забудет никогда. И сейчас очень близкому ей человеку, которого она способна понять, наверное, как никто другой, по крайней мере, в этом мире точно, нужна ее поддержка. Внутри шевельнулась злость:

— Дарина, а такая светлая мысль, что все происходящее просто-напросто не его дело... В голову вам обоим не приходила?

— Его отец погиб, защищая нас... Еще и года не прошло, — глухо сказала герцогиня.

— Но... если ты почувствовала себя живой, если ты — полюбила... Рэм поймет. Должен понять! Я уверена, если бы он...

— Геральд со мной не разговаривает, Миро — тоже. Он говорил с сыном и принял решение отойти в сторону.

— Вот ведь! Мужчины!

— Он прав... Только это не поможет. Слишком...поздно.

Вероника вскочила.

— Я Рэму говорила: жду не дождусь того момента, когда он влюбится.

И ему станет плевать на все: на свой титул, на правила, на приличия. На то — вовремя нахлынуло на него это желание или нет! Вот прилетит же этому поборнику хороших манер от судьбы — зря он ее дразнит!

— Вероника! А что он должен был сделать?!

— Что?! Ежу ясно, что! Сделать вид, что не видел того, что его не касается! И за мать порадоваться!

— А Еж... это?

— Это такой великий мыслитель. Из моего мира.

Вот зачем она соврала? Сама не знает. Просто...Просто так. От злости.

— Слишком мало времени прошло. И слишком не подходящий мужчина.

— Для кого не подходящий? Никто, слышишь? Никто не имеет права решать, кто подходит тебе, а кто — нет! Никто! Только твое сердце...

— Геральд поступил, как правильно. Как должно.

— Скажи, Дарина, ты чувствуешь себя счастливой?

— Нет, но...

— А может быть, счастливым чувствует себя Миро? Или Рэм?

— Рэм? Но ведь все получилось так, как он хотел!

Дождь рухнул с яркого, ясного неба. Внезапный, как поцелуй герцогини Рэймской и полковника Лукьяненко, он требовательно застучал по мраморным плитам, фруктам в вазе, бокалам из очень дорогого хрусталя...

— Соленый... — с удивлением прошептали женщины.

— Соленый! — согласилась с ними ... Ия, появляясь рядом из капель дождя. Русалка улыбалась:

— Добрый день, простите за вторжение!

— Добрый.

Вероника похолодела. И дождь холодный, и вообще с некоторых пор как-то неуютно ей под взглядом глаз цвета океана.

— Мне сообщили, что вы отбыли к герцогине Рэймской, и я позволила себе вас разыскать.

— Хотите вина? — вспомнила о своих обязанностях хозяйки герцогиня.

— Не откажусь.

Дождь прекратился, и над рубиновым холмом взошла радуга! Это было так красиво, что несколько секунд все они молча любовались, забыв обо всем.

— На наш остров доставили детей из Ваду. Они в тяжелом состоянии. И... нам нужна помощь.

Вероника поняла, что вот она — та самая ветвь мира, которую Ия сама протягивает ей! Поняла принцесса Тигверд и кое-что еще.

— Из... Ваду?

— Прости, — внезапно Дарина взяла ее за руки, — порталы в Ваду открылись. Император, Швангау, Ричард, Ирвин и Миро уже там. Но все обошлось. Все в порядке. Они нашли Таю и Милфорда. Живы. И скоро все придут сюда.

— То есть ты меня пригласила...

— Нет! Я пригласила, потому что очень хотела тебя видеть!

— Верю, не переживай. Ну и Ричард попросил заодно. Чтобы меня не волновать, как всегда! Ой, девочки, налейте мне, а то заведусь...

Они рассмеялись, и Ия стала рассказывать о том, что творится на острове.

— Детей очень много. Их необходимо кормить и размещать, осматривать, прежде чем я и русалки ими займемся. Рук не хватает...

— Конечно, я буду счастлива. И...

— Отправлюсь и я с вами, — герцогиня отставила вино.

— Может быть, и мальчишек позвать? — Вероника посмотрела на герцогиню.

— Феликс уже там, но... Он очень устал.

— Пашу я вызову, а вот Рэма надо поискать...

— А что его искать? — Ия взмахнула рукой и на мокром мраморе появились следы собачьих лап...

Золотистая копия Флоризеля, опустив голову, вышла из-за мраморной вазы с цветами в углу террасы.

— Ия, пойдете. Герцогиня с сыном к нам присоединятся.

— Да, конечно, — пробормотала герцогиня,

Когда Рэм вышел на террасу, Ия и принцесса Тигверд уже исчезли.

— Геральд...

— Я не подслушивал все это время. Я пришел только...

— Неужели ты думаешь, что я не знала, что ты здесь?

— Вы...знали?!

— Мой Анук-Чи подслушивал родителей лет с десяти. И, кстати, делал это так, что никто ничего не замечал! Хотя...Возможно, они тоже лишь делали вид. Во всяком случае, мама — наверняка.

— Вы...знали...

— Знала. Знала и все равно искренне рассказала Веронике все, как есть. Все, что на сердце. Все, что чувствую. Решать тебе, Геральд. Но оправдываться перед тобой я не стану.

— Вы не должны, матушка... Простите меня. Я был не прав. Но самое страшное не это.

— А что? — герцогиня резко развернулась, и посмотрела в глаза сыну

— Если сбудется мечта мамы Вероники ... Мне придется отдать вам долг.

— Что? Что ты имеешь в виду, Геральд?

— Если я кого-нибудь люблю, мне ничего не остается, как прийти к вам и честно рассказать. Искренне. Все, что на сердце.

— Правда?

— Да. Ведь так и должно быть между...

— Между матерью и сыном. Между людьми, которые любят, уважают и доверяют друг другу, — закончила герцогиня, в первый раз не пряча от сына заплаканного лица.

— Мама!

Они стояли, обнявшись, под неизвестно откуда взявшимися струями соленой воды, пока в ливневом потоке не открылся портал на остров.

— Пойдем, сынок. Нужна наша помощь...

...

Больше всего остров был похож на всесоюзную здравницу из детства Вероники. Много детей, шум, море.

Правда, смертельно бледные Феликс и Ирвин сильно портили общую картину:

— Когда вы ели последний раз? — оба посмотрели на принцессу Тигверд так, будто она попросила доказать теорему Ферма.

И понеслось — блинчики в промышленных масштабах печь, детей и целителей — кормить, хорошо хоть русалки блины не едят по определению...

Герцогиня Рэймская приводила в бывший дом ненаследного принца Тигверда детей и отводила обратно. В четыре руки женщины вполне справлялись.

— Как Рэм?

— Хорошо... Он...Он сказал, что Еж прав. Вероника, спасибо! Спасибо вам! — и герцогиня крепко обняла принцессу Тигверд.

— Осторожно, сковородка горячая... Что сказал Рэм?

— Что Еж прав, — глаза Дарины сияли от счастья.

— Кто?!

— Еж. Великий мыслитель из вашего мира. Это действительно был великий человек! Расскажите потом о нем?

— Да, конечно...

А вокруг... Вокруг была Любовь! Бездонные глубины океана и ясная бирюза глаз Ирвина и Ии, улыбки герцогини и юного герцога, творческий азарт молодого, подающего большие надежды целителя Феликса, восторженные крики детей Ваду:

— Море!

— Солнце!

— Русалки!

— Блинчики!

Лишь мастер Пауль Рэ сидел поодаль, на берегу, и грустил. Всеобщее веселье напоминало о том, что порталы в Ваду строились, Таю и Милфорда нашли. Тая...Простит ли она его когда-нибудь?

— Нет!

— Тая?

— Папа! Папа, нет! Не смей! Не смей, слышишь?!

— Тая! Да что случилось-то?

— Отец! Он просто взял и отправил меня сюда, не спрашивая! А этот...Эдвард ему еще и поддакивал! Они просто взяли и отправили девушку в безопасное место, вместе с детьми! Никто! Никто, слышишь? Никто не смеет решать за меня!

Пашка вскочил, от неожиданности выхватил шпагу, и вздрогнул, потому что прямо перед ним, утопая толстыми лапами в горячем песке шипел огромный, мохнатый кот с пятнистой башкой и бешеными глазами!

— Ты? — девушка выхватила шпагу и стала яростно нападать, — злость требовала выхода.

Звенели шпаги, пеклись блинчики, шумело море. Люди мирились, дети лечились. Все было хорошо.

Глава 27

— Ан гард.

— Эт ву прэ?

— Алле!

Сколько раз за сегодняшний бесконечный день они слышали эти команды: «К бою» — «Вы готовы?» — «Начинайте!»

Чудной мир. Чудные правила...

А одежда! Скрип фехтовальной обуви по полу отзывался болью в голове. Что-то мигало на белой ткани специальных костюмов... И ведь женщины в таких же! Обтянуты, как... Смотреть же невозможно спокойно! Что за мужчины тут... И главное — зачем же так над собой издеваться? В общественном месте...

Этот тонкий звук, когда кроссовки фехтующий трут дорожку... Так пищат дагги в бедных кварталах! Все в проводах, лампочки мигают. Иномирская техника все записывает. Людям не доверяют?

У них два секунданта на турнире — тот, что следит за правилами приемов и стихийник — контролировать использование магии — все! Как-то справляются. А тут... Как же честь? Разве можно род свой опозорить? Доверие?

Милфорд был полностью согласен с Ирвином — этот мир вреден для здоровья! Слишком...нервно. Таю надо срочно увозить в империю! О том, что он любил этот сырой, туманный город, прекрасно знал язык, проводил тут свой отпуск и даже обзавелся квартирой на Сенной площади, об этом начальник имперской контрразведки забыл. Решительно забыл!

— Как думаешь, Шир, если мы выйдем против них — кто кого?

Все, кто был рядом, посмотрели недовольно. Не обращая внимания на выразительные взгляды, ненаследный принц Тигверд продолжил:

— С другой стороны, если бы убить...

Вероника стукнула его кулачком — он отвлекся посмотреть, не ушиблась ли любимая:

— Все эти правила... Сюда можно, сюда нельзя, атака практически только по прямой, шпагой только колоть, руку без оружия не использовать... Неудобно!

Милфорд ничего не ответил, и в сотый раз повел плечами. Неудобно... Все из-за Арвина! Король Ваду, а нынче — Арвин Валентайнович Эйш, меценат, спонсор, бизнесмен, почетный гость турнира и Стихии знают, кто

еще, притащил все это к нему на квартиру и заставил переодеться. Видите ли, те вещи, в которых он играет в переходе, не подходят. Так не появляются в приличном обществе! А он-то, наивный, полагал, что все эти условности существуют только в Империи. За отсутствие условностей он и любил этот мир! Оказалось, он его просто не знал достаточно хорошо...

Черный костюм, белая рубашка и длинный, узкий, странным узлом повязанный шейный платок. Смотрелось...неплохо. Но чувствовал он себя во всем этом почему-то неуютно. Вот Эйш — другое дело.

Меценат был явно ко всему этому привычен. Движения легкие, элегантные. Риадна рядом с ним была в длинном темно-вишневом платье этого мира, однако густые темно-каштановые волосы ее были убраны так, как это было принято в родном королевстве. Королева смотрела на все счастливыми, но слегка испуганными глазами, поминутно оглядываясь на детей. Те сидели с Умой и другими детьми из Ваду.

Родители Умы скорее нервничали, чем получали удовольствие. Но Арвин, проведя подробный инструктаж на тему как вести себя в чужом мире, позволил детям под присмотром взрослых посетить турнир. Он считал это необходимым этапом образования. Ваду нуждается в совершенно новом поколении. Лояльном. Без этих...старых предрассудков.

Ричард с Милфордом переглянулись:

— Шир...?

— Все в порядке, — буркнул имперец, продолжая разглядывать окружающих.

Ричард одет не так торжественно как они с Эйшем, но тоже в соответствии со здешней модой. Вероника и герцогиня Реймская были в брюках. Синие брюки и блузка в тон на принцессе Тигверд и черный костюм, почти такой же, как на нем, только...изящнее на герцогине. Обе женщины выглядели бесподобно, что злило его еще больше!

Лукияненко, казалось, это совершенно не раздражало. Он сидел подле герцогини с таким счастливым выражением лица, как будто брюки это... Хотя, он из этого мира. Стихии...

Милфорд вспомнил, как подшучивал над Рэ, когда слишком свободолобивый характер его избранницы злил и тревожил друга. Зря. Сейчас он искренне раскаивался! «Не смейся над другом своим — шутку запомнят Стихии!» — говорят в Империи.

Мужчины-рапиристы как раз взяли тайм-аут. Сегодня был день мужской рапиры и женской шпаги — фехтовальщики выходили на помост поочередно, сменяя друг друга. Россиянин и итальянец боролись за выход в полуфинал.

Фехтовальщик, что представлял честь провинции принцессы Тигверд, как понял Милфорд, вел четырнадцать — одиннадцать. Бои шли либо три периода по три минуты, либо до пятнадцати очков. То есть нашему — как объяснил Пауль — оставался один укол, чтобы войти в четверку лидеров, которые будут сражаться сначала в полуфинале, а потом в финале.

Женщины уже отобрались. И Тая была в их числе!

Как не отвлекаться на местную моду и правила турнира, забыть про то, ради чего он здесь, не получалось. Он переживал за нее. Он болел за нее! Маг хотел вскочить и раскидать их всех! Затопить весь этот...как они его называют....спорткомплекс!

Синими очами имперец сверкал на каждого, кто без конца подходил выразить Эйшу свое почтение.

— Слушайте... ведите же себя чуть более миролюбиво! Вы — со мной. Будьте добры соответствовать.

— Простите. Забыл, что вы не только король Ваду, но и...

— Достаточно известный и уважаемый здесь человек. Улыбнитесь, Эдвард. Не думаю, что Таисии прибавит сил ваша злая на весь мир физиономия. В конце концов, мы здесь, чтобы ее поддержать, не так ли?

— Я помню, — процедил Милфорд сквозь зубы.

— Вот и хорошо, — улыбнулся Эйш, — кстати, повода для плохого настроения я лично не вижу! Тая готова. Единственное, что может помешать — неуверенность в себе. Я чувствую ее страх. Сомнения... Но я верю. Верю и надеюсь, что она соберется.

За хорошим настроением король Ваду скрывал сильное волнение. Сколько они работали! Он старался вложить в нее эту уверенность, так неужели она сдастся? Эта...смелая чкори? Нет...Конечно, нет! Не может быть...

— Девушка фехтует прекрасно! Мои комплименты. Вы вдвоем ее готовили? — поинтересовался Ричард.

— Да. Работа была проделана серьезная, — кивнул Эйш.

У ненаследного принца Тигверда, в отличие от его друга настроение было отличным. Все живы, все здоровы, рядом любимая, сыновья и родные. А все остальное...

Тем не менее, Эдварду он сочувствовал искренне. Лишь небольшая искорка удовлетворения за то, что он сполна отмщен за те насмешки, что терпел от Ширы когда сам с ума сходил по Веронике, приятно щекотала душу. Ну что ж... Как говорят в империи: «Не смейся над другом своим — шутку услышат Стихии!» Вот так...

Он бросил взгляд на Милфорда. Бледный, поджатые губы, глаза горят

синим огнем. Каких невероятных усилий стоит ему сейчас держать магию на привязи? Не выпустить ее, чтобы помочь?..

И как бы он сам себя сейчас чувствовал, если бы в поединке участвовал Пауль? Рэм? Феликс? Ника?! Нет! Ну уж...нет! Бедняга Шир...

Ричард огляделся. Арвин, как оказалось, был достаточно известным в мире спорта человеком. К нему беспрестанно подходили важные, представительные люди (видимо, весьма и весьма знатных, влиятельных родов), и пожимали королю руку. Королева Риадна улыбалась всем обворожительной улыбкой. Сзади, чуть выше на трибунах, сидели дети.

Ричард посмотрел на Уму. Девочка замирала только тогда, когда видела Таю. Казалось, ребенок забывал, как дышать, когда видел своего кумира. Принц Тигверд улыбнулся. Сколько огня было в этой маленькой магине! Наверное, его дочь будет похожа на нее. Обязательно будет!

— Ричард...

— Что? Что случилось, любимая?

— Ничего. Просто...переживаю за Таю.

— Все буде хорошо! Вот увидишь!

Ненаследный принц Тигверд крепко обнял жену. Его мысли потекли дальше, и он стал вспоминать недавние события...

Как был поражен, когда Тая встала на защиту своего похитителя. Но, с другой стороны — барышня есть барышня. И невозможно угадать, что скрывается в прелестной голове. Но Милфорд! А потом и прибывший отец, его величество Фредерик Максимилиан Тигверд! «Этой стране нужен король!» — постановил император.

И все — Арвин стал неприкосновенным. Только и оставалось, что сражаться с ним на спортивных поединках, стремясь ранить. К чести короля Ваду, фехтовал его величество отменно! Просто отменно. Одно удовольствие размяться порой с таким соперником! Это, собственно и примирило принца с решением отца. Ну, может быть, еще искреннее раскаяние короля Ваду.

И потом... Будь на месте Риадны Вероника с детьми — он бы задумался хоть на минуту, похищая какую-то девицу? Как бы ни хотелось признаваться в этом самому себе, ответ был однозначно в пользу нэйро...

Любопытно, что потребовал от Арвина Эйша его величество Фредерик? Вряд ли император отказался от своей привычки: идя на уступки, он всегда требовал исполнить его желание. От Вероники он потребовал называть его по имени, от Ричарда — прийти к нему в гости на пирожки.

А у Арвина... Кто знает?

— Дааааа!!! — раздался у него над ухом вопль вскочившей принцессы Тигверд.

— ЕЙЙЙсссс!!! — с другой стороны кричал Пашка, поднимая сжатые в кулаки руки над головой.

Россиянин вышел в финал.

Несколько долгих минут ожидания под ритмичную музыку, и на дорожку вышли четыре девушки.

Тая была ниже всех, отчего казалась хрупкой и беззащитной. Полковник Лукьяненко нахмурился, сжав пластиковые подлокотники сиденья. Ричард взял жену за руку и легонько сжал, чтобы она сильно не волновалась. Милфорд глубоко вдохнул и медленно выдохнул, прикрыв полыхающие синим огнем глаза.

Глаза эти, к слову сказать, уже вызвали некоторый интерес у сидящих поблизости иномирских представительниц прекрасного пола разных возрастов, но маг этого не заметил. Арвин посмотрел на него с усмешкой — словно знал что-то, другим не ведомое.

— В фехтовании золотая медаль, серебряная. И две бронзовые — шепотом рассказывал Пашка Уме, которая уже успела спуститься с задних рядов и теперь засыпала его вопросами. — То есть те, кто проиграл полуфиналы — сразу с медалями. Но за более высокие места они бороться уже не смогут.

Первая полуфиналистка. Итальянка. Сильная. Девушка уверенно поднималась по турнирной таблице, демонстрируя блестящую технику и весьма агрессивный стиль.

Несколько минут. И...

— Ан гард.

— Эт ву прэ?

— Алле!

Итальянка победила уверенно. Легко. Если Тая сейчас выиграет у немки — она будет фехтовать с этим...монстром.

Павел не слушал, что там тараторит Ума, стараясь не отвлекаться.

Сосредоточенная, спокойная Тая. Ее заранее улыбающаяся соперница. Высокая. Руки длинные. Спортсменка уже выбила из борьбы действующую олимпийскую чемпионку из России. Что ей какая-то вчерашняя юниорка!

— Ан гард.

— Эт ву прэ?

— Алле!

— Есть! Да! Мама, ты видела?

Вероника хлопала в ладоши, кивая сыну. Сердце билось так, что

хотелось успокоительной настойки Ирвина. Украдкой бросила взгляд на Милфорда. Как он там? Бедный...

Внешне Милфорд и Арвин казались спокойными. Но на самом деле оба наставника были напряжены до предела.

Немка действовала спокойно, уверенно. В чем-то даже надменно. И давила... давила... давила. Она все время вынуждала Тая отступать на свою половину. Выглядело это нервно, в чем-то устрашающе, но... Счет был равным. Тая ускользала, контратаковала, выворачивалась так, что, казалось, такое просто неподвластно человеческому телу.

Перерыв. Счет равный...

— Она ее совсем загоняла! — возмущался Паша. — Феликс, поможешь?

Полковник Лукьяненко поднялся. Рэм покачал головой, но ничего не сказал.

— Тогда и немецкой фехтовальщице пусть поможет, — голос Арвина был насмешлив. — Чтобы было справедливо.

— И я боюсь представить, что с вами сделает Тая за этот рыцарский порыв, если вы сунетесь, — заметила Вероника.

— Ан гард.

— Эт ву прэ?

— Алле!

Эдвард Милфорд был там, на ковре, с девушкой, что составляла весь смысл его жизни. Хотя нет, не так. Он был не с нею, он был ею! Выжидал момент, изворачивался. Дразнил, чуть задевая кончиком шпаги, чтобы проскользнуть под длинными руками соперницы и нанести удар. Еще и еще, чтобы потом, уже не понимая, что происходит, услышать:

— Пятнадцать — девять! Победила Таисия Лукьяненко! Россия!

Он очнулся от ликования трибун. Шум был такой, что, казалось, крыша Дворца спорта сейчас сорвется — и птицей полетит над городом.

Без сил опустился на пластиковый стул. И подумал, что это — лишь полуфинал. А еще десять минут ожидания. И потом — поединок... Три минуты по три раунда. Бесконечные минуты...

— А я никогда не был на ее соревнованиях, — пробормотал полковник Лукьяненко.

Пожалуй, он заговорил с ним впервые с того момента, как Тая нашла. Все это время Мирослав Петрович просто игнорировал присутствие имперца. Если учесть тот факт, что Эдвард и Тая практически не расставались, то соответственно, и с дочерью поговорить толком не получалось.

— Как я вас понимаю! — выдохнул милорд Милфорд.

— Что вы думаете делать дальше? — посмотрел ему в глаза отец любимой женщины.

— Жениться.

— Ей девятнадцать!

— Знаю. Я — намного старше...

— Именно!

— И она хочет учиться — только не в Академии МВД, а у брата. В Роттервике.

Лукияненко покраснел, и с отчаянием человека, осознающего, что он уже давно и безнадежно проиграл, все же попытался возразить:

— Я хочу, чтобы моя дочь была в безопасности. Жила нормальной жизнью!

— Вопрос о том, что для нее нормально — будет решать она сама. Как и вопрос с моим предложением, — отрезал Милфорд.

Мужчины вздохнули.

Объявили финал.

И снова — скрип по поверхности дорожек. Вперед — назад. Итальянка, вторая финалистка, не пыталась прессинговать юную спортсменку из России. Подсмотрев на опыте немки, что подобная тактика результата бывшей сопернице Лукияненко не принесла, она решила действовать по-другому.

Первые три минуты девушки присматривались друг к другу.

Один-один. Два-один. Два-два...

Бой был равный. И очень осторожный. Шпажистки ждали ошибок друг друга. Но их не было.

Неожиданно после перерыва Тая взвинтила темп настолько, что стало понятно — она сильнее. Девушка ныряла вниз, нанося удары столь же молниеносные, сколь немыслимые по траектории. Она уклонялась, мгновенно реагируя и изгибаясь так ловко, что сильные, эффектные выпады соперницы лишь напрасно резали воздух.

— Ан гард.

— Эт ву прэ?

— Алле!

Два раза итальянка просила судей пересмотреть записи на камере. Несколько раз брала паузы, чтобы поправить амуницию. Наверное, надеялась на то, что у Таи не хватит сил. Или собьется настрой. Но...

Несколько минут и судья объявил:

— Пятнадцать — девять!

Ликующие крики!

С растерявшейся Таи, которая никак не могла поверить в то, что все закончилась, в то, что она — чемпионка, сорвали шлем. Тренер Николай Алексеевич кинулся ее обнимать. Подскочили остальные. Подкинули наверх. Девушка закрыла лицо ладонями, а потом исчезла в глубине технических помещений.

— Иди к ней, — похлопал Милфорда по плечу полковник Лукьяненко. — Иди к девочке.

И маг сорвался. Он несся в сторону раздевалок — его никто и не подумал остановить. Обе финалистки сидели у стены, закрыв глаза, силы закончились одновременно. И обе выглядели одинаково потерянно.

— Тая... — негромко позвал Милфорд.

— Эдвард, — девушка похлопала по полу, приглашая его присоединиться.

Он осторожно сел рядом. Взял ладошку любимой, прижал к своим губам.

— Ты — чудо...

Тая кивнула.

— Мне все кажется, что — неправда.

— Глупости! Тебя просто Арвин давно не гонял!

Они рассмеялись. А потом просто сидели, обнявшись, пока Таю не позвал тренер:

— Лукьяненко! На награждение идти собираешься?

Тая взвизгнула, вскочила — и унеслась.

А Милфорд подошел к тренеру и зашагал рядом с ним:

— Подскажите, вы же сегодня будете отмечать?

— А то... — откликнулся тот. Но быстро исправился. — Очень умеренно. Послезавтра — командные соревнования!

— Я понимаю. Но к вам можно присоединиться?

Тренер — а они уже выходили в зал, под свет софитов, насмешливо проговорил:

— Вы же пришли с Арвином Валентайновичем?

Милфорд кивнул:

— Кто же вам и всей вашей компании откажет? Пойдемте — награждение началось!

Эдвард Грегори Шир, милорд Милфорд смотрел на ту, что была дороже всего на свете. В этом белом костюме. Шпага. Маска. Медаль. Мокрые от пота волосы. Дыхание еще не успокоилось. Немного бледная. И

такая счастливая!

Он понимал, что она никогда не будет такой, как принято это в Империи. Понимал и улыбался. Потому что примет. Примет все, что будет связано с эти смуглым, сильным магически и невероятно хорошо фехтующим ребенком. Нет ему жизни без нее. Нет ему счастья без нее. Нет...

А потом закружилось, закрутилось, понеслось!

Он узнал у Вероники, как это делается в ее мире и понесся с Эйшем в ювелирную лавку. Еще раз убедился, что белые ночи, туманы, музыка, скрипка Зорго Цума — на всем этом прелесть данного мира заканчивается. Выяснилось, что в драгоценностях эти люди решительно ничего не смыслят! Золото сомнительной пробы местные ювелиры не камнями инкрустируют, а крошкой тех самых камней!

Плохо понимая, что происходит, он опустил кольцо в бумажный стаканчик, из которого Тая, как и все, как и он сам, пили шампанское!

О, да когда же кончится это унижение, этот их варварский обряд, и он сможет преподнести возлюбленной родовой помолвочный перстень и предложить ей лучшего вина из золотого, камнями, а не пылью от оных украшенного кубка?

Странно, но любимая и ее отец отнеслись к этому его жесту более чем серьезно. Она обещала подумать, что тоже, как выяснилось, было частью местного ритуала.

Мирослав Петрович и Таисия очень долго и горячо спорили по поводу предстоящей свадьбы, однако он так понял, что не о том они спорили — будет ли, а о том, что это будет и как. И то ли от этого, то ли от дурного в бумажном стаканчике шампанского, но так легко и весело вдруг стало на душе водного мага!

Они с Зорго пели, кажется. Да как же кажется — определенно пели! А потом гуляли по этому дивному, туманному городу, и Ричард с Вероникой поздравляли их, и кажется, они с Ричардом фехтовали на мосту. Да нет же, точно — фехтовали! А Мирослав Петрович долго, очень долго беседовал с какими-то людьми в местной военной форме...

Но все это не важно. Не имеет значения.

Он самый счастливый маг во всех существующих и даже еще не родившихся мирах, Стихиями обласканный, услышанный самой Пустотой, потому как она сказала ему «да» еще прежде, чем они вышли из Дворца Спорта.

Эпилог

Тая закрыла любимому рот рукой. Нет, целоваться — это очень здорово, но сейчас ей нужно несколько секунд:

— Ну подожди, Эдвард... Как... как красиво! Посмотри!

Они были в Военной Академии Империи. Здесь все было по-другому! Не так, как в Роттервике, в университете, куда она поступила этим летом. Огромный серый замок столичного университета был строг, даже немного мрачен, но этот... Этот был величественен! Даже не замок — крепость!

Осеннее солнце пробивалось сквозь листву, четкими полосами расчерчивая аккуратно подстриженную лужайку.

— И это — место для фехтования?

— Да. В летнее время.

— Эти тени... Особенно когда яркое солнце, как сейчас. Отвлекать будет!

— Умница! Для этого и сделано.

— Зачем? Это же неудобно!

— Мы готовим не спортсменов. Здесь фехтуют не ради искусства. Это — условия, максимально приближенные к боевым. Мало ли в какой из миров занесет мага? Вдруг там яркое солнце и такие вот деревья?

— Надо же... И специально выбираете солнечную погоду? А если солнца нет?

— Воздушников подключаем. Они погоду корректируют.

— А...

Девушка еще раз полюбовалась прекрасным видом, игрой светотени на стриженной траве... Нахмурилась. Внимательно посмотрела на мага.

— Эдвард!

Маг, улыбаясь, уже доставал шпагу, командуя:

— Ан гард.

— Ты же мне голову морочишь?

— Эт ву прэ?

— Ну все...

— Алле!

— Есть! — она все-таки умудрилась извернуться и, не пропустив удара, коснуться кончиком шпаги плеча мага. — И у тебя, кстати, штрафной укол за то, что ты левой рукой — а она без шпаги — пытался перехватить гарду. Пятнадцать — четырнадцать! Я выиграла, милорд!

Эдвард рассмеялся. Ее лицо. Он так любил, когда она улыбалась.

— Я проиграл Чемпионке мира. Это честь для меня. — И маг поклонился.

До чего же легко и изящно у него это получается! Когда он делает движение... Вот как сейчас. В такие минуты он похож на сказочного принца! Хотя нет. Он и есть — сказочный принц! А это все — дворцы, солнце, идеально подстриженные лужайки с ярко-изумрудной травой, лимарра. Это все — сказка. Ее сказка... Она бывает страшной. Опасной. Но бывает и прекрасной. И как у всех сказок, у этой — счастливый конец...

— О чем задумалась?

Он обнял Тая, нежно прижал к себе. Они только что вернулись из Праги, где в колдовском городе его чкори стала чемпионкой мира.

— Через два года Олимпиада. Я — в сборной страны. В основном составе. Столько мечтала об этом...

— И?

— И ты все испортил...

— Чем это?

— Перебил эмоции. Потому что ты — еще бóльшее счастье. И теперь в сравнении с тобой и сборная, и Олимпиада меркнут...

Милфорд покачал головой, прижал к себе любимую. Коснулся упрямой кудрявой макушки губами. И тихонько рассмеялся. Все-таки он счастливiec. Пусть и не женатый. Пока.

Тая извернулась — и подставила губы.

— Когда свадьба? — прошептал имперец, склоняясь над прикрывшей глаза девушкой.

— Эдвард!

— Я жду, когда полковник Лукьяненко потеряет терпение и вызовет, наконец, меня на дуэль. Если бы у меня была дочь и какой-то подлец с ней сожительствовал...

— Молчи! — Тая ладошкой закрыла любимому рот, уже второй раз за это утро. — Я... загадала...

— Ммммм?

— Я загадала, что выиграю Олимпиаду и потом выйду замуж...

Милофорд преувеличенно печально вздохнул.

— Но я... Я кольца ношу! — поспешила заверить любимого Тая. — И... она стряхнула перчатку и показала узкое неброское (с точки зрения милорда) колечко, которое Эдвард преподнес ей в Петербурге. — И второе... Вот! — девушка достала длинную цепочку и предъявила помолвочный перстень — с крупным бриллиантом — как положено.

Она возилась с цепочкой, а он не мог оторвать взгляд. Такая... тоненькая. И хотя он до сих пор не разговаривал с принцессой Тигверд (не остыл еще), не признавать того, насколько элегантно выглядит его невеста, не мог.

— Опять сердишься на Пашкину маму? Ну, прекрати... — правильно поняла она его взгляд.

Дело было в том, что когда Тая попала в Империю, основным занятием девушки было фехтование. С Милфордом, Паулем, Рэмом, принцем Тигвердом и герцогиней Реймской, которая, кстати, тоже фехтовала «весьма недурственно», как выражался Арвин Валентайнович.

Костюм для фехтования ее мира выглядел для имперцев настолько экстравагантно, что... Надо было что-то делать! И Вероника Евгеньевна вызвалась решить эту проблему. Обратились к Дарине. Дело в том, что в графстве Рэймском женские костюмы для фехтования и верховой езды существовали.

И все бы ничего, но главный редактор «Имперской правды» на этом не остановилась. С помощью художницы Джулианы и графини Рэймской принцесса Тигверд создала несколько подобных моделей в имперском стиле. Тае их отшили, она в них прекрасно себя чувствовала, а в Империи начался процесс за право женщины носить удобную одежду во время занятий, требующих максимально комфортной формы одежды.

— Не сержусь. Но глаз оторвать от тебя не могу. Не ревновать не могу! Каждого, кто бросит на тебя взгляд — на дуэль звать буду!

Тая рассмеялась, запрокинув голову.

...

Студенты первого курса военной Академии съезжались на учебу. Бледные, растерянные лица. Шепотом друг другу передавались жуткие слухи о том, что с того самого момента, как здесь стал заправлять бастард императора, с детьми обращаются жесточайшим образом, разве что не убивают. И тот факт, что Ричард Тигверд снова занял пост Главнокомандующего, а ректором назначили сначала какого-то полковника, а теперь — милорда Милфорда, бывшего начальника имперской контрразведки, этот факт не отменял, но наоборот, усугублял плачевное положение еще более.

Так что вновь поступившие были полны самых мрачных предчувствий. Старшекурсники же, что знакомили мелюзгу с территорией, правилами распорядка и прочими радостями жизни военной академии, оптимизма не прибавляли.

— Еще вопросы есть? — спросил у кадетов Пауль Рэ Тигверд.

— А...

— Про туалеты и сочинения — это правда. Не допускайте ошибок. Не будете драить горшки по ночам.

— И танцы, — поддержал его барон Кромер. — С преподавателем осторожнее. Он, если что — сразу докладную!

— И — самое главное — не злите Милфорда. Он, конечно, не принц Тигверд, но... не стоит.

— Про самоволки расскажем, когда хоть чуть пообтешетесь. А то все запалимся.

И на этом опытные второкурсники удрали по своим делам.

— Вот попали так попали, — протянул кто-то.

— Да...

И человек десять первокурсников побрели по огромной, обнесенной высокой стеной территории. Сквозь листву пробивались солнечные лучи.

— Ан гард.

— Эт ву прэ?

— Алле!

— Это еще что? Заклинания?

— Да нет... По звуку — фехтуют.

— Пошли, посмотрим!

Двое. Высокий мужчина и студент. В странных масках, закрывающих лица. Кажется, напору широкоплечего противостоять невозможно! Он силен, он быстр. Он... просто мощнее. Но маленькая фигурка изворачивается, уклоняется... И... наносит укол.

— Пятнадцать-четырнадцать! — объявляет широкоплечий. — Ты победила!

Фехтовальщики снимают шлемы. Широкоплечий, черноволосый выглядит странно довольным — будто победил он. А низеньк...ая... девушка... встряхивает гривой черных волос и недовольно говорит:

— И почему у меня складывается ощущение, что в этот раз ты мне поддался?!

— Я?!!!

— Вы что тут делаете?! — раздается за спиной у первокурсников злобное шипение. — Совсем с ума сошли — за ректором и его невестой подсматривать!!!

— Это — милорд Милфорд?!

— Да тише вы! Пошли отсюда! Быстрее! А то и нам прилетит — не унесем!

— А девица — это? — не выдерживает кто-то из мальчишек.

- Это не твое дело!
- А почему она в штанах и со шпагой?
- Потому что. Она не из нашего мира. Очень сильная фехтовальщица.
- Это где же такой сумасшедший мир, где девчонки...
- Я знаю, по меньшей мере, два мира, где женское фехтование переживает бум. Это мой мир. И мир Ваду, — смеется один второкурсник.
- Он еще Умы не видел!
- Девчонки? Да это же бред!
- Молитесь, чтобы Таисия Лукьяненко через пару лет не преподавала у вас фехтование, — подмигнул первокурсникам Пауль Рэ Тигверд.
- В Военной Академии? — в ужасе выдохнули мальчишки.
- Лично я — не удивлюсь!

Бонус. Свадьба

Рев на трибунах. Российские флаги — и не скажешь, что Япония! Среди них — огромное полотнище с изображением цветущей яблоневого ветви. Все, кто пристально следит за турниром по фехтованию, знают, что это — флаг самых преданных болельщиков Таисии Лукьяненко.

Многие репортеры решили, что девушка из России так понравилась японцам, что они болеют за нее. Но присмотревшись, выяснили, что болельщики, наверное, все-таки из России. Что означает их флаг, в таком случае, было не очень понятно, но во избежание недоразумений, решено было не акцентировать на этом внимание.

Щелкают камеры. Спортсменка на негнущихся ногах идет в раздевалку. словно черт из табакерки, выскакивает репортер и бесцеремонно тычет микрофоном:

— Всего несколько слов, Таисия! Всего несколько слов.

Девушка устало кивает.

— Мы вас все ПОЗД-РАВ-ЛЯ-ЕМ!!!

— Спасибо!

— Вы — олимпийская чемпионка в фехтовании на шпагах! Как вы себя ощущаете?

Тая испуганно проглотила два слова: «Никак» и «Опустошенной»:

— Очень, очень благодарной всем, кто меня готовил. Всем, кто за меня болел. Спасибо.

В голове билась мысль о том, что все происходит не с ней, что это — не на самом деле, что сейчас она проснется...

Да она в магию, Пустоту, Ану-Чи, другие миры и порталы поверила быстрее!

Хотелось остаться одной, вдохнуть поглубже, вытереть слезы, умыться холодной водой. Глаза горели, пот лил по спине, пальцы поглаживали кольцо под перчаткой.

— Таисия, что почувствовали, когда по ходу одной восьмой финала проигрывали немецкой спортсменке тринадцать — девять?

— Азарт. Злость на себя, — честно призналась Тая.

— Что помогло собраться и победить?

Тая насмешливо покачала головой, заметив, как тренер показывает ей знаки о том, что она не должна забывать о рекламе спонсоров:

— Тренировки. Готовились очень серьезно. Благодаря Арвину

Валентайновичу Эйшу, который принимал активное участие в финансировании, удалось поработать с разными специалистами. Много тренировок, сборов. Такая серьезная подготовка и привела к результату, на который все мы надеялись. Естественно не одну меня готовили, но так сложилось, что победить удалось мне, хотя вся наша команда очень сильна в этом сезоне.

— Прекрасно! Можно только порадоваться нашей российской школе фехтования, и той серьезной, тщательной подготовке, которая была проведена! Еще немного задержу вас, Таисия! В финале вы сошлись с вашей принципиальной соперницей, итальянкой Каролиной Лир, мы помним, какая напряженная была борьба между вами на двух последних чемпионатах мира.

— Да.

— Можно сказать, что у вас — принципиальное соперничество?

— Конечно.

— Информация о том, что ваш личный врач провел уникальную операцию, когда Каролина порвала связки на колене, — это правда? Прогнозы были самые неутешительные, если верить прессе.

— Да, это правда, — Тая вспомнила Ирвина и улыбнулась.

— Очень самоотверженный поступок, благородный. Ведь была возможность избавиться от сильного соперника, не так ли?

Тая посмотрела на журналиста, как на безумца, и сухо ответила:

— Простите, я очень устала...

— С нами была олимпийская чемпионка Таисия Лукьяненко, и мы еще раз поздравляем...!

Она думала о свадьбе. О своем зароке — глупом, как она сейчас понимала. О том, что эти два года милорд Милфорд терпеливо ждал. Мужчина ни словом, ни взглядом, ни разу не упрекнул ее.

Может, она повзрослела. Может, изменилась. Но именно теперь почувствовала потребность стать женой. И в горе, и в радости.

Все у них с Эдвардом было хорошо. Но весь этот месяц ее нет-нет, да и терзало сомнение: не устал ли он ждать. Не раздумал ли...

Томных покорных аристократок империи Тигвердов вокруг приближенного самого императора крутилось немыслимое множество. А она — на сборах. И даже когда вместе — засыпала быстрее, чем голова коснется подушки...

И сейчас, когда она хочет сказать ему: «Да...Да, да, да, да!» Сейчас... спросит ли?

...

— Миледи Вероника!

— Милорд Милфорд?!

Начальник имперской контрразведки в отставке, а ныне ректор военной академии, ворвался в гостиничный номер. Вероника за это время с одной стороны привыкла к спокойной, вполголоса говорившей Японии, с другой, постоянное напряжение во время турниров тоже сказывалось. И сейчас она никак не могла сообразить, что случилось, где пожар и куда бежать?!

Флоризель, что до этого мирно дремал около дивана, вскочил и оглушительно рывкнул.

— Мне нужна ваша помощь, миледи, — поклонился Милфорд, вспомнив о хороших манерах.

— Что?! Что-то с Таем? — побледнела принцесса Тигверд.

Милфорд кивнул.

— Что?

— Свадьба, — с тревогой проговорил имперец.

— Вы... раздумали жениться?

Сердце сжалось и затихло, пока она всматривалась в лицо милорда.

Он был каким-то...взъерошенным, потерянным...

Всегда спокойный, холодный, слегка насмешливый и безупречно элегантный, сейчас он стоял перед ней с безумными глазами и совершенно не знал, что делать и как при этом себя вести. Если бы ей кто-нибудь рассказал, что когда-нибудь она увидит Эдварда Грегори Шира милорда Милфорда в там вот состоянии — не поверила бы ни за что!

— Я?! Да как вы могли так подумать?

— Тая?..

— Она ничего такого не говорила, но...

— Эдвард! Прекратите меня пугать!

— Я хочу сразу после командных соревнований ее... похитить. — Последнее слово имперец произнес хриплым шепотом и с таким выражением на безупречно-аристократическом лице, что сомнений в его невменяемости, пусть и временной, у Вероники не осталось никаких.

— Что значит — «похитить»? Что значит — «наверное»? Вы меня совсем запутали.

Милфорд опустился на диванчик.

— Понимаете, Тая загадала — если выиграет эту вашу...как ее....

— Олимпиаду.

— Да! Если она выиграет — выйдет за меня.

— Глупость какая... И?..

— Я... ждал. Два года. Она готовилась. Мы больше не говорили об этом, а теперь... Что, если она передумала? Что, если тяготится обещанием, данным тогда?

— Так. Эдвард! Успокойтесь!

Вероника открыла холодильник. Да... Последнее время они с Ричардом и мальчишками (уже большие, можно) после каждого турнира привыкли снимать стресс бокальчиком вина. Ей очень нравилось сливовое. В общем, все, что было приличное, выпили. Только коньяк.

Она налила коньяк в бокал. Подумала. Достала из холодильника бутылочку с апельсиновым соком. Немного разбавила и протянула водному магу. Авось Стихии пронесут...

— Послушайте, Милфорд... Пейте. Выпейте, я сказала! Вы переживаете — это нормально. Но, может, стоит поговорить с Таей?

— Я все решил. Я украду ее после соревнований. И мы поженимся! Сразу!

— А зачем вам ее красть?

— Но...как же...Это обычай вашего мира! Пауль...

— Можете не продолжать, я все поняла, — ну погоди, мастер Пауль Ре! Мы с тобой еще поговорим на тему свадебных обрядов...

Вероника быстро заходила по номеру, скрестив руки на груди. Флоризель путался под ногами, но по черным блестящим глазам было видно, что он с ней совершенно согласен: «Безобразие! Форменное безобразие! И...и что теперь делать?! Правильно! Брать все в свои руки, как всегда. А потом, когда все уже будут довольны и счастливы, они будут намекать на то, что мы лезем опять не в свое дело...Ну, как всегда!»

— А платье!? — всплеснула она руками (отчего-то ей казалось, что с согласием выйти замуж вопросов не будет, но вот против бесцеремонного обращения девушка может взбунтоваться). — А гости?! Да если у нее на свадьбе не будет всех ее друзей — команды фехтования, Умы, ... нас с Ричардом, в конце концов! Вы уверены, что ей будет приятно? В нашем мире, Милфорд...

— Если я правильно понимаю, миледи, именно вы, представительница вашего мира, настаивали на свадьбе, где бы не было гостей. Я ничего не путаю?

На мгновение Милфорд стал прежним. Уже хлеб! Но что за манера приходить в себя только затем, чтоб посмеяться над другими...

— Не сравнивайте! Я второй раз выходила замуж. Это вовсе не то, что в первый, и...

Вероника прикусила язык, но было поздно. Глаза водного мага блеснули синим при одной мысли, что женщина может выйти замуж не один раз.

— Я ее украду! Как того требуют ваши варварские законы! И — в империю! Там, по крайней мере, женщины...

Вероника подумала — а не сходить ли ей за скалкой, чтобы уж точно успокоить имперского аристократа — раз уж водка с соком не подействовали. Потом вспомнила, что она в гостинице. Скалки тут нет. Значит, придется действовать с помощью ораторского искусства.

— Гав! Гав! Гав! — Фло старался поддержать, как мог.

Спасибо, друг...

— Давайте хоть через неделю! Мы все должны вернуться в Петербург. И, Эдвард! ПЛАТЬЕ!!!

— Неделя.

— И... где будет свадьба? Здесь, в империи?

— Да! Нет!

— Фууууух!!! Слушайте меня. Свадьба будет в Петербурге!

Милорд Милфдорд растерянно кивнул. И ушел.

— «Мне бы белого коня! Да на линию огня, а вот эти все свадьбы — это все не про меня»! — проворчала принцесса Тигверд, перефразировав любимого «Федота-стрельца». Подумала. И понеслась. До свадьбы с похищением оставалась неделя. И первое, что она собиралась сделать — это предупредить счастливую невесту.

...

— Миледи Вероника!

Тая радостно улыбнулась, пропуская принцессу Тигверд к себе в номер. — Вы — добрая волшебница!

— Да? — удивилась Вероника.

Так ее еще никто не называл.

— Вы просто мысли мои прочитали! Я так хотела вас увидеть...

Сердце предательски сжалось. Бедная девочка... ей и поговорить-то не с кем о своем, о девичьем. Ее тетя не поехала, лишь перекрестила на прощание трубкой, да выпустила вслед племяннице несколько голубых колечек, что удивительным образом сложились в олимпийские кольца. Вероника еще подумала, что ей померещилось.

Захотелось обнять девушку, прижать к себе, погладить по вьющимся волосам, но она сдержалась:

— Что случилось?

— Эдвард...

— Тааак. И?

— Я... Я хочу за него замуж!

— Вам, дорогие Милфорды, надо пожениться. Срочно! Ибо — как говорит император Фредерик — «у нас — приличная империя»! И по прошествии лет, я понимаю, что он таки прав!

— Вы считаете, я веду себя неприлично?

— Я?!

Смеялись обе. В голос.

— Кстати, об Эдварде. Он будет тебя похищать, — сообщила Вероника.

— Ух ты! Класс! — довольно блеснули глаза Таи. — А зачем?

— А он вбил себе в голову, что по-другому вы никак не сможете пожениться!

— ИИИИИИИИИИ!!!

Веронике просто снесло мощной волной неконтролируемого счастья, что исходила от юного здорового существа с отличной спортивной подготовкой. Да она так не радовалась, когда медаль выиграла! Вот, женщины. Как же нам немного надо...

— А что? — смеясь, спросила Вероника, — были сомнения?

— Нет! Но он — молчит! Ничего не говорит... Я же переживаю!

— Вы — отличная пара! Гармоничная очень... Остается несколько важных вопросов.

— Где будет свадьба?

— Нет, это не вопрос. Там — дело решенное. Тебя же похищают, забыла?

— Ааа! — Тая села. Потом вскочила. — Хорошо. А какие тогда вопросы?

— Список приглашенных. И — платье! Вот почему никто не задумывается о свадебном платье? — про то, что о собственном платье ей некогда напомнил император, принцесса Тигверд как будто бы забыла...

— Хорошо... Аааа!!!

Вероника смеялась, видя абсолютно сумасшедшую олимпийскую чемпионку.

— Вероника Евгеньевна, а почему вы решили меня предупредить?

— Потому что лучший сюрприз — хорошо подготовленный сюрприз!

...

Таю похитили, как только все вернулись в Санкт-Петербург.

Ричард проговорился, что молодые в Империи. Это очень даже устраивало тех, кто готовился к свадьбе, а именно — Веронику принцессу Тигверд Евгеньевну (так шутя последнее время называл ее Миро), и герцогиню Реймскую.

Мирослав Петрович очень помог. Благодаря его связям удалось сделать паспорт на Эдварда Григорьевича Милфорда, чтобы узаконить отношения имперца и коренной жительницы Петербурга. Ресторан решено было не заказывать — сняли корабль на всю ночь, кататься по Неве.

Платье для Таисии шили. Правда, олимпийская чемпионка заказала его сама по своему вкусу, ни с кем не советуясь. Это немного беспокоило Веронику. Она боялась, что это будет, например, белоснежный брючный костюм. С другой стороны — это ее свадьба. Пусть делает, как хочет.

Арвин Валентайнович, несмотря на огромное количество дел у себя в Ваду, неожиданно принял активное участие в оформлении. Он взял на себя цветы. По его распоряжению делались какие-то бутоньерки, букеты, украшения стола, что-то еще, и честно говоря, Вероника была этому очень рада. Ее больше занимало меню. Что гости будут есть и пить. Это ей было и понятнее и казалось намного важнее.

В утро, когда торжество должно было состояться, Вероника с ужасом поняла, что не знает, в чем идти. Она все сделала, а про себя забыла. Выручила Дарина. Чкори появилась в ее комнате с уже знакомым «тревожным чемоданчиком» и с той же проблемой. Залезли в ноутбук, выбрали, что понравилось и просто вытащили эти модели, причем необходимого размера.

...

Салон красоты «Магия» сиял фиолетовой вывеской в предрассветном тумане Васильевского острова. Такого же цвета была визитка: *«Рудольф Волчаковский. Стилист. Визажист. Парикмахер»*.

Когда Тая записывалась, ей обещали, что он гений. Сейчас гений пил кофе, сидя к девушке спиной.

— Ой, ну где там моя невеста, а? Эльвира?! Вот они сначала опаздывают, а потом ноют, что я долго делаю, ну? А там у нас что? Прическа, макияж...Ну? Это же не за три секунды делается!?

— Я здесь, — Тая улыбнулась Эльвире, девушке, которая сидела за стойкой и отчаянно пыталась предупредить гения, что клиентка уже пришла.

Однако гений не только ничего и не заметил, но и не смутился ничуть.

— Ну вот, молодец, пришла вовремя. Платье с собой, я надеюсь? Я без платья образ не подберу!

— Да, вот оно, — девушка приподняла перекинутый через руку чехол.

— Так, все! Время! Переодевайся, лицо смыть, волосы распустить, и ко мне! Туфли с собой?

— Да...

— Ну давай, давай, вре-мя!

Тая провела рукой по белоснежному атласу. Конечно, Милфорд будет не очень доволен таким ...откровением на спине, но...

Видимо, в ней, наконец, проснулась женщина. То есть все это время она, эта женщина, наверное, все-таки спала. Тая обращала внимание только на форму для фехтования. Потому что от этого зависел результат. А так... Косметика, платье, туфли. Это все было слишком не нужно и не важно. До того момента как они с платьем нашли друг друга!

Внутри неожиданно поднялось что-то, против чего она просто не могла идти. Это — и все! Это оно...Она будет в нем и точка!

— Так, Эльвира, иди, помоги! Что там? Корсет, юбки...Помоги ей одеться! Это ж свадебное платье, а у нас время! Нет, ну сначала возьмись, а потом говорят, я долго делаю!

— Я готова, — невеста вышла из-за ширмы и, чуть покачнувшись на высоких каблуках, остановилась в нерешительности, не зная, куда деть руки.

— Так... Ну красотка! Эльвира, скажи, красотка! Так повернись...Ну секси! Эльвира, скажи, секси! Так, я тебе вот что скажу — нужны перчатки, поняла?

— Так рукав же длинный...

— Правильно, короткие перчатки нужны. Эльвира, принеси, там у нас должны быть.

— Рудик, откуда у нас перчатки?

— Ну так пойд и купи! Мне нужны перчатки, Эльвира, что непонятного?!

Эльвира, невысокая полненькая блондинка с жизнерадостными ямочками на щеках миролюбиво улыбнулась:

— Иду, Рудик, иду! Бегу уже! Тут рядышком свадебный салон, да? Они ж нас с тобой знают, вот я сейчас на выбор несколько пар и принесу.

— Ну конечно на выбор, а как еще? Подобрать же надо! Тут кружево не подойдет, крупная сетка не подойдет. Разрезы, бантик, стразики вообще не подойдут! Тут мелкая сетка нужна. И цвет, ты видишь? Только белое!

Шампань, слоновая кость, это все не подойдет! Так садимся, я волосы посмотрю твои.

Тая, слегка напуганная, села в кресло. Ей было непривычно. В салон красоты она попала первый раз. То есть однажды она была в парикмахерской, когда назло отцу решила обстричься. Но пока сидела в очереди, передумала.

— Так, ну что... Не так все плохо.

Это было последнее, что сказал Рудик. Маленького роста, худенький, с неестественно белым ежиком волос и таким же неестественно загорелым личиком, гений начал колдовать. Мелькали его ловкие, умелые руки с огромным количеством ниточек и ремешков на запястьях.

Рудик что-то втирал в волосы (пахло это просто волшебным), расчесывал, завивал, подкалывал, скручивал. Потом все это сушилось, заплеталось, опять расчесывалось и снова завивалось и в конце концов на Таю была одета белая шапочка, а Рудик занялся лицом. И снова мелькали руки, кисточки, щипчики, спонжики, все это пахло, кружилось, клубилось, превращаясь в очередной шедевр.

— Ну я же говорю — не все так плохо, — наконец сказал Рудик, снимая с девушки шапочку и разворачивая, наконец, к зеркалу...

Первые несколько секунд Тая не могла понять, кто это там, в зеркале...

— Это...

— Что? Не нравится, что ли?

— Нет-нет, что вы... Это... Это очень красиво. Просто...

— Ой, ладно, ты приходи в себя от счастья, а я... Эльвира! Принесла?

— Да, вот! Ой, как хорошо... Вы такая красивая!

— Спасибо.

— Так... Не то, не то, не подходит, это вообще не подходит! Вот эти возьми. Нет, снимай! Эти? Нет, не надо, убери их... Вот! Вот... Ну вот! Я же говорю, мелкая сетка, крупная не подходит. Вот эти, поняла?

— Да, — Тая прижала затянутые в перчатки руки к груди, — А можно... можно, я вас обниму?

— Ой, ну ты посмотри, прелесть какая... Нет, ну я сейчас заплачу, правда... Ну иди сюда! Осторожно, макияж... Нет, ну красотка. Эльвира, скажи, красотка? И секси. погоди, я тебя сфоткаю, у меня камера хорошая есть. Мне для рекламы. И тебе. Тебе ж нужна красивая аватарочка?

Фотоаппарат щелкнул удивительно вовремя — вместе с хлопком портала. Хорошо, что никто не заметил. Рядом с невестой появился жених.

Милорд Милфорд не мог отвести глаз от своей возлюбленной. Она стала какой-то другой. Наверное, в этом мире все же есть магия...

— Милфорд...

— Ой, ну повернись, порадуй мужчину своего! — слегка растягивая слова пропел визажист.

И Тая повернулась...

— Рудик! — пискнула Эльвира и бросилась в туалет, откуда фонтаном била вода.

Салону красоты грозил настоящий потоп! Вода текла и в салоне, там, где обычно мыли голову клиентам.

— Рудик! Что?! Что нам делать?

— Ну...Боже мой, ну что? Что делают в таких случаях, Эльвира? Ну... Мужчину звать!

Эльвира внимательно посмотрела на молодого человека.

— Да не в этом смысле...Этого...как его...Сантехника!

— Эдвард, пожалуйста, — Тая не сводила с мага блестящих, счастливых глаз, — Пожалуйста, не сердись...И...помоги им! Ну пожалуйста!

Потом прекратился, но стихийник все никак не мог успокоиться:

— Что?! Что...это...

— Это?! Это глубокое декольте на спине, чтоб вы знали. Да, да, именно декольте! Сейчас не в тренде, кстати. Но ты не переживай! Это твой! Абсолютно твой стиль, ага...И потом...Секси! Нет, ну бомба! Эльвира, скажи, бомба?

— Спасибо вам большое! Мы...пойдем.

— Нормально, да? То есть обнимать передумала? Ну, иди! Идите сюда, я вас поцелую и поздравлю!

Синие-синие глаза заставили забыть сначала последние несколько мгновений, а потом и вовсе визит очень красивой брюнетки-невесты в платье с открытой спиной...

Этот странный смуглый человечек с белыми короткими волосами собирался целовать его невесту! Маг не мог этого допустить, поэтому решил уйти порталом и стереть из памяти воспоминание о вспыхнувшей посреди салона радуге. Но случайно Милфорд стер и весь визит. Случайно. На всякий случай.

Нарядная толпа. Принцесса Тигверд в ярко-васильковом брючном костюме, герцогиня Реймская в платье цвета запекшейся крови с открытыми плечами. Луиза в персиковом, имперском платье, и российская женская сборная по фехтованию на шпагах в ярко-алом атласе.

Вероника пришла в восторг от этой идеи — получилась свита невесты!

Девушки держали в руках шпаги, украшенные бутоньерками живых цветов. Такие же точно красовались в петлице элегантного костюма Арвина Валентайновича и каштановых волосах его прелестной спутницы. Риадна была в нежно-зеленом платье, нежно-зеленая кожа Ии старательно припудрена — все было хорошо. Ждали молодых.

Тая и Эдвард появились из радужного портала под радостные крики! Дети во главе с Умой бросали яблоневого лепестки, маэстро Зорго играл удивительную, нежную мелодию, Вероника до боли сжимала локоть Ричарда, который был недоволен тем, что жена в брюках, а увидев платье невесты чуть не спалил ЗАГС, герцогиня Реймская улыбалась Мירו, мысленно умоляя полковника Лукьяненко не разреветься еще до начала церемонии.

Курчавые темные волосы невесты каким-то замысловатым способом были заплетены в косу, украшены жемчугом и все тем же яблоневым цветом. Платье было белым, без кружев, с полностью открытой спиной. Тату на поясице, что повторяла странный узор, такой же, как на поясе Реймской, светился и переливался на смуглой коже...

Дарина подмигнула, поймав удивленный взгляд Вероники.

— Это — так... Наши маленькие колдовские штучки! Так-то... Хороша девка! Но на мой вкус можно было бы и... Хотя ладно! Чего уж там... Не прятать же красоту такую, а девочка? Как думаешь? — Зара в длинной цветастой юбке посмотрела на Веронику, трогательно и искренне ища поддержки.

— Я... полностью с вами согласна! — шепнула принцесса Тигверд.

— Дорогие жених и невеста! Дорогие гости! Сегодня...

Дальше принцесса Тигверд почти ничего не слышала. Она смотрела на императора Фредерика и Наташу. Они очень оживленно перешептывались. Императора интересовала каждая мелочь местной церемонии, и писательница из кожи вон лезла, чтобы правитель Империи Тигвердов понял хоть что-нибудь. Видимо, получалось определенно не очень. Но... эти двое были счастливы.

Герцогиня Реймская и полковник Лукьяненко хоть и стояли рядом, под руку, оба делали вид, что внимательно слушают. Было видно, что думают они при этом только о том, что стоят они рядом. Под руку. И они были счастливы...

Брэндон и Джулианна, те даже вид никакой не делали. Над их головами нервно мигала неоновая вывеска: «И мы тоже хотим пожениться!» А вот и Ия с Ирвином! Та же история...

— Перед началом регистрации прошу Вас еще раз подтвердить,

является ли Ваше решение стать супругами, создать семью искренним, взаимным и свободным. Прошу ответить Вас, невеста.

Вероника посмотрела, наконец, на женщину, что проводила церемонию и еле сдержалась, чтобы не рассмеяться. Настолько та была нарядной, строгой, торжественной и. такой...ну такой, как надо!

Все, как и должно было быть. Скучные в нашем мире церемонии. Не то, что в Храме Стихий! Землю швырни налево, воду плесни направо. Вот только в носу почему-то щиплет... Если женятся те, кого искренне любишь — обязательно глаза на мокром месте! Даже если все эти речи кажутся смешными и наигранными. Все равно плакать хочется...

— Да, — тихий голос девушки был последней каплей, слеза покатилась по щеке.

— Прошу ответить Вас, жених.

— Да! — зарычал милорд, и женщина, сжимая красную бархатную папку с торжественной речью, вздрогнула так, что чуть было не выронила свое сокровище!

Надо же... Веронике казалось, что ничто не может вывести этого монстра из себя. Оказывается, может!

Когда работник ЗАГСа опомнилась и еще строже и торжественней пригласила молодых скрепить свой союз подписями, произошла небольшая заминка. Подпись с Милордом никто не репетировал. Про это просто-напросто забыли в предсвадебной суете. Водный маг позвал чернила из шариковой ручки, аккуратно смочил ими перстень и поставил печать в нужном месте прежде, чем кто-либо успел опомниться.

После этого предложение поздравить друг друга поцелуем в исполнении несчастной звучало уже далеко не так уверенно, не говоря уже о том, что кольца Эдварду и Тае, по сценарию Арвина Валентайновича, Пашка и Рэм передали на кончиках украшенных цветами шпаг.

Все исправил поцелуй... Это было настолько трогательно, что свадебная генеральша, обеими руками прижимая красную папку с торжественной речью к пышной груди, искренне простила всех, кто действовал сегодня не по уставу!

Про остальных что и говорить... Император прижимал к глазам Наташин платок, Флоризель, наклонив голову набок, жалобно поскуливал. Лишь Пауль, Фэликс и Рэм не были растроганы. Нет, они тоже были искренне рады. Но...Ох уж эти ухмылки! Погодите, погодите голубчики. Недолго вам осталось!

Особенно сильно Веронике хотелось, чтобы влюбился Рэм. Феликс еще слишком молод, а Пашка... Интересно, они с Зоей виделись здесь, в

Петербурге?

После поцелуя все вышли обратно, где на лестнице молодых опять ждали дети с корзинками яблоневых лепестков! Парадные мундиры мужчин империи, драгоценности Луизы и Реймской, элегантный брючный костюм принцессы Тигверд и совершенно обнаженная спина Таисии Милфорд... Все это смотрелось более чем оригинально.

В толпе зевак шептали про тематическую свадьбу и ролевигов, да и работники ЗАГСа, видимо, видели такое не часто. Но никто не возражал. Присутствие самого полковника Лукьяненко очень способствовало позитивному восприятию происходящих вокруг событий. Шпаг, яблоневых лепестков, сказочно красивых мужчин и женщин...

Скрипка Зорго Цума пела над Невой почти всю ночь. Все танцевали. Пили. Ели. Смеялись. Плакали. Уверяли жениха в том, что обязательно придут на их бракосочетание в Храм Стихий! Обязательно!

После торжественного бракосочетания русалки в венках из белых роз (Арвин Валентайнович решил, что розы подойдут как нельзя лучше), поплыли за кораблем! Император с сыновьями уже не выдержали и отвели тем, кто мог это видеть, глаза.

Интересно, фейерверк тоже никто не увидел? Если так то очень жаль, потому как никто не делает фейерверки лучше Брэндона! Не только в нашем мире, но и в Империи Тигвердов...